Легендарная подлодка U-977

Хайнц Шаффер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хайнц Шаффер, командир немецкой подводной лодки U-977, рассказывает о событиях Второй мировой войны, о службе на подводном флоте, не утаивая ее тягот, опасностей и условий быта; о битве за Атлантику и удивительном спасении субмарины, совершившей длительный автономный переход до Аргенины, где команду ждало заключение и обвинение в спасении Гитлера. Приведенная в книге информация особенно ценна тем, что дана с позиции противника СССР в войне.

- ○
  - ○ ЛЕГЕНДАРНАЯ ПОДЛОДКА U-977
  - ○ От автора
  - ○ Вчера
  - ○ Белые паруса для серых волков
  - ○ Серые волки показывают зубы
  - ○ Глава 4. «Иди и топи»
  - ○ Рождественский вечер
  - ○ Глава 6. Заправка под водой
  - ○ Глава 7. Гибралтар был адом
  - ○ Глава 8. Худший враг
  - ○ Глава 9. Воздушная атака.
  - ○ Глава 10. Нептун приходит на борт.
  - ○ Глава 11. В ожидании нового оружия
  - ○ Глава 12. Моя последняя команда
  - ○ Глава 13. Шестьдесят дней п одводой.
  - ○ Глава 14. Южный Крест
  - ○ Глава 15. «Вы спрятали Гитлера»

Легендарная подлодка U-977

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга не только хорошо написана, но и представляет яркий отрезок военной истории. Если бы не эти два обстоятельства, я ни за что не коснулся бы этой «глубинной бомбы».

Моя точка зрения должна определяться с самого начала, потому что я не хочу считаться защитником каких бы то ни было военных достижений Германии. После войны появилось слишком много книг, фильмов, пьес, убеждавших в том, что немцы, введенные в заблуждение, были в основном честными людьми, доблестно воевавшими, как и любой христианский солдат. Я не хочу принадлежать к сторонникам такого мнения, в особенности после того как была предпринята решительная попытка представить фельдмаршала Роммеля (одно время начальника личной охраны Гитлера и главу гитлерюгенда) как вовсе не нациста, а просто порядочного офицера, стремившегося как можно лучше выполнять свой долг.

Этот вздор охотно покупается в качестве трескучих фраз, преподнесенных как новинка и упакованных как подарок к празднику. Но это все равно вздор.

Читая эту книгу, вы также сделаете замечательное открытие: в побежденной Германии действительно не было нацистов, просто миллионы «порядочных немцев» ужасно страдали из-за тех страшных вещей, которые их заставляли делать другие. Вы вспомните также, что генерал Макартур обнаружил то же самое в Японии: все [- 5 -] японцы до последнего - просто жующие жвачку демократы, ожидавшие только прибытия американцев, чтобы по казать это. Вы вспомните общую готовность приветствовать как немцев, так и японцев - добрых парней, которые просто немного сбились с правильного пути.

К сторонникам и такого мнения я тоже не хочу принадлежать.

Никто не может сказать, почему западный мир принимает этот особый вид слепоты. Ибо фашистская Германия отнюдь не была нацией честных простаков. Все они знали, чего хотят, и готовились пройти весь путь, чтобы достичь цели. Пока их не победили (тогда все цвета внезапно изменились), они были абсолютными сторонниками идеи мирового господства, от всей души поддерживавшими отвратительную тиранию, которая, если ее не сдержать, опустила бы занавес над человеческой свободой для всех последующих поколений.

Теперь они сладко поют (и другие поют для них): «Давайте

любить друг друга, давайте пожмем руки над траншеями. Все происшедшее было страшной ошибкой ». Но в xx веке эта ошибка произошла уже дважды. Дважды этот народ, а не какой-нибудь другой, ввергал весь мир в страдания и кровопролитие, преследуя свою мечту о безграничной власти. И тогда и теперь это признается ошибкой только из-за поражения. Мы забыли об этом, а это опасно.

Среди наихудших из добровольных защитников идеи всемирного порабощения были люди, служившие на подводных лодках, что возвращает нас к этой книге.

Никто, кроме маньяка, садиста или романтика моря, не может выступить в защиту подводной войны. Это жестокая и отвратительная форма человеческого поведения независимо от того, применяется ли она нами или немцами. Это предательство, под каким бы флагом оно ни выступало. По известной англо-американской иллюзии, немецкие подлодки отвратительны, наши - совсем другие, даже чудесные. (Это самозаблуждение не подтверж- [- 6 -] дается теми, кто сам побывал под прицелом торпеды.) Конечно, это оборотная сторона медали. Нельзя отрицать, что подводники любой страны - храбрые и умелые люди. Они приучены выполнять свое дело в условиях настоящей опасности, в чем, возможно, и проявляется настоящее мужество. Но то, что составляет дело их жизни, - убийство тайком, без предупреждения и без пощады - является злом в той же мере, как и мастерством. Более того, зло превалирует и, если подумать, оно не имеет прощения.

Перед нами книга смелого и умного человека, который был воплощением этого зла. Написав предисловие к ней, я не выступаю сторонником принципа «простить и забыть». Автор и люди, подобные ему, старались убить меня и моих друзей в течение пяти лет подряд. До конца битвы за Атлантику я питал отвращение к ним и боялся их. Я и теперь питаю к ним отвращение. Но было бы правильно теперь, когда борьба закончена и немецкие подлодки разоружены, постараться понять и другую сторону. Мы должны узнать, на что похожа картина войны с другой стороны перископа, понять, что заставляло этих людей действовать и, действуя, убивать.

Мы узнаем о подготовке молодых подводников, об их посвящении в особый вид убийц. Мы узнаем, что они чувствовали, видя свою жертву, и, наоборот, когда, как это нередко случалось, сами становились жертвой, а глубинные бомбы рвались и грохотали вокруг них.

Большую часть войны автор командовал подлодкой, и, надо сказать, хорошо командовал, иначе не уцелел бы. Мы узнаем об

огромном напряжении человеческих сил, которого требует служба подводника.

Мы узнаем о появлении в войне на море радара, этого важного оружия, которое изменило ход борьбы и сравняло, наконец, подлодки и надводные суда.

Мы узнаем об огромной цене сохранения столь важной артерии через Атлантику. Именно здесь стаи подлодок нападали на конвой и иногда разрывали его в клочья, [- 7 -] а иногда сами погибали в атаке. И мы реально понимаем то, о чем могли только догадываться или чего бояться в те прошедшие скверные дни.

Книга заканчивается бегством подлодки U-977 в Аргентину в конце войны. Этот переход занял три с половиной месяца. Команда временами была дисциплинированной, а временами находилась на грани мятежа. Подлодка провела под водой 66 дней подряд - подвиг выносливости и решительности, который заслуживает всяческого уважения.

Но всегда в подобных случаях остается «что-то еще». Для меня таким «чем-то» является небольшой инцидент с потоплением танкера, описанный в начале книги. Его буквально разорвали надвое при штормовой погоде. Конечно, никакого предупреждения не было. Просто увидели, выследили, рука - на кнопке пуска, и - сладкий момент убийства. Когда все было кончено, говорит автор, когда те, кто пытался спастись, оставались умирать, а разбитый корабль захлестывали волны, «мы поставили пластинку и слушали старые песни, напоминавшие нам о доме».

Книга заставляет нас сочувствовать командам других подлодок, не сумевших достичь берегов Аргентины; они напрасно искали «уважения к побежденным».

Ах, Германия!

Но читайте сами. Эта книга ценна своей подлинностью и четкостью показа этого вида войны. Еще большую ценность она представляет для понимания первопричин появления подводных лодок. Прочитав ее, вы не только ощутите грязь и жестокость жизни подводника, но и поймете, как далеко могут пойти политики по дороге безумия и что могут причинять другим людям В неуемной жажде власти.

Николас Монсеррат [- 8 -]

ЛЕГЕНДАРНАЯ ПОДЛОДКА U-977
Воспоминания командира немецкой субмарины 1939-1945

[- 9 -]

[image]

Чертеж подводной лодки

[- 10 -]

От автора

После Первой мировой войны те, кто в ней участвовал, поспешили выразить себя в печати, потому что в тех обстоятельствах они чувствовали себя способными полностью рассказать правду о себе и о своем времени. Но очень мало немцев, выживших во Второй мировой, нарушили молчание. Причина, по-видимому, заключается в том, что их подвиги были бессмысленными, а их будущее в нашем резко изменившемся мире затемнено угрозой новой войны.

Я всего лишь один из тех неизвестных молодых немцев, кто прошел Вторую мировую войну и тоже бы хранил молчание, если бы мог. Но тайна подлодки U -977 уже стала объектом столь многих комментариев, что я чувствую необходимость рассказать ее подлинную историю. Я был последним командиром этой подлодки и, поскольку живу теперь за границей, могу говорить более свободно, чем те, кто вернулся домой. Я понял свою ответственность, как только начал писать эту книгу. Кроме Гюнтера Прина, погибшего в первые дни войны, я не знаю ни одного командира подлодки в войне 1939-1945 годов, кто приложил бы перо к бумаге. Те, кто мог бы лучше меня рассказать обо всем, или на дне моря, или захвачены борьбой за выживание в послевоенном мире. Однако я боюсь, то, что я могу рассказать, [- 11 -] значит очень немного по сравнению с тем, о чем могли бы сказать более выдающиеся люди. Но все-таки кое -что это значит, поскольку в то время, как уже появились одна или две книги, повествующие о сражениях на земле и в воздухе с точки зрения немцев, никто не рассказал о том, что мы делали в море в этой самой ужасной из всех международных войн.

И на земле и в воздухе Германия, поддержанная своей мощной промышленностью, начинала войну та кой же сильной, как ее противники. На море мы всегда выступали против значительно превосходящих сил и должны были пополнять наши скудные материальные возможности собственными усилиями и умением. Думаю, что имею право сказать, что мы выполнили свою задачу ценой огромных требований к каждому отдельному человеку. Рассказ о том, как немецкие моряки выдерживали эти требования, - не самая маленькая глава в истории этой войны.

С моей точки зрения, мой собственный опыт был в некотором роде уникальным, так как я командир подлодки, совершившей одно из первых длительных подводных путешествий в истории человечества. Это значительно осложнило мою жизнь, потому что оказалось связанным с вопросами «большой политики». Об этом

говорится в последней главе книги.

Все вышесказанное и заставило меня рассказать. мою историю. Я посвящаю свою книгу команде моего корабля, стоявшей бок о бок со мной в этом памятном походе в Аргентину, моей матери, которая пробудила во мне интерес к морю, когда я был еще ребенком, и моей жене, без устали помогавшей мне в ее написании. Пусть эта книга станет данью памяти тех, кто служил в немецком подводном флоте. [- 12 -]

Глава 1Вчера

Послевоенная судьба забросила меня, жителя Берлина, в Дюссельдорф на Рейне. С трудом можно было узнать этот когда-то прелестный оживленный город. Я отправился гулять по центру и всюду видел изможденных, бедно одетых людей, руины на месте красивых домов, и везде солдаты в форме оккупационных войск. Задумчиво шел я по Кенигштрассе. Проходя мимо газетного киоска, я услышал визгливый крик газетчика: Гитлер жив!

Присмотревшись внимательнее к заголовку, внизу я увидел набранные мелким шрифтом слова: «Бежал в Аргентину на борту подлодки 977»

Я был одним из немногих купивших газету. Взяв ее, я расположился в кафе и, сидя со стаканом водянистого послевоенного пива, пытался оценить эту последнюю «бомбу». Агентство из Буэнос-Айреса сообщало о книге некоего Ладислава Жабо, опубликованной в столице Аргентины. В книге говорилось, что подлодка моего товарища U-530 и подлодка U-977, моя собственная, - единственные оставшиеся на свободе суда немецкого военно-морского флота. Они появились у берегов Аргентины гораздо позже, чем была подписана капитуляция, и составляли часть «призрачного конвоя», который доставил Гитлера и других «больших шишек> Третьего рейха [- 13 -] сначала в Аргентину, а затем в Антарктику. Газета поместила даже маршрут, которым следовал «призрачный конвой», И указывала точку, где подлодки отделились от него. Кроме того, в газете утверждалось, что оба упомянутых командира готовы поручиться за правдивость этой истории.

Хотя некоторые аспекты рассказа были довольно забавны, в целом он произвел на меня неприятное впечатление из-за тех ассоциаций, которые у меня возникли. Дело в том, что с 17 августа 1945 года надо мной постоянно тяготело обвинение: «Вы, Шаффер, тот человек, который привез Гитлера в Аргентину!» После этого, имел ли я дело со специальной комиссией союзников, приземлившейся в Буэнос-Айресе, или с офицерами американской разведки, отправившими меня в Вашингтон, чтобы подвергнуть допросу экспертов Британского адмиралтейства, я вынужден был сражаться изо всех сил, чтобы оправдать себя.

Нелегко забыть то значение, которое придавали нашему появлению в Аргентине. Его расценивали как один из ключей к решению не одной важной политической тайны. «Именно потому, что ВЫ помогли бежать Гитлеру, Шаффер, - говорили мне, - вы

гораздо более интересны с нашей точки зрения, чем даже Скорцени, освободивший Муссолини».

Пока я вспоминал, уже стемнело. Я вернулся в мое унылое холостяцкое жилище и постарался заснуть. Но газетное сообщение из Буэнос-Айреса вызвало целый поток воспоминаний.

В ящике моего письменного стола лежат смятые тетради, в которых полностью рассказана правдивая история «чудесного» путешествия U-977. Это история и моя, Хайнца Шаффера, человека, который якобы провез Гитлера «зайцем». Эти тетради точно [- 14 -] протоколируют каждый этап моей карьеры на море. Когда я переворачиваю страницы, они издают характерный запах масла, смолы, морской воды, которым пропитано все на борту подлодки. Мой собственный почерк - достаточно достоверное отражение моего состояния изо дня в день. Иногда он спокоен и ровен, буквы выведены с каллиграфической четкостью, как в свое время в школе. Иногда это просто карандашные каракули, когда мы сталкиваемся с противником. Наконец, последние 66 страниц написаны так разборчиво; что могли бы быть написаны школьником.

Теперь я мог снова увидеть себя 17 августа 1945 года в порту Мар-дель-Плата. Лодка окружена аргентинскими военными кораблями. Командующий флотилией прибыл на борт со своим штабом. Моя команда построена на палубе. Я произношу рапорт по-немецки. Аргентинец не понимает ни слова, но прекрасно осознает важность события. Могу я говорить по-французски? Теперь, наконец, мы находим общий язык.

В течение получаса самое позднее мы должны уйти с корабля. Люди могут собрать свои вещи. Мне позволено попрощаться с командой. Мне удалось все-таки взять правильную ноту, чтобы выразить всю глубину наших чувств. Горло пересохло, мне пришлось откашляться, чтобы начать говорить.

- Камараден, - начал я. - Как мы и договаривались 9 мая этого судьбоносного года, мы вошли в порт Аргентины. Я уверен, что мы поступили правильно. Никто из нас никогда не пожалеет, что участвовал в этом походе. Для большинства из нас он навсегда останется величайшим испытанием в жизни, достижением, которым можно гордиться. Тяжело расставаться после всего, что мы пережили вмес- [- 15 -] те. Ведь мы так тесно привязались друг к другу, что стали почти единым целым. Но теперь каждый становится хозяином своей судьбы и волен идти своим путем. Но мы никогда не должны забывать, что мы германские моряки, сумевшие остаться в живых, хотя мы воевали в наиболее грозных и опасных войсках, участвовавших в этой войне. Эта мысль будет объединять нас в грядущие годы. Благодарю вас за доверие и

преданность делу. Желаю, чтобы осуществились надежды каждого из вас и исполнились ваши желания.

После этого я в последний раз пожал каждому руку. На этих бородатых обветренных лицах можно было прочитать все эмоции. У многих в глазах стояли слезы. Но я должен был сохранять выдержку и до конца играть роль железного человека. Последним я протянул руку Мозесу, самому младшему члену нашего экипажа.

- Я не беспокоюсь о тебе, мой мальчик, - сказал я. - Ты крепко стоишь на ногах. Удачи тебе, Мозес. Мы должны были попрощаться и с нашей надежной подлодкой. Над блистающими под солнцем водами Мар-дель-Плата в последний раз прозвучал немецкий приказ: «Bezatzung stilIgestanden! Трижды ура нашей верной непобедимой подлодке U-977. Гипгип- ура!»

Аргентинские офицеры с уважением наблюдали за этой маленькой прощальной церемонией. Затем они приказали мне и моим офицерам подняться на борт флагмана. Я сохранил все вахтенные журналы, карты и навигационные данные и взял их с собой. На палубе аргентинского крейсера «Белграно» построилась команда аргентинской подлодки. Оркестр играл марш, когда мы поднимались по сходням. Я с моими офицерами явился к вахтенному офицеру, и [- 16 -] он вместе с нами промаршировал вдоль рядов матросов в белой форме. И хотя я еще не знал, как обращаются с немецкими солдатами и матросами в других странах и других портах (как с побитыми собаками, без всякого уважения или хотя бы внимания), я был благодарен за рыцарский жест по отношению к побежденным.

В кают-компании мне предложили сделать подробный отчет о нашем переходе, обозначенном на картах. Затем я должен объяснить командующему флотилией подлодок, почему я не затопил свой корабль в открытом море. Я ответил ему, что если бы мы это сделали, то никогда не смогли бы осветить подлинные факты нашего похода. Но как мало значило все, что я говорил, стало очевидно ИЗ его ответа:

- Капитан, я должен сказать вам о наших подозрениях, будто ваша подлодка несколько дней назад потопила бразильский пароход «Бахия». Вас подозревают также в том, что Адольф Гитлер, Ева Браун и Мартин Борман находились у вас на борту и вы высадили их где-то в южной части континента. Оба эти вопроса должны быть разъяснены немедленно.

Разложив на столе свои карты, я уверенно провел наш курс, начиная с 9 мая.

- Если этот курс указан правильно, - допустил он, - то вы были в 50 милях от места затопления «Бахии». Однако мы

проверим ваши данные.

Было совершено ясно, что офицеры не собирались тащить меня на допрос в тот же день, пока они не проверят мои судовые документы и не прибудет переводчик из Буэнос-Айреса. Нас официально уведомили, что мы являемся военнопленными. Меня разлучили с моими офицерами и проводили в просторную офицерскую каюту, где на столе я обнаружил бутылку хорошего шотландского виски. [- 17 -]

Снаружи поставили двух часовых. После долгих месяцев меня впервые оставили наедине с моими воспоминаниями и чувством ответственности.

Как получилось, что моя война. закончилась почти через 100 дней после капитуляции вермахта? Как получилось, что с неповрежденной подлодкой и всеми документами я вошел в гавань государства, считавшегося врагом с марта этого самого года? Как могли аргентинцы прийти к мысли, что Гитлер был у нас на борту? [- 18 -]

Глава 2. Белые паруса для серых волков

Берлин - мой родной город и самое раннее мое воспоминание. Берлин с его оживленными, заполненными людьми улицами, его домами, его трудолюбивым добродушным народом - это город, оставивший свой след в истории всей Германии.

В моей памяти Берлин сохранился как бы окруженный мерцающим поясом: воды его рек и каналов, сияющее пространство его озер, издали манящие вас неподвижные молчаливые заливы... Все здесь как бы приглашает вас задержаться и полюбоваться этой красотой. Мысленно я вижу величественные сосны Бранденбурга, отражавшиеся в этих водах, и себя, пятилетнего мальчика.

- Когда вырасту, стану морским капитаном, - сказал я своей матери, стоявшей у моей кровати и умолявшей меня быть повнимательнее и не падать больше в воду. Но в этом не было необходимости. я уже умел плавать не хуже любой водяной крысы.

Хотя я быстро стал опытным гребцом, мое внимание постоянно привлекали летящие по волнам парусники. Я с завистью смотрел на яхты, без видимых усилий скользившие под парусами. Вскоре несколько моих друзей и я загорелись идеей превратить рыбачью лодку моего отца - хотя на самом деле я не знал никого, кто бы с нее рыбачил, - в совершенно [- 19 -] другое судно. Время для подобной работы было самое подходящее: отец уехал охотиться, а мама занималась заготовкой фруктов. Так что мы друзьями включились В работу и дело закипело. Мы поставили подпорку для бобов вместо мачты и прибили к ней гвоздями бельевые веревки для растяжки.

Наши первые достижения в плавании были обнадеживающими. С попутным ветром нам удалось проплыть несколько часов против течения. Но когда мы повернули против ветра, все резко изменилось. Вы не можете лавировать без соответствующего киля, но его можно заменить швертами. Мы видели баржи, поднимающиеся к ветру с помощью швертов. Их - то мы и решили сделать. В нашем саду оказалось достаточно дерева. Нам удалось добыть гвоздей про запас. После того как мы прикрепили шверты к бортам лодки, она выглядела как ложе факира, утыканное гвоздями. Естественно, везде просачивалась вода. Мальчики часто бывают первоклассными импровизаторами,

но при этом они обычно ломают и портят вещи, сами того не желая. При первом шквале мы перевернулись, и наш замечательный парусник затонул со всей оснасткой.

- Если ты будешь так продолжать, это не последний корабль, который ты утопишь, - сказал мой отец, посадив меня в наказание дома. Мог ли он угадать, насколько точно сбудется его предсказание.

Шли годы, детство осталось позади, я вступил в юношеское отделение знаменитого яхт-клуба. Незабываемым воскресным утром весной 1934 года я вдруг увидел на доске объявлений клуба: «Младшему члену клуба Хайнцу Шафферу явиться в комитет клуба». С бьющимся сердцем я стоял перед президентом клуба, сидевшим за массивным столом, покрытом серой скатертью. Президент было хорошо [- 20 -] известен в коммерческих кругах, к его имени добавлялось множество титулов. - Как бы тебе понравилось стать боцманом на шхуне «Зонненвендер»? - спросил он меня. Глаза мои засияли от счастья при таком необыкновенном везении. Еще бы! Хозяин такого замечательного парусника выбрал меня. Конечно, я знал, как много работы у меня будет, но я смогу многому научиться, чтобы пройти испытания по парусу, и тогда получу квалификацию, чтобы участвовать в регате на клубной яхте. - Яволь! - сразу ответил я и тем связал себя на весь сезон. Мое имя было внесено в клубный регистр, составленный по образцу списка торгового флота. Я очень хорошо знал, что, если окажусь непригодным к новым обязанностям, меня немедленно вычеркнут из списка. Но я твердо решил никогда не навлекать на себя столь ужасного позора. С того самого дня в 7 часов каждую субботу я готовился выполнять свои почетные обязанности боцмана перед моим хозяином и. капитаном. Мне было только 13 лет, но я, самый младший из участников на любой из наших яхт, должен был содержать все на судне в полном порядке, а к приходу моего капитана успевать переодеться в белую форму без единого пятнышка, чтобы достойно приветствовать его. Когда он приходил, обычно с семьей и друзьями, я отвозил их на яхту. В шлюпку могли поместиться только три человека сразу, поэтому надо было сплавать четыре раза. Яхта стояла на якоре примерно в 100 ярдах от пристани, и ко времени, когда все оказывались на яхте, я чувствовал себя достаточно усталым. - Мы не хотим терять времени, ХаЙнц. Мы отплывем через полчаса. [- 21 -]

Я готовил все к выходу, в то время как они сидели, отдыхая, на палубе и пили пиво. Когда приходило время ставить паруса, фал должен быть поднят на верх мачты. Хорошо, если повезет, если же нет, то, конечно, я должен был лезть наверх, чтобы его

поправить. Мачта была около 60 футов высоты. При одной мысли о подъеме на нее у меня начинала кружиться голова, но я не осмеливался показать, насколько боюсь лезть наверх.

С сильным попутным ветром мы скользили вниз по течению. Мне очень хотелось управлять этой 1 6-тонной двухмачтовой шхуной, но моя работа заключалась в поддержании чистоты. Я также должен был очищать днище и килевать шхуну. Не могу сказать, что именно так я представлял себе развлечение, но деваться было некуда. Я просто пытался сохранять спокойствие и продолжать свою работу. «Опыт - это главное», - часто повторял мой капитан. Следовательно, я должен был выполнять любую работу и даже мыть посуду, чего никогда не делал дома, и из-за этого иногда попадал в нелепое положение. Помимо всего прочего, во время второго плавания мы, возвращаясь домой, попали в штиль. Я пытался буксировать яхту на шлюпке и работал, как галерный раб. Но хуже всего было бы, если хозяин заметил меня лодырничавшим. Тогда бы он просто выгнал меня. Я мог только надеяться, что делаю мою работу достаточно успешно, чтобы меня не прогнали.

Иногда я чувствовал, что мог бы построить новую лодку, поскольку я должен был обновлять весь такелаж, смазывать различные блоки и заново сращивать концы тросов. Каждый день находилось то, что надо было полировать и лакировать. Мой капитан - морской офицер в отставке - требовал тщательности во всем. Во время гонок он всегда устраивал показа- [- 22 -] тельное зрелище. Позже мне разрешалось управлять стакселем, и в конце я действительно научился управлять шхуной. Наконец настал день, наполнивший меня гордостью. Я сказал отцу, что прошел все испытания и получил право водить любые парусные суда на реках и внутренних водах Германии. По всем правилам я был слишком молод в свои 14 лет для получения такого сертификата, но мой капитан добился для меня исключения.

Теперь я был сам себе хозяин. Отец подарил мне гоночный швертбот около 23 футов длиной и 4 шириной, замечательное судно для участия в регате. Я проводил на его борту каждую свободную минуту, добывая любые сведения от клубных специалистов. Для каждой силы ветра требуются латы разной толщины, и вы должны правильно установить мачту при каждом изменении дифферента. Каждый дюйм, даже каждая его частичка может быть жизненно важной. Гладкость корпуса ниже ватерлинии тоже очень важна. У каждого был свой собственный рецепт, и у меня тоже. Надо было сначала пройтись по килю графитом на пробке, потом тщательно вощить и полировать, пока он не заблестит как зеркало. Затем нанести окончательный слой

из смеси яиц и масла.

Наконец, пришел день моей первой гонки. Как только прозвучал стартовый выстрел, мы, несмотря на сильный попутный ветер, поставили все паруса, чтобы как можно лучше использовать спокойные воды вблизи берега. Скоро мы зачерпнули добрую порцию воды. Ганс, вся моя команда, проделывал чудеса, выбрасывая одну руку, удерживая стаксель другой и в то же время свешиваясь за борт, чтобы удержать равновесие. Худший момент наступил, когда мы почувствовали полную силу попутного ветра. Три участника соревнований уже перевернулись. Обычно [- 23 -] в спокойных водах вы поднимаете спинакер, что втрое увеличивает движущую силу парусника, но и увеличивает риск перевернуться. Мы его еще не подняли. Однако, оставаясь позади, мы все же рискнули его поднять.

Мы полетели по воде как стрела, неся в три раза больше парусов, чем позволяет конструкция лодки. Скоро мы поравнялись с идущими впереди. Однако все шло не так уж хорошо; трудно было выдерживать курс. Но другим было хуже. Они пытались последовать нашему примеру, но неудачно. Две лодки опрокинулись, три порвали свои драгоценные паруса в клочья и отказались от борьбы. Мы держались впереди и после шестичасовой гонки были удостоены третьей премии.

Я участвовал еще в нескольких регатах. Иногда мне везло, иногда нет. Но почти всегда я выступал против известных яхтсменов, носивших гордые титулы «чемпион всей Германии» или «победитель Олимпиады». Каждый год для них строились новые яхты, что затрудняло соревнования. В общем, пока я учился в школе, мое сердце было в плавании, поэтому неудивительно, что мои школьные оценки последовательно ухудшались. Мне все же удалось продержаться, хотя я сменил уже шесть школ, иногда по собственному желанию, а иногда и нет.

Я хорошо успевал по математике, другие же предметы, казалось мне, требовали слишком много зубрежки, а мне никогда не удавалось хорошо что-либо запоминать.

В 1938 году отец отправил меня в Соединенные Штаты. Морское путешествие само по себе оказалось для меня замечательной школой, было интересно и полезно. Находясь в Америке, я учился в Кливленде, и, конечно, это помогло улучшить мой английский. [- 24 -]

Когда я вернулся домой, на очередь встал вопрос моей дальнейшей карьеры. Долгое время моя семья настаивала на лесоводстве, так как я всегда интересовался природой, лесной охотой и стрельбой. Но обаяние воды, столь очевидно моей стихии, оказалось сильнее.

Я был молод, и меня весьма привлекала мысль стать морским офицером. В яхт-клубе мы часто встречали морских офицеров. Они производили на меня большое впечатление: практичные, опытные, знающие мир, привычные к ветрам и непогоде и, в большинстве, знакомые со всякими техническими штуками.

Что же касается мысли о войне, она едва ли приходила мне в голову. Я никогда серьезно не задумывался, что может когда-нибудь произойти. Мальчики просто не думают о таких вещах. Конечно, если когда-нибудь это случится, останется только одно - выполнять свой долг на том посту, который тебе доверят.

Я никогда ни в малейшей степени не интересовался политикой. Те круги, в которых я вращался, не имели никаких связей с нацизмом или нацистскими убеждениями, и я никогда не вступал в гитлеровское молодежное движение. Правда, в последний год в школе я с большим удовольствием выполнял какую-то добровольную работу. в поместье во время школьных каникул. Председатель местного приходского совета даже официально поблагодарил меня, о чем своевременно известил и школьное начальство. Но я старался держаться подальше от любых организаций, кроме, конечно, яхт-клуба.

Естественно, я понимал, что, как офицер, должен буду подчиняться приказам, не задавая вопросов. Но я знал также, что это будет служба, где каждый име- [- 25 -] ет свои обязанности и ответственность; служба, связанная с собственными традициями и правилами.

Я убедил отца разрешить мне сдавать экзамены в морское кадетское училище во время последнего учебного года в школе. Я уже послал туда свою автобиографию со всеми необходимыми документами. Экзамены должны были продолжаться 14 дней и приходились на конец рождественского семестра 1938 года.

Я отправился в Киль, где события начали развиваться стремительно. Нас наблюдали бесчисленные психологи. В медчасти с нами делали самые странные вещи. Например, мы должны были сидеть в огромном ящике. На большой приборной доске перед нами через определенные интервалы зажигались лампочки. Мы должны были их гасить специальными рычажками. Если они выключались сами по себе, мы теряли баллы. Под нашим сиденьем расположились две сирены и колокол, так что мы должны были работать одновременно и ногами. От такого испытания многие из нас просто теряли голову.

Но особенно неприятной была электрошоковая машина. Наши руководители наблюдали за нашей реакцией на нее с особым вниманием. Мы часто слышали, что белок яйца - хороший изолятор, и натирали им руки. Однако надо признать, что мне и

моим друзьям это совершенно не помогало. Мы должны были просто выстоять в этом испытании. Мы держали металлический прут за оба конца. Когда аппарат включали и проходил ток, мы должны были не отпускать концы. Многие просто вопили, что совершенно не допускалось. Другие кусали губы, втягивали щеки, всячески демонстрируя суровую выносливость. Все это снималось на кинопленку, но мы никогда не видели этого фильма, хотя для нас он представлял интерес. [- 26 -] На экзаменах по английскому языку я, естественно, получил хорошие оценки.

Наше руководство хотело также знать, умеем ли мы вести себя за столом. Поскольку экзамены продолжались 14 дней, использовалась каждая возможность выяснить это. Нас должным образом представили нескольким старшим офицерам. Такие случаи тоже были суровым испытанием, так как этикет никогда не становился менее церемонным и строго соблюдался. Трудность вызывали и разговоры с женами и дочерями офицеров, которые очень обижались, если им казалось, что с ними обращались недостаточно почтительно. К счастью, нас всегда кто-то представлял, не надо было представляться самим. Я очень сомневаюсь, что кто-нибудь из нас сумел бы это сделать. Наконец, мы отправлялись к длинному столу среди офицеров с бесконечными кольцами на рукавах. За столом мы сидели очень прямо и все время боялись что-то упустить. Чтобы не попасть впросак, мы внимательно смотрели то направо, то налево и наблюдали, как ведут себя офицеры, по возможности следуя их примеру. Но все офицеры вели себя по-разному, конечно специально, ибо ни один из них не имел ни малейшего желания нам помогать. Во всяком случае, некоторые из них сидели положив ногу на ногу, другие сами наливали себе вина, не вызывая официанта. На самом-то деле их манеры были отвратительны, и тот, кто подражал им, попадал в ловушку.

На накрытом столе стояли тарелки, стаканы и, по-видимому, все, что следует. Почему-то не было только ни ложек, ни вилок, ни ножей. Конечно, мы могли начать есть, если бы хотели, не дожидаясь, когда понадобится отсутствующий прибор. Но так далеко никто не заходил. Правда, моего друга, похитившего [- 27 -] ложку у пожилого капитана, отправили за это под наблюдение психологов. Другие выходили из положения, попросив официанта принести недостающий предмет. Все это казалось забавной шуткой.

Превосходный десерт состоял из маленьких желтых слив - мирабели, выглядевшей очень аппетитно. Но и здесь оказалась ловушка. Единственное, что оставалось на столе, были чайные ложки. Однако разломить мирабель чайной ложкой совершенно

невозможно. Также невозможно положить ее в рот целиком. Если же кто-нибудь рисковал положить сливу в рот целиком, ему тут же задавали вопрос или предлагали выпить за его здоровье. Несчастный краснел и выглядел очень глупо. Мне особенно не повезло; когда я все-таки попытался разломить сливу чайной ложкой, кусок ее отскочил и попал прямо на воротничок сидевшего рядом психолога. Я извинился, попросил официанта принести воды, чтобы стереть пятно, и продолжал есть, хотя был, что называется, сыт по горло.

Когда экзамены закончились, мне разрешили поехать домой, и там я узнал, что принят в училище. Моя поездка в Соединенные Штаты, хотя и значительно расширила мой кругозор, не могла компенсировать недостатков знаний, и мне пришлось очень много заниматься, чтобы сдать последние школьные экзамены на Пасху. Вторую поездку в Америку, о которой много думал, я решил отложить до осени.

Но к тому времени разразилась война. Мы вступили в ужасную битву, хотя, когда она началась, никто не понимал ее подлинного смысла и не думал о возможном результате. Кампания в Польше кончилась очень быстро, но никто не знал, что случится после этого. Естественно, я хотел знать, что же будет со мной. Я готов был поступить в военно-мор- [- 28 -] ской флот, которому предназначалась жизненно важная роль в войне против величайшей морской державы мира Британии. К счастью, времени на решение проблем военно-морской стратегии у меня не было, я продолжил обучение.

Позже, в 1939 году, я отправился в Штральзунд в специальную школу. В поезде, везшем нас к северу от Штеттинер-Банхоф, нас легко узнавали по коротко подстриженным волосам. Мы знали, как важно для новобранца быть коротко остриженным. На вокзале в Штральзунде нас ожидали несколько старшин, чтобы построить и отвести в школу. Так, строем, весело распевая, мы промаршировали к Данхольму, острову, служащему исключительно для обучения новобранцев. Погода стояла по-зимнему злая, 14 градусов ниже нуля, но, несмотря на холод, нам стало жарко, так как шли очень бодрым шагом. Подъемный мост; который подняли, как только мы пересекли его, красноречиво свидетельствовал о нашей временной изоляции от внешнего мира.

Пройдя два караула, мы оказались на территории морских казарм. Часовые ухмылялись, когда мы проходили. Они знали, что наш бодрый дух выветрится, как только старшины примутся за наше обучение. На Данхольме учили довольно грубыми методами. Все старшины, сами потерпевшие неудачу, пока

обучались, теперь снова могли пройти весь курс от начала до конца, но несколько в ином положении. Во внимание принималось, что они не ушли в отставку добровольно. Тут была своего рода ловушка. Если курсант уходил добровольно, то его отец должен был заплатить 800 марок, если обучение не давало результатов.

Мы должны были провести на Данхольме три месяца. Не могу притворяться, что мне там нравилось. [- 29 -] Я и теперь, когда оглядываюсь назад, не могу оправдать то, что там с нами происходило. Но есть и другая сторона. Нельзя доводить людей до крайности и заставлять трагически воспринимать окружающее. Если и существуют армии, солдаты которых избегают такого обращения, какое испытывали мы, я их не знаю. И прусские старшины не исключение. Пока в армиях существуют «неуставные отношения», с новобранцами будут обращаться грубо и жестоко их муштровать.

В одной «каюте» В среднем жили 8 человек, 16 человек образовывали отделение, 4 отделения составляли взвод, 4 или 5 взводов - роту. Мы вставали в 6 утра. Но первые звуки боцманской дудки нас не просто выдували из коек, чтобы бросить к умывальнику. Вместо этого мы терпели целую прелюдию свиста - определенно мученическую процедуру. Каждому приказу в немецком военно-морском флоте предшествует вид увертюры на боцманском свистке. В свисток можно дуть не только в разном ключе, но и высвистывать собственные вариации, вибрируя языком. Прежде чем мы действительно вставали, он постепенно доходил до крещендо, начиная мягко и доводя свой наигрыш до кульминации. Я находил это самой разрушительной для нервов частью моего обучения. Постепенно вы привыкаете к свистку настолько, что можете различать его издалека, поскольку он всегда свистит, едва вам выпадает минутка тишины в течение всего ДНЯ. Когда после второго порыва свистка мы вставали, звучало: «Рейз, рейз» или подобная морская баллада. Мы беглым шагом попарно шли в душевую, по очереди принимали душ и брились. Курсанты, назначенные стюардами, торопились, так как должны были принести еду и убрать после еды столы, а камбуз находился почти в полукилометре от нас. [- 30 -]

Раннее утро, однако, в целом было сравнительно спокойным. Нам выдали одну серую форму, две белые и две синие, спецодежду, а также противогаз и винтовку, которым, как предполагалось, мы должны особенно обрадоваться. После принятия присяги все пришло в движение. Мы учились носить себя и стоять прямо. Надо было втянуть живот, выпятить грудь, держать пальцы сзади; приветствовать сидя, стоя, на бегу. После

двух часов муштры один час был лекционным. Но там от нас требовалось только сидеть прямо и выглядеть внимательными.

Настоящее учение не представляло собой трудностей: у всех нас за плечами было 11-12 классов или аттестат об окончании школы. Цель первых трех месяцев - не научить нас чему-то, а получить сведения о нашем характере и поведении, выявить тех, кто не выдержит суровой дисциплины, и выбросить их. Наше обучение основывал ось на теории, что только тот, кто умеет подчиняться, сумеет и командовать.

В 6 часов вечера мы освобождались и ужинали. Офицеры рассаживались среди нас, чтобы общаться неформально. Затем на два часа мы были предоставлены себе. Наконец, после грубого: «Очистить палубы »), «(Встать у коек) - звучала дудка, и мы ложились спать. Через 15 минут приказ: «Выключить свет. Молчание »). Но это вовсе не предполагало, что нас оставляли в покое с 1О вечера до 6 утра. Часто проводились обходы, которые успешно поддавали нам жару.

В этих случаях каждый в кубрике должен стоять перед своим открытым рундуком и ждать проверяющего офицера. Старшина Мюллер громко кричит: «(Ахтунг», далее докладывает: «(Кубрик 5. Восемь человек собраны для проверки».

Проверяющий офицер начинает с крика: «(Заснули, что ли? Наверх! Прыгайте на ваши рундуки! Твои [- 31 -] пальцы, Шульц! Не на похоронах, не так ли? Почему тогда траурная полоса под ногтями? Присесть десять раз. Ты что, не можешь считать громче? Еще десять. Мейер, ты называешь это чистым? Присесть двадцать раз. Что делает в твоем шкафу эта фотография женщины? Да, это я тебе говорю. Зачем это здесь? Ты должен повесить портрет адмирала, чтобы он служил тебе примером». Двое ухмыльнулись. «Что здесь смешного? Марш на плац-парад, и поживее!»

Он выходит за нами, и в течение 15 минут длится ад. В конце этой процедуры для морального подъема мы должны маршировать с упакованными вещевыми мешками. И не так трудно все это упаковать, как трудно уложить потом все на место.

У старших было множество рассказов о Долине Смерти. Это часть курса, пик испытаний, которым нас подвергали. Мы очень хорошо знали, что любой глупый промах используется как предлог для знакомства с этим восхитительным местом. И однажды это случилось. Отделению приказали построиться на плацу для марша. Командир отделения получил приказ, и мы пошли. Мешок весом 52 фунта на спине, оружие на плече, противогаз болтается на поясе.

«Правое плечо вперед! Бегом!» По команде мы бросаемся то вправо, то влево в соответствии с командой. При этом нельзя

отставать от командира, который идет кратчайшей дорогой, приказывая нам беспрерывно метаться в разные стороны. Мы отправлялись в Долину Смерти и должны были пересечь два холма с долиной между ними. Именно в этой долине падали те, кто мог подняться на второй холм. Но упасть - не значило избежать мучений, потому что каждый, кто не прошел испытания, не подходил по своим физическим качествам стандартам, требовавшимся офицеру, и его исключали из школы. Самое [- 32 -] лучшее в этом случае было найти себе работу на берегу. Но так или иначе, а каждый выкладывался как мог, чтобы избежать клейма лодыря. Мы слышали даже о том, что некоторые, побывав здесь, замышляли самоубийство. Считалось настолько позорным, если тебя исключали, что после этого трудно осмелиться вновь предстать перед миром. Такое настроение офицерства было не последним фактором, позволившим нашему руководству долго вести войну.

Однажды в Долине Смерти прозвучал приказ: «Вверх на другую сторону, прыжками!» Прыжки продолжались в течение часа. При этом все время винтовки в руках и тяжелые мешки за спиной. Многие падали в какой-то момент, но потом собирались с силами и продолжали прыгать. Вверх, вниз, снова вверх. Многие побагровели, некоторые посинели. Каждый думал: «Больше не могу. Еще немного, и я умру».

Но все это продолжалось еще долго. Мы снова были у подножия первого холма, едва способные держаться на ногах. «Газ!» - слышалась команда надеть противогазы. Мы и так еле дышали, и в нашем состоянии это было самое худшее, что можно придумать. Резкий голос нашего командира прорезал глубокое молчание, как нож: «Эй! Вы не хотите делать что-нибудь еще или не можете?» Один из нас упал. Потом другой. Мои товарищи отставали один за другим. Наконец звучала- команда, приносящая облегчение: «Построиться на дороге. Петь!»

Мы возвращались в казарму. К счастью, следующие несколько часов у нас были только лекции.

Еще существовало упражнение «Мертвый человек». В отличие от Долины Смерти оно проводилось на одном холме.

Потом упражнение «Арктическая одежда». Мы надевали всю одежду, которая имелась в наличии. Ко- [- 33 -] личество ее удивляло: три комплекта пижам, спортивный костюм, две синие формы, серое пальто, шерстяная шапка, перчатки, стальной шлем, вещевой мешок и еще много всего. Комнату освобождали и включали все обогреватели. Наше отделение набивалось внутрь. 20 отжиманий! Это значит лечь на живот, руки согнуть, выпрямить. Затем согнуть колени. Взять ружье. Это продолжалось

до тех пор, пока мы не сваривались полностью. Все тело зудело. Нам казалось, что мы разваливаемся на части. Единственным утешением была мысль, что ничто не длится вечно.

На самом деле эти три месяца интенсивных тренировок прошли очень быстро. Мы учились бросать гранаты, стрелять из пулемета и винтовки. Последнее у меня хорошо получалось, поскольку я часто стрелял и в нашем поместье, отправляясь с отцом на охоту. Мои награды за меткость стрельбы радовали отца, он и сам получал их, когда служил в армии. За эти три месяца нас научили всему важному в солдатской жизни, что, правда, не имело ничего общего с обучением морскому делу.

Одно только напоминало нам, что мы моряки, ибо именно так мы себя называли, - это синяя парадная форма. Золотые буквы 7с.ст.А. - 7-я морская учебная часть - украшали наши фуражки. Это действовало как красная тряпка на быка на всех старшин армии и люфтваффе, размещенных в Штральзунде. Именно сейчас они имели последний шанс отобрать у нас эту эмблему, потому что через год мы, вероятно, станем гардемаринами и избавимся от ослиной работы. Все подходили к нам, выражая восхищение, а потом писали жалобы в училище на небрежность в приветствиях и подобные упущения, за что мы получали соответствующее наказание. Нас не оставляли в по- [- 34 -] кое ни на минуту, стоило нам выйти за территорию морских казарм.

Наше последнее упражнение и прощальный парад проводились в большом масштабе. Нам выдали холостые патроны, дымовые шашки и прочее боевое снаряжение. Мы штурмовали 1:раншеи и форты, демонстрируя рвение, главным образом создавая ужасный шум.

После этого я предстал перед командиром отделения. - Все рапорты о тебе чрезвычайно плохие, - сказал он. - Мы долго обсуждали, не оставить ли тебя здесь. Но ты хорошо стреляешь, а сейчас это, пожалуй, самое важное. Мы переводим тебя в учебную часть условно. Я надеюсь, там ты будешь успевать лучше.

- Яволь! - Я с радостью поспешил из комнаты, преодолев первое препятствие. Итак, мы получили ненавистную серую форму и отправились на военно-морскую базу в Киль. Курсантов распределили на три учебных корабля: «Горьх Фок», «Альберт Лео Шлагетер» и «Хорст Вессель», похожие на белых лебедей, каждый водоизмещением 1000 тонн. Они казались воплощением тех старых клиперов, о которых я так много читал. Я нисколько не сомневался, что выдержу весь курс, ведь все мальчишеские годы я провел под парусами.

Нас перевезли на катерах. Я был направлен на «Горьха Фока». Старшины сразу разделили нас на вахту правого и левого борта и

распределили рундуки и койки. На первой перекличке капитан, бледный худой человек, обратился к нам с такими словами:

- Вам выпала честь изучать морское дело на борту этого прекрасного корабля. Не воображайте, что вы уже стали моряками, хотя и прошли некоторую [- 35 -] предварительную подготовку на Данхольме. Вам надо многому учиться. Вы должны выучить все, что следует знать морскому офицеру. Какие бы новшества ни вводились в проектах военных кораблей, кораблями всегда будут управлять моряки, а не специалисты. Вам предстоит трудное время, вы часто будете проклинать свою суровую службу, но потом, когда вы оглянетесь назад, на ваши первые дни на «Горьхе Фоке», это будут счастливые воспоминания. Покажите себя достойными человека, чьим именем назван корабль и который отдал жизнь за народ и родину в битве под Ютландом. Наступают тяжелые дни. Только тот, кто предан делу душой и сердцем, справится с обязанностями, которые вы призваны выполнять. Я хочу, чтобы вы с гордостью носили вашу синюю форму, и хочу видеть, что вы достойны ее.

Нас распустили и снова построили, потому что вахтенный офицер хотел сделать несколько ценных указаний. Последним к нам обратился старший матрос, высокий, худой, долговязый. Он был опытным парусным мастером. «Мы привыкли К деревянным кораблям и людям из железа. Теперь мы получаем железные корабли, а людей из дерева. Мы должны вернуться к прошлому относительно людей. И мы собираемся начать здесь и сейчас».

После того как все высказались, мы должны были разложить наши вещи по рундукам. Как они были малы! Только 1 1/2 x l 1/2 x 1 1/2 фута. Но в конце концов, хотя это и казалось невозможным, нам удалось уложить каждый носовой платок, даже расчески на предназначенное им место.

У меня возникли трудности с койкой - как только оказывался в ней, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Тогда я еще не знал о маленьких деревянных клиньях, их матерые морские волки вставляют [- 36 -] между веревками с каждой стороны, чтобы разделить койки.

Каждое утро нас поднимали в 6 утра. Встаешь, связываешь, укладываешь. Койка, сделанная из парусины, должна быть свернута в форме сосиски, чтобы в случае необходимости ее можно было использовать как спасательный буй. Это занимает мгновение, потому что через 1О минут мы в спортивных костюмах строимся на зарядку на продуваемой всеми ветрами верхней палубе.

Март 1940 года был особенно холодным, термометр обычно показывал около 1О градусов мороза. За час до подъема

вахтенный наполнял ведро холодной водой. Чтобы умыться, кромку льда на этом ведре мы пробивали своей головой. Раздевшись до пояса, мы скребли себя с мылом, а в это время ветер завывал в снастях, напоминая нам - и нам никогда не позволяли это забывать, - что мы на борту парусника. Затем мы должны были бриться на палубе, хотя позднее нам разрешалось делать это в умывальне. Мы учились делать все самым трудным способом. Малейший недостаток рвения наказывался приказом подняться наверх, на фок-мачту, грот-мачту и бизань. Вверх по одной стороне, вниз по другой. Из одежды ничего, кроме шорт. И конечно, никаких перчаток, чтобы согреть пальцы. Нам не разрешали надевать перчатки, когда мы поднимались наверх, чтобы мы могли ощутить такелаж кончиками пальцев. Было еще множество всяких правил, но все они отличались от правил, принятых на Данхольме, потому что сейчас мы по-настоящему изучали морское дело. Все знания, которые мы получили на борту, были жизненно важны для работы на парусном судне на море. Едва ли можно предположить, что я наслаждался, замерзая на палубе или на мачте, но я вскоре начал понимать, что [- 37 -] это существенная сторона обучения морского офицера. И поэтому я все-таки находил здесь больше удовлетворения, чем в то время, которое провел на Данхольме. Сама атмосфера была иной. Я часто вспоминал время, когда хозяин, на шхуне которого я был. боцманом, казался таким требовательным. Это была детская игра по сравнению с той жизнью, которую я выбрал по собственной воле, чтобы узнать, что значит действительно выйти в море. И это не шло ни в какое сравнение с путешествием на лайнере, снабженном центральным отоплением.

Германский торговый флот также сохранил два парусных судна для обучения. Их команды обучались теми же методами, что и мы. М не казалось, что эти методы существенны для морского образования. Товарищи разделяли мои взгляды, и в общем только немногие бунтовали против такой жизни.

Мы изучали основные предметы морского дела: узлы и сращения, греблю, чтение компаса, пеленгацию. Больше того, мы изучали работу на мачте, учились подниматься на нее и спускаться.

Теперь я должен признаться, что, когда в первый раз я стоял и смотрел на высокие мачты «Горьха Фока», я нисколько не был счастлив. Они достигали 125 футов высоты, а когда вы стояли у основания мачты, она казалась еще выше. Мы могли вместе карабкаться на грот-рей, по обе стороны мачты сразу. Но затем надо было подниматься на марс... Вначале все казалось очень трудным, и удивительно, как быстро мы со всем освоились. Когда

на какое-то время мы оказывались свободными от обязанностей, мы могли практиковаться дополнительно и так привыкли карабкаться вверх и вниз, что в конце концов могли проделывать это с закрытыми глазами. Волнующее зрелище было, когда мы в своей белой форме [- 38 -] поднимались и занимали свои места на мачтах и рангоутах.

Красота парусного судна в нем алой степени зависит от чистоты. от носа до кормы не должно быть ни малейшего пятнышка. Каждый предмет на борту абсолютно чист, металлические части блестят и сверкают на солнце от бесконечной полировки. Палуба регулярно поливается водой и чистится песком. Она настолько чистая, что с нее можно есть. Чтобы содержать все это в такой щеголеватости, используется огромное количество мыла. Что же до нашей формы, то мы меняли ее через день.

На корабле для выработки электричества установили вспомогательный мотор. Был и еще один, который служил вспомогательным двигателем, но я никогда не видел, чтобы им пользовались. Паруса ставились и убирались вручную, якорь тоже поднимался вручную. В мертвый штиль мы вели корабль в порт за счет наших собственных мускулов. Мы спускали катер, на корме которого был якорь, весивший тонну, и гребли около 300 ярдов. Затем его выбрасывали за борт. Якорь, на котором стоял корабль, поднимали ручным воротом. Все это обычно занимало около четверти часа и сопровождалось аккомпанементом аккордеона. Потом судно верповали ручным воротом до новой якорной стоянки. Вахты всегда соревновались между собой, и победителей награждали ромом к чаю или специальным отпуском.

На «Горьхе Фоке» я провел три месяца. Мы быстро познакомились друг с другом, и даже офицеры рассказывали нам о своих личных и семейных тревогах. Однажды потребовался ремонт руля под водой. Я добровольно взялся за эту работу и спустился под воду В маске для ныряния. После этого, несмотря на выпитый ром, я свалился с температурой. В лазаре- [- 39 -] те каждая койка была занята. Слишком много народа получали травмы, карабкаясь по мачтам, и раны требовали долгого лечения, особенно при осложнениях. Сначала я думал, что меня собираются отправить в госпиталь на берег. Эта перспектива приводила меня в уныние - я не хотел расставаться с друзьями. К счастью, одна офицерская каюта оказалась свободной, и мне разрешили на неделю занять ее. Каюта, обставленная мебелью из тяжелого мрачного дуба, имела центральное отопление. У меня был умывальник с горячей и холодной водой и даже звонок для вызова стюарда. Большим искушением было позвонить и

попросить принести коктейль, но, слава богу, я устоял. Истинную радость мне доставил случай, когда старшина постучал в дверь каюты, чтобы поговорить с офицером. Правила предписывали, что в каюту можно войти, только если на стук отвечают: «Войдите». Но если вы спрашиваете: «Что вам надо?» - они отвечают из-за двери. Сначала я всегда отвечал: «Войдите». Они входили И вставали по стойке «смирно» раньше, чем начинали говорить. Но когда они узнали, кто я такой (а сделали это довольно скоро), тогда послушали бы вы, что они говорили! Но они ничего не могли сделать, только выйти из каюты. Конечно, они не могли наказать меня за мою дерзость, нельзя было ни назначить приседания, ни смену у насоса, потому что я болел. Но часто они выходили со словами: «Еще посмотрим». Однако через 10 дней я вернулся к своим обязанностям.

Три раза в неделю мы получали короткое увольнение на берег. По вечерам обычно Собирались на нижней палубе и пели матросские песни, офицеры часто присоединялись к нам. Несмотря на строгую дисциплину, мы были дружной командой. [-40 -]

К концу трехмесячного пребывания на «Горьхе Фоке» нас произвели в морские кадеты. Теперь мы носили на рукаве звезду, окруженную скрученным жгутом из золотых нитей. Очевидно, я проявил себя в целом удовлетворительно, хотя был не слишком ловок в щелканье каблуками и приветствиях. Но меня это не беспокоило. Главное - теперь я мог перейти к следующему этапу моего обучения.

В начале мая 1940 года я получил назначение на военный корабль «Шлейзен» на Балтийском море. Его палуба отнюдь не соответствовала стандартам, принятым на «Горьхе Фоке». И каюты, и каждый дюйм свободного пространства мы делили с тараканами. Каждый моряк мира знает эти создания и привыкает к ним. Только на подлодках мы обходились без них и подобных паразитов. Я жил в орудийной башне номер три, где толстая броня без портов (маленькое окошко) закрывала вид. Зато прямо над нами были две 150-миллиметровые пушки.

«Шлейзен» служил во флоте открытого моря перед Первой мировой войной. У него было четыре 200-миллиметровые пушки в двух спаренных орудийных башнях, и по современным меркам он· устарел. По этой же причине он вполне годился как учебное судно. Например, на его борту все должно было выполняться вручную, что считалось очень полезным. Мой собственный боевой пост был в орудийной башне «Антон», передней на полубаке. Ниже склад бое.: припасов. Мы старались вздремнуть за огромными снарядами и пороховыми зарядами, но, если

попадались, наказание соответствовало преступлению. Снаряды, весившие около центнера, загружались в подъемники вручную, затем при помощи электричества подавались к орудию. Для их транспортировки использовалось специальное захватывающее устрой- [- 41 -] ство, на котором работали четыре человека. Они должны были следить, чтобы снаряд не выскальзывал из зажима. Иногда это случалось, и горе тому, чья нога попадалась на его пути! Мы упражнялись с боеприпасами только на этом этапе и по сравнению с теми; кто имел дело со 150-миллиметровыми пушками, были в гораздо лучшем положении.

Как наказание часто использовался сине-белосиний сигнальный флаг «Люзи», который означал смену формы в кратчайшее время. Иногда в течение нескольких часов подряд мы должны были переодеваться из синей формы в белую, потом во что-нибудь еще, вплоть до «ночной одежды». Иногда все наше обмундирование полностью пропаривалось. Это означало много работы вечером, так как, если к утру все не будет «с иголочки», придумывается еще какое-нибудь наказание. А вариантов находилось бесконечное множество. Часто практиковалась гребля. Старые военные катера были чрезвычайно широкими, а весла длинными и толстыми, поэтому на корабль мы часто возвращались с волдырями на руках.

На «Шлейзене» мы прошли всю Балтику, в основном тренируясь в стрельбе и чередуя теорию с практикой. Мы выполняли стрельбы сначала с прицельными трубками по железным мишеням, потом с подкалибровыми припасами и, наконец, полным калибром. Военный корабль - это свой особый мир, в котором все происходит с удивительной точностью и каждый должен точно знать свое место. Чтобы команда военного корабля была подготовлена к боевым действиям полностью, должно пройти не меньше года. Это и неудивительно, если учесть,. что команда «Бисмарка», например, насчитывала около 2500 человек. Пока мы еще тренировались на «Шлейзене», но В мире происходили важные события. До сих пор [- 42 -] война не мешала обучению новичков. Правда, во время польской кампании учебный корабль «Шлезвиг- Гольштейн» бомбардировал полуостров Гела, а в апреле 1940 года, когда мы еще были на борту «Горьха Фока», норвежская кампания существенно изменила положение на море. Однако нашим тренировкам это не помешало.

10 мая началась кампания на Западе. В едином решительном броске немецкие войска пересекли Шельду и Маас. Дюнкерк стал символом побед немецкой авиации. Париж пал, и немецкие солдаты появились на Атлантическом побережье. Многие из моих

товарищей опасались, что война закончится победой раньше, чем они успеют повоевать. Однажды утром нам выдали винтовки, гранаты и вещевые мешки, по-видимому чтобы по грузить нас на корабли следующим утром. Мы предполагали, что готовится высадка в Англию. Слухи следовали за слухами. Прошло три дня, но транспорт не появлялся. Кажется, мы получили снаряжение только для того, чтобы вернуть его обратно, и все это совершенно бесцельно.

В чем дело? Какой план был у наших руководителей?

После нетерпеливого ожидания несколько человек получили приказ присоединиться к 16-й передовой флотилии. Но сначала ее нужно было сформировать на юго-западе Франции, поэтому нас отправили в военно-морской лагерь в Везермюнде, где собрались довольно большие силы. Сразу после подписания перемирия с Францией нас посадили в автобусы, и мы отправились сначала через Германию, а потом в кильватер нашей армии через Бельгию и Францию. Этот переезд занял несколько дней и позволил собственными глазами увидеть эти страны, людей, в них [- 43 -] живущих, и наблюдать последствия всего случившегося. Мы ехали по только что завоеванной стране, повсюду валялись останки мертвых животных, кое-где - сгоревшие танки. Нам попадались потоки пленных и беженцев, бежавших от немецкого вермахта, о котором их учили думать как об орде варваров. Теперь они стремились домой.

Это было наше первое столкновение с войной, с ее ужасами, и оно разбило нашу юношескую самоуверенность, с которой мы болтали по дороге. Я не мог не вспомнить, как мой отец, воевавший в 1914- 1918 годах, часто говорил, что нет худшего зла и худшего безумия, чем война. Однако я надеялся, что на сей раз все будет иначе. Насколько быстрее, насколько решительнее происходило все во Франции по сравнению с упорными, изматывающими нервы сражениями Первой мировой войны! И разве не должно быть меньше жертв и страданий с обеих сторон? Настроение французского населения, казалось, поддерживало эти предположения. На первый взгляд они не проявляли недружелюбия. Во всяком случае, мы достаточно часто слышали: «(Ах, эти англичане!» - и слова сопровождались Многозначительными жестами.

По пути мы ночевали в разных помещениях. Однажды попали в казарму, где раньше располагался госпиталь. Он был в страшном состоянии, грязный и полный паразитов. Но в конце концов мы добрались до Ла-Рошели без приключений. Команды нашей флотилии - большей частью рыбаки, одетые в форму и плохо обученные. Казалось, лучше бы приспособить их ДЛЯ

рыбной ловли и превратить во вспомогательную флотилию.

Наши офицеры получили приказ при реквизиции французских кораблей действовать обдуманно и [- 44 -] гуманно. Мы и в самом деле обращались с побежденными французами «методом бархатных перчаток». Как появившиеся позже пропагандистские материалы искажают факты! Например, нам пришлось переоборудовать 1500-тонный пароход-паром, построенный в 1898 году, в вооруженный вспомогательный крейсер, хотя рядом стоял корабль более современной конструкции. Приходилось платить жизнями немецких моряков за такое рыцарское поведение!

Неожиданно условия нашей службы изменились. Многие наши офицеры были резервистами, не имевшими понятия об обучении кадетов, что для нас оказалось совсем неплохо. Гораздо легче отойти от военных привычек, чем при обрести их. И вскоре мы отрастили усы и бакенбарды, сняли кольца с наших фуражек, а брюкам теперь позволялось сидеть мешковато. Наши кадетские звезды, которыми мы когда-то так гордились, давно заменили кнопки, потому что мы абсолютно не считали нужным показывать всем, что мы только эмбрион офицера. Офицеры часто ходили в штатском, но нам это запрещалось.

В доке Ла-Палис работа над будущим вспомогательным крейсером продвигалась быстро. Меня, поскольку восемь лет в школе я учил французский язык, сделали переводчиком. Теперь я часто разъезжал вместе с командующим флотилией и участвовал в различных конференциях и переговорах. Нередко мы устраивали праздники. Никто больше не принимал войну всерьез. Мы стояли на пороге мира. Таково, во всяком случае, было общее мнение.

Наша первая задача - сопровождать торговые корабли через Бискайский залив в Германию. По пути нам часто встречались мины, а иногда на нас налетали английские самолеты. [- 45 -]

Вскоре после этого меня перевели на патрульный корабль водоизмещением 250 тонн. У нас была одна пушка и 20 человек команды. Мы часто находились на некотором расстоянии от гаваней в Бискайском заливе, и тяжелые волны перекатывались через борт судна. Сначала я жестоко страдал от морской болезни. Мои товарищи-рыбаки забавлялись, глядя на мои страдания. Однажды, когда я побелел как бумага, один из них с гамбургским акцентом сказал, что самое лучшее для меня - глоток рома. Меня заставили выпить целый стакан. Признаться, не назвал бы эту затею удачной.

Через две недели, однако, я чувствовал себя не хуже любого из них и никогда больше морской болезнью не страдал.

Однажды, когда я еще служил на патрульном судне, на наших глазах торпедировали итальянскую подлодку, и нам пришлось сопровождать ее в Бордо. Вокруг рвались глубинные бомбы. Наши корабли сопровождения не были оборудованы для такого способа ведения войны, а противолодочные устройства нельзя создавать импровизационно. В то же время нас редко атаковала авиация, потому что в те дни люфтваффе полностью контролировало Бискайский залив.

Повсюду мы замечали приготовления к вторжению в Англию. Для этого приспосабливались все имевшиеся в наличии суда. На речные суда ставили вспомогательные двигатели и для увеличения их скорости в особых случаях устанавливали один или даже два авиационных мотора. Носы кораблей оборудовались так, чтобы скат был приспособлен для высадки танков на плоском берегу. Все работали неистово. Нам выдали винтовки и гранаты для вступления в бой в любой момент. Нам снова казалось, [- 46 -] что дело вот-вот дойдет до десанта. Затем всю флотилию охватило огромное возбуждение. Все корабли получили приказ в запечатанном конверте, который следовало вскрыть при кодовом слове «Морской лев». Мы были абсолютно уверены, что в них содержался приказ атаковать Англию с указанием курса и точек высадки. В течение нескольких дней все разговоры велись только на эту тему. Но вскоре мы узнали, что все предприятие отложено. Был ли у нашего командования лучший план?

Тем не менее наш отряд доказал, что он чего-то стоит. Нас наградили знаком патрульной службы.

Впоследствии нас отправили в Роттердам на переоборудование, а нам, кадетам, приказали в течение нескольких дней явиться в военно-морскую академию в Фленсбурге. Высоко подняв голову и выпятив грудь, украшенную первыми боевыми наградами, мы промаршировали через ворота будущего дома. Весь наш выпуск встретился снова. Друзья собрались со всех фронтов - Северного и Средиземного морей, Норвегии.

При первой же проверке командующий, сурового вида адмирал, обрушил на нас свой гнев. Мы и на самом деле были разболтанны и неряшливы. У некоторых росли бороды, некоторые пытались отрастить усы. Теперь, конечно, никто не смог бы узнать бывших кадетов на борту «Горьха Фока» или «Шлейзена». Некоторые из моих однокурсников погибли. Другие изменились до неузнаваемости. Война превратила нас в мужчин.

Учебные здания образовывали огромный каменный лабиринт. В каждой комнате жили по четыре человека. В высоких коридорах висели мемориальные доски и модели кораблей. Древние флаги,

разорванные в боях, украшали стены. Грубо говоря, здесь бук- [- 47 -] вально «воняло» традицией. Теперь мы были на полпути к тому, чтобы стать моряками. Отсутствовала только портупея, символ сдачи последнего экзамена на звание офицера. Но кто на берегу знал об этом?

В морской академии работать приходилось много, наши командиры были достаточно взыскательны. Основное, чем следовало овладеть, - астрономическая навигация. Мы усиленно изучали высшую математику, кроме того, нас учили физике и химии. Качество преподавания было превосходным.

Конечно, немецкий военно-морской флот требовал большого запаса практических знаний. Мы учились ставить парус и запускать двигатель. Мы ходили в учебное плавание на борту I ООО-тонного парохода, переданного в полное наше распоряжение. Однако мы сравнительно мало занимались действительно боевой подготовкой, хотя и тренировались в стрельбе из пушек и торпедировании. Существовало так много разных типов судов и производилось так много новых видов оружия, что казалось ненужным изучать каждое из них, даже если бы у нас хватило времени. Так много надо было бы узнать, что на овладение этим ушли бы годы, если не десятилетия, а к тому времени, когда курсант подходил к концу обучения, он уже забыл бы начало. Поэтому академия в Фленсбурге давала полный курс навигации и только общие представления о тактике, вооружении и истории флота.

Гардемарины хорошо известны своими проделками, и наше начальство не карало их слишком серьезно. Один из моих друзей купил удочку, леску и прочую снасть и в свободное время удил на пирсе. Над ним многие подшучивали, ведь всем было хорошо известно, что воды вокруг академии совершенно лишены рыбы. Однако удивительный факт: в первый же [- 48 -] день он выловил прекрасную рыбину около 20 фунтов весом. Молва об этом событии широко распространилась, и даже офицеры приходили посмотреть. Ему всегда удавалось что-то поймать. Воодушевленные его успехами, многие купили удочки и тоже принялись искать счастья. Мой друг сиял от удовольствия. Очевидно, он был единственным, кто действительно понимал толк в рыбной ловле. Он объяснял, что получил особые знания, когда служил на тральщике в норвежских фиордах. Вы должны иметь чутье, утверждал он, и кое-что еще. Никто не принимал его слова всерьез, но от факта, что ему везет всегда, а другим не посчастливилось ни разу, деваться было некуда. Однажды, когда на пирсе собралось множество рыбаков, он стал тянуть якобы с видимым усилием, объясняя, что должен вытащить

исключительную добычу. И оказался прав: поймал... очищенную селедку. Мы все захохотали. Только чудо помогло ему уйти с пирса живым после того, как его заставили многократно нырять. Объяснением исключительного везения в ловле оказалось, что прямо под местом, где он удил, сидел его сообщник с мешком рыбы, только что купленной у торговца. Когда товарищ бросал ему камушек, он наживлял рыбку на крючок. Форма камушка указывала на требуемый вид рыбы. Нашего комедианта отправили к командиру, который, однако, оценил шутку и не наложил взыскания.

Как-то у вахтенного офицера попросили разрешения проехать через территорию академии катафалку с гробом. После тщательной проверки -пропусков разрешение было получено, но единственная странность заключалась в том, что об этом не стало известно заранее.

Так случилось, что именно в моем классе шла лекция преподавателя по имени Питер. Он был штат- [- 49 -] ским. «Войдите», - проворчал он тоном, который считал наиболее подходящим для морского волка. Он мечтал получить офицерское звание и после этого уйти в отставку. Дверь медленно открылась. Прозвучал торжественный голос: «Искренне соболезную». Четыре мужчины в глубоком трауре внесли большой черный гроб, поставили его возле учительского стола и мгновенно скрылись. Но до их исчезновения тот же торжественный голос объявил: «Это гроб для герра Питера». Катафалк отбыл на огромной скорости, а гроб остался к злой радости всех присутствующих, исключая герра Питера. Страшно обидевшись, он распустил класс и отправился с жалобой к командиру роты. Именно такое поведение и сделало его столь непопулярным. Так или иначе, предприняли официальное расследование, но, хотя опрашивали всю академию и гробовщик был найден, виновного так и не обнаружили. За гроб заплатили, отправили его в церковь, и больше мы о нем не слышали.

У нас также проводились уроки бокса, фехтования и конного спорта. Большое внимание уделялось воспитанию мужества. К сожалению, сильно не повезло нашему тренеру по боксу. У нас на курсе учился молодой чемпион, тяжеловес. Тренер, легковес, этого не знал. На первом занятии он произнес краткую вступительную речь:

- Бокс - это лучшее испытание характера человека. Никогда не показывайте страха, это презренное чувство. Всегда идите вперед и боритесь изо всех сил. Если кто-нибудь из вас имеет представление о боксе и хочет попытать счастья, выходите и покажите, что вы можете.

Мы образовали кружок, и тренер вступил в бой с чемпионом. Сначала инструктор сильно ударил противника по носу, а потом кадет показал ему, «что он [- 50 -] может». Он весил вдвое больше противника, а руки у него были как лапы медведя. Прежде чем закончился первый раунд, схватку пришлось прекратить.

После 15 месяцев я в первый раз получил отпуск и поехал к родителям в Берлин. Поскольку морская форма в столице была редкостью, окружающие воспринимали ее как что-то особенное. Пехотинцы и летчики всегда обращались к нам «лейтенант», потому что мы носили небольшие нашивки на плечах, зато в отелях нас принимал и за носильщиков, а на вокзалах - за дежурных. Однажды, когда я ждал поезда метро, одна дама обратилась к мне со словами:

- Простите, герр дежурный, не могли бы вы указать мне скорейший путь до Ванзее?

Неподалеку взад и вперед прохаживался морской капитан.

- Извините, мадам, я новенький на этой станции, но вот видите джентльмена с четырьмя золотыми кольцами на рукаве? Он здесь давно и, конечно, сможет помочь вам.

После этих слов я улизнул, пока не разразилась гроза.

Наша учеба в морской академии подошла к концу. Мы сдали последние экзамены и получили долгожданную портупею. После прощального бала мы возвращались на войну. Вместе с двумя товарищами я получил назначение на подлодку. В начале мая 1941 года рейх еще не воевал с Советским Союзом и к нему не было. той открытой враждебности, какая проявлялась по отношению к США. Наша непосредственная задача заключалась в борьбе против английских морских сил, и важнейшим оружием, без сомнения, были подлодки.

С тем презренно малым числом субмарин, их оказалось всего около пятидесяти, было невозможно [- 51 -] что-то предпринять против величайшей морской державы. Но, когда Англия в 1939 году объявила войну, приняли программу строительства новых кораблей, которая к этому времени уже должна была принести результаты.

Всех охватывало странное ощущение начала совершенно нового в жизни, и разговоры вращались вокруг того, что нас ждет. Я читал много книг о Первой мировой войне и помнил декларации государственных деятелей союзников о том, как близка к поражению Англия из-за немецких подлодок. Помимо многих военных кораблей, наши подлодки имели на своем счету с 1914-го по 1918 год свыше 18 миллионов тонн затопленных торговых кораблей. Я вспоминал имена Веддигена и других успешно действовавших командиров подлодок, вроде Арнольда

де ла Периера и фон Шпигеля, о которых много читал. Во время нашей учебы я всегда представлял жизнь на борту подлодки как нечто таинственное и сверхъестественное. Те, кто там служил, были настоящими мужчинами, ведущими свою войну под водой, без дневного света, в спертом воздухе и пропитанной маслом одежде. Эти люди за свои подвиги заслуживали уважения всего мира. А еще мы знали, как часто лодки не возвращались из операций. Прошло только два месяца с момента гибели трех наиболее известных из них: U-47 корветен-капитана Прина, U-100 корветен-капитана"Шепке и U-101 - капитан-лейтенанта Кречмера, единственного оставшегося в живых, чтобы рассказать о себе, но - военнопленного. [- 52 -]

Глава 3. Серые волки показывают зубы

Наша подлодка стояла в Данциге. Едва ли мы могли надеяться попасть на нее, потому что никому, кроме команды, даже офицерам других кораблей, не разрешалось подниматься на борт подлодок. Высшая секретность! При любых обстоятельствах враг не должен получить ни малейшей информации о столь грозном для него оружии.

В академии мы получили полностью новое обмундирование - новую форму, свежее белье и, среди прочего, огромное количество накрахмаленных воротничков. У каждого был также морской рундук и два чемодана поменьше. Мы теперь были офицерами, и нам не пристало ходить с вещевыми мешками.

После долгих поисков мы, наконец, обнаружили наш корабль - выкрашенный в серый цвет и сливавшийся с причалом. Двое часовых, один на палубе, другой на пирсе, вооруженные автоматами, ни в коей мере не соответствовали парадным стандартам. Когда мы спросили, на борту ли командир, они ответили , что он недавно сошел на берег и до завтра его не будет. Бесполезно было объяснять, что мы должны подняться на борт, хотя бы затем, чтобы положить вещи. Не было никакой надежды на это, пока мы не получили специального разрешения командира. Приказа морской академии было недостаточно. [- 53 -]

Однако мы уже знали, что ничего невозможного не бывает и нельзя так просто сдаваться. После долгих поисков мы нашли старшего помощника на плавучей базе. В конце концов он выдал нам разрешение. Мы принесли наше имущество со станции и попытались пронести его на борт. Старшины ухмылялись, потому что мы, равные с ними по званию, никогда не видели субмарины и полностью зависели от них. Вскоре наш легкий багаж находился в рубке, но рундуки не пролезали в люк.

- Ахтунг!

Команда замерла по стойке «смирно». Мы увидели белую фуражку, символ командира подлодки. По неписаному закону только ему разрешалось носить этот головной убор.

- Вы ненормальные? Что вы собираетесь делать со всем этим хламом? Оттащите ваше имущество на плавбазу и явитесь ко мне в каюту через полчаса.

Когда мы вернулись, Он обратился к нам примерно с такими словами:

- На борту вы никто и абсолютно ничего не стоите. Самый последний матрос знает больше вашего. Вы просто балласт и бесполезные потребители воздуха. Не забывайте об этом. Ваша работа - привыкать и получать знания. Через три недели мы уходим на операцию. Не воображайте, что я возьму вас, если вы не будете четко знать свои обязанности. Запомните: вы имеете честь служить в самом прекрасном и грозном роде немецких войск. Наша жизнь трудна и сурова, но мы из любви к отечеству с радостью несем службу. Берите пример с асов подлодок обеих войн и старайтесь подражать им. Если вы вложите в службу всю душу, вы в конце концов станете моряками.

Мы получили два комплекта серо-зеленых спецовок, кожаное снаряжение, морские сапоги, два пуло- [- 54 -] вера, шесть комплектов нижнего белья и шесть пар носков. Кроме нашего собственного белья, это было все, что нам разрешили взять на борт. В шкафчиках, впрочем, больше ни для чего не находилось места. Все остальное, даже нашу синюю форму, мы отослали домой.

Мы должны были двигаться в очень ограниченном пространстве и ориентироваться среди множества приборов и аппаратов. Каждая труба имела свое назначение. Нам следовало выяснить, откуда и куда она ведет. Стараясь выполнять полученные инструкции как можно лучше, мы ползали под обшивкой, вычищали днище и выполняли самую грязную работу, какую можно вообразить. Наша прекрасная форма гардемаринов была забыта, и мы никогда не носили знаков различия, кроме тех случаев, когда по очереди один из нас делил помещение либо со старшинами, либо с главными старшинами. Также по очереди один из нас ел в кают-компании.

Наш корабль - обычная подлодка серии УНС с надводным водоизмещением 600 тонн. В это время его команда состояла из 42 человек. Меньшие подлодки водоизмещением 250 тонн не годились для дальних походов в Атлантику. В то же время мы имели преимущество и перед более тяжелыми лодками водоизмещением 800 тонн, так как были более маневренными, быстрее погружались, были лучше вооружены для защиты и нас труднее было обнаружить.

Подлодка внешне похожа на сигару. Все ее жизненно важные узлы находятся во внутреннем корпусе, где концентрируются двигатели, моторы и аккумуляторные батареи. Поскольку этот корпус тяжелее воды и может сразу затонуть, плавучесть обеспечивается при помощи наружного корпуса, за счет увеличения от вместимости · без добавления общего веса. [- 55 -] Пространство между корпусами используется для баков с

горючим и цилиндров, наполненных сжатым воздухом. Это делает всю конструкцию настолько плавучей, что, когда подлодка всплывает на поверхность, только 1/7 часть ее корпуса поднята над водой.

Когда подлодка должна погрузиться, плавучесть ее уменьшается за счет продувания цилиндров до определенного уровня. Если лодка останется неподвижной, она затонет, поскольку в действительности не может быть таких «подвешенных кораблей», какие встречаются в рассказах об исчезнувших- кораблях- призраках. Подлодка может держаться на необходимой глубине при работе двигателя в соединении с так называемым «гидропланом», то есть с горизонтальным рулем, широкие лопасти которого, отклоняясь вверх и вниз, тянут лодку к поверхности или от нее.

Теперь давайте пройдемся по всему судну, от носа до кормы. Начнем с того, что на немецком военно-морском жаргоне называется «палатой лордов». Оно придумано от прозвища Лорд, которым называют рядового на флоте. В носовом отсеке в ряд выстроены четыре торпедных аппарата, обычно в каждом из них находится заряженная торпеда. Еще четыре запасные складируются на стеллажах, а две другие над ними. Они защищены деревянными щитами. Команда спит на подвесных койках, всегда двухъярусных, три Лорда на две койки. Другие члены команды делят 1 2 коек в носовом кубрике, это рядовые торпедисты и радисты. Затем рядовые машинного отделения, так называемые кочегары. Койка предназначается для двух кочегаров. Это очень практично, потому что часть кочегаров всегда на вахте. Как только встает один, другой ложится на его место, так что койка никогда не остывает. Эта система похожа на общежития в [-56 -] промышленных городах, где не хватает жилья и кровати занимают посменно. Однако это не позволяет спать между вахтами.

Каждый, естественно, должен присутствовать во время еды, когда накрывают стол, а верхние койки поднимают, чтобы можно было сидеть на нижних. Так как команда должна содержать корабль в чистоте, чтобы накрыть стол и убрать после еды, назначаются дневальные.

Рядом с кубриком помещается столовая для старшины-рулевого и двух механиков из машинного отделения. Н а левом борту холодильник, напротив него гальюн, или «голова». Дальше идет кают-компания для двух офицеров верхней палубы и главного инженера. Один угол этой кают-компании, отгороженный толстым занавесом, называется каютой командира. Командир, конечно, должен быть в центре событий, поэтому

напротив помещается каюта радиста, а рядом помещение со всеми жизненно важными приборами для подводного плавания, гидрофонное устройство и т. п. Рядом с каютой капитана распределительный щит, а затем вы попадаете в место, значение которого определяется названием: центральный пост. Здесь во время погружения находятся вместе командир и главный инженер. Здесь также все приборы, используемые при подводном плавании, такие как горизонтальный руль, насосы и т. д., И отсюда проход к боевой рубке. Центральный пост находится в середине лодки и может быть изолирован как от передней, так и от задней ее части; Переборки центрального поста должны выдерживать давление до 600 футов, в то время как переборки кают - только до 100 футов.

Дальше расположен кубрик старшин. В нем восемь коек, каждая используется по очереди. Позади [- 57 -] по правом у борту камбуз и еще одна «голова». Наконец, отсек дизельных двигателей, рядом отсек электромоторов, потом торпедные аппараты и запасные торпеды под палубным перекрытием.

В 1941 году каждая новая лодка выходила в море с командой, половину которой составляли люди, имеющие боевой опыт, а половину - новобранцы. Каждый второй из команды нашего корабля имел знак' подводника и Железный крест второго класса. Наш командир, высокий белокурый человек с резкими чертами лица и отрывистой речью, сам прошел немало походов в качестве старшего помощника.

Шестимесячный учебный период, который каждая лодка должна пройти на Балтике, почти закончился к тому времени, как нас назначили гардемаринами. Учеба состояла из особых испытаний, выполнявшихся на специальных флотилиях. Например, поломки двигателя, освещения и других частей, о которых рассказывали вернувшиеся из походов подводники, специально устраивались опытными инженерами в соответствии с реально произошедшими случаям и. Работали часто в темноте. Действительно, при аварии освещение обычно первым выходит из строя. Если лодка проходила испытания, учеба заканчивалась, но если нет, то все начиналось сначала. Мы успешно прошли все испытания, оставалось только последнее тактическое учение. Оно считалось наиболее важным, длилось две недели и сулило большие трудности и для корабля, и для команды. Когда позже я сам проводил такое испытание уже как старший помощник, учебный отряд потерял 2 подлодки из 12, а 2 другие вернулись поврежденными.

Эти тактические учения проводились широкомасштабно. Когда надводные корабли занимали свои позиции, мы вели себя

так, как если бы действитель- [- 58 -] но воевали на Атлантике. Это был большой конвой с сильным сопровождением. По меньшей мере 50 самолетов патрулировали территорию, чтобы сразу сообщать о каждом появлении подлодок.

Мы больше не использовали обычные учебные торпеды, отличавшиеся от настоящих только отсутствием боеголовок, заряженных 200 килограммами взрывчатки, которые устанавливались на определенную глубину, чтобы поразить мишень. Теперь мы посылали сигнал о пуске торпеды на корабль-мишень, чтобы установить, попали ли мы в него, и, следовательно, иметь возможность исправить ошибки. На корабле-мишени могли заранее определять следы наших торпед ночью по лампочкам, прикрепленным к ним, а днем по следам пузырьков.

Мы успешно выполнили все задания и отправились в Киль, чтобы подготовиться к настоящему походу. Здесь кипела активная работа. По меньшей мере десять подлодок стояли у причала, все одинаковые, серые и очень длинные для своей ширины, около 1 50 футов от носа до кормы. Молодые команды горели энтузиазмом. Я встретил здесь много друзей из морской академии, поскольку на каждой подлодке было по три гардемарина. Молодые офицеры должны были учиться своей работе в море, а цена учебы определялась потерями. Но ни одна школа не может научить тому, чему учит война.

Грузовик за грузовиком подвозили запасы, пока мы не получили достаточно провианта, чтобы его хватило на три месяца без экономии. Наш рацион был гораздо лучше, чем рацион любого другого рода войск. Мы должны были грузить наши при пасы в соответствии с планом. Во-первых, надо ровно распределить их по лодке, чтобы избежать дифферента при погружении. Во-вторых, припасы не должны [- 59 -] перемещаться при погружении, что легко может случиться при угле погружения 60_ градусов. В-третьих, провизия не должна смешиваться с боеприпасами или техническими запасами.

В последние годы войны каждую лодку снабжали по такому плану загрузки и хранения припасов. Ветчина и сосиски между торпедными аппаратами и в центральном посту, трехнедельный запас свежего мяса в холодильнике, а свежевыпеченный хлеб, чтобы сохранить его на этот же срок, подвешивался в носовом кубрике и в моторном отсеке. Когда свежая пища заканчивалась, мы переходили на консервы.

Для того чтобы погрузить торпеды, мы размещались у специального пирса, загружались через специальный люк впереди и через другой люк на корме. Погруженное вооружение включало

88- и 20-миллиметровые снаряды и большое количество патронов для пулеметов и автоматов. На палубе у нас стояла пушка, специально предназначенная для подлодок, и автоматическая зенитка, а еще, если понадобится, можно было принести пулемет из боевой рубки. В конце концов наша экипировка закончилась, кислородные цилиндры заполнены, очиститель воздуха обновлен. Мы отправили последние письма семьям и готовились на рассвете отплыть.

Командующий флотилией обратился к нам с напутственной речью:

- Камараден, вы должны понимать, что служите в самых лучших и действенных войсках нашей дорогой отчизны. Судьба соотечественников в ваших руках. Докажите, что вы достойны их доверия. Мы не знаем страха. Наш девиз: «Иди и топи».

Берега Германии остались далеко позади. Наш командир решил пройти в Атлантику Исландским проливом между Исландией и Фаросом. В Первую миро- [- 60 -] вую войну самой большой проблемой для командования подлодок тоже была проблема выхода от берегов Германии в Атлантику. Без французского побережья мы не имели выхода на оперативный простор. Канал слишком легко охранялся. Будучи очень узким, он мог быть заблокирован минами и противолодочными сетями. Несмотря на большую территорию, противник господствовал над северо-западным проходом вокруг Британских островов, и корабли с новобранцами в команде сталкивались с суровым испытанием уже в первые несколько дней. Недостаток опыта часто приводил к относительно большим потерям в первой же операции. Кроме того, многие страдали морской болезнью и были ненадежны ни на вахте, ни при погружении.

Я на вахте. Строгий взгляд, совсем как у настоящего моряка. На вахте стоит вахтенный офицер, старшина, двое рядовых, а также гардемарин. В течение четырех часов без головного убора или любой другой защиты под дождем, снегом или в шторм каждый из нас должен вести наблюдение за своим сектором, пользуясь только биноклем или собственными глазами. В течение четырех часов та же монотонная последовательность: стекла вверх - осмотреть горизонт, стекла вниз - протереть от подтеков, снова вверх. Бесконечный ритуал. Горе тому, кто заснет или отвлечется хоть на мгновение. Это может стоить жизни ему и всей команде.

Прошли четыре дня в море. Не видно ничего: ни самолета, ни корабля, ни плавающей мины. Мы идем со скоростью 14 узлов. Длинная тонкая лодка как ножом режет мертвую зыбь. Обычная волна не может заставить ее качаться. Но сейчас тяжелые волны

заливают верхнюю палубу, разбиваются о боевую рубку, иногда заливают ее и проливаются на наши голо- [- 61 -] вы холодным душем. Морская свинья! Какой-то миг мы наслаждаемся развлечением. Как быстро она движется! Гораздо быстрее нас. Чего стоят все эти военные рассказы? Мы ничего не видим. Так или иначе, у Англии слишком мало самолетов, чтобы охранять все и везде. Просто старые моряки дурачат нас, стараясь испугать.

- Самолет на 040 градусов, - докладывает стар- шина.

Вахтенный офицер смотрит вверх:

- Приготовиться.

Способный разбудить мертвого колокол звенит по всему кораблю. Мы все прыгаем вниз. Сейчас прекращается всякое движение, даже если ты в «голове». Это момент, когда человек должен проявить себя. Вахтенные с мостика спрыгивают в люк, руки и ноги на стальном трапе. Вы просто падаете вниз, но надо быть внимательным, иначе следующий за вами человек может оказаться верхом на вас, а морские сапоги куда как тяжелы. Через пять секунд будет задраен люк. Секунда на каждого человека. Вы должны как угодно попасть вниз. Там стоит человек, чтобы помочь, если вы упадете.

Дизели остановлены при сигнале тревоги, машинное отделение лихорадочно работает. Моторы подключены, воздуховод и выхлопные клапаны закрыты. Каждый подводник знает свою работу - результат бесчисленных упражнений. Красные лампочки указывают каждую существенную деталь, чтобы предупредить ошибки. Весь корабль ощущает опасность - сигнальный колокол не звонит шутки ради. Еще нет приказа на погружение?

Щелчок - люк закрыт.

- Погружение! - кричит вахтенный офицер, болтая ногами, потому что всем своим весом налегает на маховик, закрывающий люк. [- 62 -]

- Погружение! - приказывает главный инженер, стоя перед панелью, где горят индикаторы всех отсеков, показывая «готов К погружению» на каждом циферблате. «5, 4, 3, 2 - ровно» - что соответствует цистернам для погружения, пронумерованным от носа до кормы. Люди прыгают, как кошки, к рычагам клапанов, поворачивают их, открывая, и повторяют: «5, 4, 3, 2 - ровно». Теперь мы снова видим необходимость наших бесконечных учений - одно неточное движение может означать смерть. Все идет хорошо, лампочки показывают, что клапаны погружения открыты. Вода обрушивается в баки, лодка опускает нос - 1О градусов, 20 градусов.

- Один, - приказывает главный, и отверстие кормового

(последнего) бака широко открывается. Так он. остается до последнего, чтобы угол погружения был острее. Электромоторы работают на полной мощности, хотя вы можете слышать только легкое жужжание. Вся подлодка вибрирует.

- Баки погружения открыты, - докладывает инженер. 5 футов... 8... Лодка погружается быстро. 10 футов.

- Самолет по левому борту, - докладывает вахтенный офицер. Небо- покрыто облаками, самолет идет другим курсом. Возможно, не заметил нас, а если заметил, мы будем на глубине 25 футов раньше, чем упадут первые бомбы.

- 20 футов, корабль погружается быстро.

- Вниз до 50 футов.

Мы слышим далекий шум. Ничего похожего на артиллерийский взрыв на земле. Это что-то вроде глухого потрескивания. Вода хорошо проводит звук, И мы здесь, внизу, точно заперты в плавающем барабане. Но никто не сказал ни слова, никто не шевельнулся. У каждого подводника свой пост, и он не должен шевелиться, чтобы не нарушить дифферент [- 63 -] лодки. Наконец, прозвучали доклады: «(Все чисто на носу, все чисто на корме, все чисто в центральном посту». Значит, это была не атака. Взрывы были слишком далеко.

- Лодка на ровном киле. Закрыть все клапаны.

Последние частицы воздуха должны быть извлечены из уголков цилиндров для погружения. На глубине воздух сжимается, и дополнительная вода делает подлодку заметно тяжелее, в то время как на небольших глубинах может произойти противоположное. Кроме того, оставшиеся пузырьки воздуха, перемещаясь внутри цилиндра, при водят к изменениям в дифференте и создают шум, а это не совсем приятно.

Теперь мы чувствуем себя лучше, зная, что в случае чего мы можем продуть баки без утечки воздуха и потерь при всплытии. Да поможет Бог подлодке, если бомбами у нее повредит клапаны!

Прошло пять минут - и ничего не случилось. Двигатели работают на малой скорости. Мы можем оставаться в таком положении два дня, не обнаруживая себя. Однако скрываться - не наша работа. Мы должны нападать и разрушать.

У командира с первых дней осталось уважение к бомбам. Вы должны сами почувствовать их, чтобы знать, что такое война. Нет ничего хуже для команды новой подлодки, чем первые недели без атаки с воздуха. Беззаботность, ложное чувство безопасности могут стать фатальными. Итак, еще час держимся под водой. Потом командир командует:

- Вверх до перископной глубины.

Вахтенный офицер повторяет инженеру:

- Вверх до перископной глубины. Половина скорости.

Инженер рулевому:

- Оба руля вверх. Поток 50 литров. [- 64 -]

Давление воды уменьшается по мере подъема подлодки, и она становится более плавучей. Но это требует компенсации, и опытный инженер знает, сколько нужно воды. Среди прочего это зависит и от солености воды в данном районе. Командир на центральном посту готовится смотреть в перископ. Никакой спешки. Очень важно удержать лодку на глубине 20 метров и так ее дифференцировать, чтобы на перископной глубине 14 метров она избежала вибрации. Не менее важно, чтобы перископ только показался над поверхностью, и моторы должны работать очень медленно, чтобы не осталось следов винта или пузырьков от самого перископа.

Теперь мы должны держать нервы под контролем, а лучше вообще забыть о них. Вы должны стать роботом, полностью ощутить себя подлодкой, которая живет собственной жизнью. На глубине 1 00 футов подлодка начинает стонать и трещать, а когда она поднимается на поверхность, отряхивается, как собака. В плохую погоду вы можете слышать ее стоны. Н а глубине 50 футов она довольна и режет воду спокойно и молчаливо.

На 20 метрах командир садится к перископу. Механическая работа требует искусства, чтобы направить перископ в нужную сторону при помощи педали. Правая рука регулирует угловое зеркало, дающее обзор от 70 градусов выше до 1 5 градусов ниже уровня горизонта. Левая рука управляет рычажком, компенсирующим волнение моря и небольшое движение самой подлодки. Линзы перископа дают альтернативное увеличение в полтора с небольшим раза с разной степенью защиты от блеска. Кроме того, вместе с перископом используется контакс или кинокамера. Все это можно обогреть, чтобы предотвратить запотевание зеркала. Перископ включает в себя прицел, [- 65 -] дальномер, пеленг по компасу. Перемещение линз вверх или вниз позволяет управлять стрельбой с помощью различных градуированных циферблатов. Цифры окрашены в красный, зеленый, желтый, черный или белый цвет в зависимости от информации, которую они несут. Рядом кнопка пуска торпеды.

Рядом с перископом главный пульт атаки. Во время войны такие пульты устанавливались на подлодках во всем мире. Но когда наши противники после капитуляции смогли увидеть наши пульты, то очень удивились. Это был не просто обычный аппарат для расчетов, а машина с разрешающим устройством, различными графиками и шаблонами, связанная непосредственно с перископом. Это давало возможность стрелять сразу по пяти

различным мишеням в конвое в течение нескольких секунд без изменения первоначальной оценки курса конвоя, скорости и т. д.

Командир внимательно осмотрел прояснившееся небо и дал приказ на всплытие. Баки погружения были соответственно продуты и, когда главный доложил, что люк боевой рубки свободен, командир повернул маховик, вышел на мостик и вместе с вахтенным офицером внимательно осмотрел море и небо. Между тем лодка поднималась, электромоторы работали на полной мощности, что позволяло погрузиться В кратчайшее время в случае необходимости. Но нигде ничего. Как только командир приказал продуть, электромоторы остановились, выхлопные газы дизелей пошли в баки погружения, чтобы удалить последнюю оставшуюся воду. Это сохраняет сжатый воздух и предохраняет баки от коррозии. Вахта заняла свои места на мостике, и подлодка пошла нормальным ходом по поверхности под монотонное жужжание дизелей. [- 66 -]

в эти дни мы часто должны были погружаться, чтобы избегать бомбардировщиков, и они никогда не наносили нам вреда. Мы также видели много плавающих мин. Однажды, поднявшись на поверхность, мы обнаружили проводок мины, запутавшийся по диагонали через боевую рубку. Он был проржавевший, но, к счастью, мина ушла по течению. «Мы встретимся в розовом саду, ты и я» - это была одна из песен о любви, которые мы обычно учили на уроках немецкого языка в школе. Я думаю, именно это имелось в виду, когда команды подлодок обычно называли заминированные районы «розовым садом».

Однажды мы увидели рыболовецкое судно. Общее мнение склонялось к тому, чтобы пустить его на дно, раз оно шло в запрещенных водах. Но командир был против. Судно слишком мало, это будет пустой · тратой торпеды и, кроме того, привлечет к нам внимание, а через несколько часов охотники за подлодками и самолеты могу появиться над нами. Не стоит рисковать из-за какого-то рыбака. Да и лодка стоит четыре миллиона марок.

Наконёц мы прошли Исландский пролив и теперь находились в районе, предназначенном для наших операций. Здесь было нечто вроде пояса подлодок. Они располагались на разных расстояниях одна от другой. (Немецкая разведка отвечала за эту диспозицию - ведь было не просто совпадение, что подлодки очень часто оказывались прямо на пути конвоя.)

- Мачта по правому борту!

Сигнальщик напряженно ожидает. Мы в наши бинокли можем видеть только смутные очертания, но, когда командир приходит на мостик, он сразу замечает корабль. Требуется большая практика и опыт, чтобы суметь так увидеть. Мы, новички, едва

можем по- [- 67 -] верить. Командир говорит инженеру, что он хочет подвести подлодку поближе.

- Правый борт, полскорости оба.

На малой скорости для экономии топлива работает только один дизель. Каждые четыре часа мы включаем двигатели, чтобы уравнять время работы и таким образом держать их в рабочем состоянии и готовыми к непредвиденным случаям. До сих пор мы шли со скоростью 6 узлов, за несколько секунд увеличили ее до 12, меняя курс, пока мачта не оказалась прямо перед нами.

- Держать курс, - говорит командир рулевому. Следующее дело - поднять сверхмощный телескоп для атаки на поверхности. Этот телескоп, как и перископ, непосредственно связан с дальномером и может оставаться на палубе, никого не беспокоя, когда мы погружаемся. Он выдерживает давление до 100 футов.

Теперь командир подходит к нему. Мачта в центре пересечения, но становится меньше и уклоняется влево.

- Очевидно, направляется в Штаты; - бормочет командир. - Но надеюсь, не американец. Это запрещенные воды. Нейтралы должны придерживаться морских путей, а не идти зигзагом. Скоро выясним.

Включаются воздуходувки. Воздух втягивается в баки при помощи дополнительных насосов. Нос поднимается, и белая пена растекается с каждой стороны. Мы едва можем рассмотреть мачту через прицел.

- Право на борт!

Теперь мы идем под прямым углом к прежнему курсу. Верх мачты исчезает.

- 20 градусов на правый борт.

Корабль снова медленно раскачивается в поле нашего зрения и становится больше. Мы снова увели- [- 68 -] чиваем скорость и теперь видим его уже нормального размера. Это значит, что мы идем за ним правильным курсом. Нет! Он быстрее нас, и мачта снова исчезает вдали.

- Проклятый корабль! Он слишком быстрый. Надеюсь, мы его догоним.

Мы все в нетерпении и готовы действовать. Если мы сможем идти быстрее его хотя бы на один узел, могут пройти часы и даже дни, пока мы его атакуем. Это в случае, если он не будет слишком много маневрировать и не появятся самолеты. Нужна большая удача, чтобы торпедировать корабль, находясь позади него. Мы снова увеличиваем скорость, теперь уже до 17 узлов. Двигатели перегреваются, ясно видны выхлопные газы. Команда машинного отсека работает великолепно, но мачта остается на той же высоте. Это значит, что корабль тоже идет со скоростью 17 узлов.

Слишком быстро!

- Полный вперед!

Мы можем еще увеличить скорость, так как у нас есть и электромоторы. С нашим запасом мощности мы должны суметь догнать его. К счастью, мы не сталкиваемся с морем в лоб, как обычные надводные корабли, только брызги летят через нас. Серый волк такой тощий! Винты вращаются со скоростью 360 оборотов в минуту. Поток пены тянется в кильватере. Зрелище, наводящее ужас на торговые суда, но прекрасное для нас.

Мы удерживаем полную скорость уже два часа. Если бы запас топлива у нас был не ограничен, мы могли бы держать ее неделями, поскольку двигатели для этого вполне пригодны. Перед выходом на операцию каждую подлодку проверяют в течение восьми часов на полной скорости. Эти двигатели редко отказывают. [- 69 -]

Карта находится на центральном посту. Каждые пять минут командир кричит вниз пеленг и расстояние до корабля, а штурман чертит курс и наш и противника. Отмечается каждый зигзаг. Корабль удерживает скорость и постоянно маневрирует, но мы знаем его основной курс и можем даже расслабиться, хотя мачта время от времени пропадает из виду. Каждый час мы проверяем позицию корабля. Все в порядке. Очень похоже на наши маневры на Балтике. При расстоянии 14 миль мачты будут видны, но нас разделяют еще 16 миль. Каждый уже на грани. Сможем ли мы догнать его? Это, конечно, изменение в нашей монотонной жизни: несение вахты, торпедная муштра, еда, уборка корабля и снова вечные вахты... Торпедные офицеры проверяют свои торпеды. Это не обязательно, но хочется быть уверенными. Дизели, каждый из восьми цилиндров выше человеческого роста, продолжают ритмично постукивать. Все смотрят на стрелку индикатора. Температура воды и газа не должна быть слишком высокой, не выше опасного уровня. Пока все под контролем. Мы идем на полной скорости только четыре часа.

Пять часов дня.

- Мы не должны спешить, - ворчит командир. - Мы должны атаковать, когда наступит ночь. Бес- полезно гнаться за ним еще день - уйдет слишком много топлива. К пяти утра, когда начнет рассветать, мы выпустим торпеды.

Все офицеры верхней палубы и лучшие сигнальщики на мостике. Они не отдыхают, и вместо еды и питья они получают только специальный шоколад и кофе, чтобы не тратить энергию на пищеварение. Они должны держать глаза открытыми. Кофе приносят только по одной чашке, чтобы от наблюдения от- [- 70 -]

влекались только по одному. Никто не разговаривает - говорить не о чем.

Наступают сумерки. Через 20 минут будет темно, уже восемь часов. Чтобы поддерживать контакт с кораблем ночью, мы должны сблизиться до трех миль. Сквозь облака пробивается луна, и становится гораздо светлее. С одной стороны, это хорошо для нас, потому что мы можем видеть объект на расстоянии 4 миль, но плохо для нашего оружия. Нам нельзя подойти ближе чем на 5500 метров, так как противник может заметить белую волну и очнуться от спячки. Море фосфоресцирует, и кажется, маленькие искры летят прямо в небо.

- Объект впереди! - Командир заметил первым. Все глаза засияли от возбуждения. «Повезло! Он прямо впереди и всего в четырех милях».

Теперь ровно 10 часов. Пять часов ушло у нас на то, чтобы выйти на правильную позицию для стрельбы. В пять часов утра будет совсем светло, и торпеды должны выйти из аппаратов до рассвета.

Мы можем только догадываться о положении корабля. Мы не осмеливаемся позволить ему нас заметить. Но можно увеличить скорость. Инженер спускается в машинное отделение. Скоро и все уходят. Белый поток разбрызгивается над боевой рубкой. На мостике вахтенные промокли до костей, но никто не думает надевать плащ в такой момент. Все наши воздуходувки и компрессоры визжат от напряжения. Мы продолжаем продувать баки погружения каждые пять минут, так как стараемся держаться намного выше ватерлинии. Чем мы выше, тем больше наша скорость. Правда, увеличение скорости только частичное, но все же увеличение. Мы все взволнованы гонкой, и странно, ни у кого нет времени почувствовать страх, хотя мы все знаем, что по меньшей мере [- 71 -] две пушки установлены на корме корабля, не говоря о пулеметах и автоматах. Каждый корабль, идущий вне конвоя, несет на себе целый арсенал. Один удар любой из этих пушек может искалечить лодку, когда мы будем погружаться, и это будет означать конец. Попадания в дизельный бак тоже будет достаточно, чтобы покончить с нами: тогда в кильватере останется длинный масляный след. Он сделает нас легкой добычей для любого охотника за подлодками, который покажется здесь.

Наконец, четыре часа, но вместо того, чтобы становиться темнее, получается совсем наоборот. Мы можем различить горизонт с ватерлинии. Ровно в пять мы должны стрелять. Это наш последний шанс. Проходит 15 минут. Все на своих постах. Двое работают с дальномером. Один в боевой рубке, другой на

центральном посту. Торпедист и старшина торпедистов у торпедных аппаратов. Еще один торпедист на корме. Все это время командир стоит, прислонившись К перилам в углу мостика. Бинокль, кажется, приклеился к его глазам. Длинные волосы и борода скрывают лицо. Он как одержимый, целиком захваченный неистовой охотой на человека.

- Аппараты 1-5 готовы! - кричит офицер. Трубы мокрые, а их наружные дверцы открыты. В это время инженер рассчитывает количество воды, которая понадобится в баках, чтобы скорректировать дифферент после торпедного залпа. Все пять аппаратов готовы.

- Аппараты 1-4 готовы для стрельбы на поверхности, - приходит по переговорной трубе из носового отсека. И с кормы:

- Аппарат 5 готов. Управление с мостика. Торпеды могут быть выпущены с нескольких позиций: с передней или задней части, центрального [- 72 -] поста, боевой рубки и мостика. Приказ поступает на центральный пост, и включаются установки. Тусклые белые лампочки в боевой рубке показывают старшине у дальномера, что приказ выполнен правильно, и он докладывает офицеру, а тот, в свою очередь, командиру.

Мы все еще двигаемся параллельно с противником и немного впереди. Мишень в центре прицела. Сигнал «пуск».

- Цель красный 90, скорость 16 1/2 узла, расстояние 7000 метров, скорость торпеды 30 узлов, глубина хода 7 метров.

Наши торпеды установлены на глубину 7 метров ниже поверхности, чтобы пройти на два метра ниже цели. Магнитный взрыватель притянет заряд, который ударит в киль и взорвет корабль.

Во время Первой мировой войны целью было разрушение всего корабля. После выпуска торпеды она продолжает двигаться тем же курсом, что и подлодка, под управлением автоматического рулевого устройства. При таких условиях атаки были сложными, особенно потому, что надо было избегать эсминцев и других кораблей сопровождения. Но во время Второй мировой войны новые торпеды могли менять курс автоматически до 90 градусов от направления, в котором были выпущены; последняя модель - даже до 180 градусов. Шансы на успех при таких условиях значительно повышались, поскольку подлодка не обязана была идти фиксированным курсом во время атаки.

Офицер-торпедист у пульта докладывает: «Установлены» - и включает устройство, которым пульт атаки связан с гидрокомпасом и прицелом. Механизм сбивается, и две красные лампочки указывают, что процесс расчета полученной информации еще не [- 73 -] закончен. Через несколько мгновений

лампочки гаснут, и старшина у пульта докладывает результат офицеру. С этого момента любые наши изменения курса не важны: все происходит автоматически. Надо просто удерживать мишень в прицеле, чтобы аппарат мог выполнить свою работу. Лампа сияет, а пульт теперь связан с биноклем на мостике. Между тем постоянные изменения боевой установки передаются торпедам и устанавливают их угловой механизм. С этой системой можно стрелять в любой момент и на любом курсе, не превышая только 90 градусов. Торпеды пойдут к цели сами.

Мы ложимся на курс атаки. Теперь противник ясно виден. Это английский танкер водоизмещением 18 тысяч тонн. Мы делаем 12 узлов, расстояние 5 тысяч метров. Старшина у пульта докладывает офицеру изменения в установке. Командир слушает, далее офицеру: «Огонь на 4500 метров. Цель - фок-мачта». И затем: «Скорость поворота, красный 3». Это скорость, при которой лодка повернет, когда руль будет установлен на левый борт. Наши новые торпеды в сочетании с точным расчетом момента поворота позволяют повернуть подлодку до открытия огня. Таким способом мы можем не только сэкономить время, но и стрелять с более близкого расстояния.

Офицер старшине:

- Красный 3. Приготовиться к стрельбе.

Командир рулевому:

- Лево на борт.

Старшина торпедистам у носовых аппаратов:

- Приготовиться к стрельбе по поверхности.

Приходит ответ:

- Аппараты 1, 3 и 4 готовы.

Командир офицеру:

- Стреляйте, если готовы. [- 74 -]

Офицер:

- Готовы.

Старшина:

- Пуск, пуск, пуск. - Этим он указывает, что изменения точно передаются на торпеды, когда подлодка поворачивает.

Офицер-торпедист держит фок-мачту в прицеле.

- Огонь! - И он нажимает кнопку.

- Огонь! - повторяет старшина, и команда у аппарата слышит приказ по громкой связи. Торпедисты принимают меры на случай неисправности механизма дистанционного управления. Подлодка трижды вздрагивает, слышатся три коротких громких свистящих звука - шум сжатого воздуха, выталкивающего торпеды. Залпы распределяются с интервалами в одну секунду, чтобы предотвратить взаимные помехи. При команде «Огонь» главный

заливает в баки воду, чтобы компенсировать вес трех ракет. Лодка должна быть готова к мгновенному аварийному погружен ию в случае необходимости. Командир смотрит на часы. Прошло 15 секунд.

- Бум! Ура! Попал.

Командир у перископа - единственный, кто может все видеть. Он включает микрофон общей связи:

- Удар сзади. Корма, кажется, согнулась. Магнитный взрыватель сработал.

Но на корабле работает радио. На волне 600 метров радист передает сигнал s6s. Они сообщают, что атакованы немецкой подлодкой, и называют наши координаты.

- Хорошо, - замечает главный рулевой. - Очень любезно со стороны англичан указать нашу точную позицию. Больше не о чем беспокоиться.

Корабль больше не двигается и вы пускает пар. Кажется, поврежден руль и аппарат управления. Мы [- 75 -] снова атакуем. Теперь это легко, мы в 1000 метрах. Они замечают наш перископ, и все пулеметы бьют по нему, стараясь попасть по стеклам. Мы атакуем С другой стороны и погружаемся под корабль на 1О футов. Гидроакустик рапортует:

- Он прямо над головой.

Во время атаки командир управляет кораблем, дает информацию о цели и сам стреляет торпедами. Офицер только следит, чтобы соответствующие установки попали на пульт. На этот раз мы собираемся стрелять из кормового аппарата, который используют нечасто.

- Расстояние 400 метров. Огонь!

Ужасный рев. Мы выстрелили с гораздо более близкого расстояния. Звук под водой страшный. Танкер разламывается пополам.

Теперь каждый смотрит в перископ. Перед нами в море тонет прекрасный корабль. Нас переполняют эмоции. Нас охватывает демоническое безумие разрушения, ставшее законом войны. Что еще мы можем сделать, находясь под его влиянием? Спасительные лодки и плоты спущены, те, кто на борту, спасают себя, как могут. Мы не можем помочь, не попав сами в опасное положение. Кроме того, у нас на борту нет места: подлодки строятся в расчете только на команду, и никого больше. Корабли противника оснащены спасательными средствами, и, вероятно, этих людей с танкера скоро подберет военный корабль.

Сначала мы позволили себе немного расслабиться, если так можно сказать. Крейсируя на глубине 25 футов, мы поставили пластинки и слушали старые мелодии, напоминавшие нам о

доме. Как особую награду мы получили по стакану бренди. Команда подлодки давно отвыкла от этого, потому что спиртное [- 76 -] на море обычно запрещено. Курильщикам тоже трудно: вы можете выкурить только одну сигарету на мостике или в боевой рубке, когда лодка всплывает.

Теперь нужно зарядить запасные торпеды. В течение полутора часов мы охотно устанавливаем их в надежде на новый успех. Мы также меняем позицию, так как наша жертва успела передать наши координаты по радио, и вряд ли здесь появятся новые торговые суда. Вероятнее, охотники и самолеты.

К тому времени половина нашего топлива уже израсходована. При таких обстоятельствах командир имеет право изменить район действий, если сочтет это удобным. Мы могли бы утопить еще корабль в ближайшие недели. Но мы в течение долгого времени жили на консервах и сами стали как консервированное мясо. На берегу это называется клаустрофобией , но там вы, по крайней мере, имеете возможность избавиться от нее скорее, чем в нашей клетке. Всегда одни и те же лица, одна и та же форма, одни и те же обязанности, и никакой надежды на уединение. Каждая слабость, каждая странность наблюдается со стороны. Заранее известно, кто как реагирует, как двигается, как одевается или ест. Иногда мы почти сходили с ума, твердо зная, что собирается делать каждый из наших любимых друзей и сотрапезников в необозримом будущем. Сама еда имела привкус подлодки. Дизельное масло с заплесневевшей мукой. В момент, когда ящики с продуктами открывались, загрязненный воздух попадал в них и давал нашей пище типичный привкус. Плесневели переборки. Каждый отдельный предмет покрывался плесенью. Кожаная обувь и снаряжение зеленели в течение двух недель, если ими не пользовались.

Как бы то ни было, мы получили приказ идти в Лорьян, что и выполнили, пересекая Бискайский за- [- 77 -] лив на поверхности днем и спускаясь под воду ночью. Лица прояснились. Каждый в нетерпении ждал почту. Наконец мы сможем написать домой. Там никто не знал, живы мы или нет, потому что военно-морской штаб сообщал только (если лодка опаздывала на шесть месяцев), что мы пропали.

Помимо прочего, мы получили воздушное прикрытие. «Мессершмитты» летали вокруг нас, и мы чувствовали, что теперь с нами уже не может ничего случиться. Прекрасно чувствовать себя хотя бы в относительной безопасности. Мы вошли в док с белыми вымпелами, показывающими количество уничтоженного тоннажа. При потоплении военного корабля мы вывесили бы красные флажки. Наш род войск уже приобретал собственные

традиции и ритуал. Мы надели чистую одежду. Не надо говорить о сером цвете формы: корабль - серый, и мы тоже серые. Несколько офицеров с базы стояли на пирсе. Играл оркестр. И - неужели глаза сыграли с нами злую шутку? Могли ли мы им поверить? На пирсе находились девушки, настоящие живые девушки-шифровальщицы! От такого приема сердца наши запрыгали от радости.

Командир отдал рапорт флагману" и после обмена приветствиями нас отпустили. Девушки преподнесли нам фрукты и пиво. Хорошее пиво. Даже слишком. Если мы и в самом деле не опьянели, то были все-таки слегка под хмельком? так долго не получая старый добрый ячменный напиток. Потом мы просто набросились на почту. Это действительно был чудесный момент, когда мы получали письма из дома. И не только это. Мы нашли всю нашу одежду, присланную из дома и хранящуюся в порядке. Это было очень приятно, потому что едва ли мы могли бы сойти на берег в нашем пропахшем маслом об- [- 78 -] мундировании. Нам ведь хотелось пойти на танцы и вообще насладиться всеми прелестями жизни. Последние недели были слишком мрачными.

На второй день после возвращения на борту была устроена вечеринка, на которую пришли все от командира до самого младшего рядового, нашего Мозеса. Все различия в рангах забылись, мы пели, пили, смеялись, даже некоторое излишество в напитках не было дурно истолковано. Прошел знаменитый «пивной доклад». Мы, гардемарины, получили шутливую встрепку, и получили справедливо. Это был наш первый поход, и мы наделали много ошибок. Один, например, стоя на вахте, принял чайку за самолет, а когда объявили тревогу, другой положил сигарету на палубу, вместо того чтобы сбросить в море. Забавные вирши складывались по каждому случаю. Шутники не щадили и офицеров, включая командира.

Командующий субмаринами адмирал Дениц прибыл на борт. Я в первый раз близко увидел человека, чья воля и мысль сделали наш род войск таким ужасным оружием.

- Подводники! - сказал Дениц. - Вы хорошо провели вашу первую операцию. Хотя у нас еще мало подлодок, но скоро, я уверен, их станет больше, и мы будем преследовать противника по пятам. Мы перережем все пути, от которых зависит жизнь врага. Ход войны во многом зависит от вас. Вы уже потопили больше, чем враги могут построить. Наша цель - сделать так, чтобы ни один вражеский корабль не осмеливался показываться на море.

Перед строем адмирал при крепил Железный крест первого класса командиру и нескольким ветеранам. Другие получили

Железные кресты второго класса. Рядовые, не имевшие еще Знака подводника, получили его теперь, потому что мы провели в море боль- [- 79 -] ше необходимых девяти недель и успешно участвовали в атаках. Адмирал считал, что на первый раз все прошло хорошо, но надеялся, что в следующий раз мы будем действовать лучше.. Он пожал руки всей команде, кроме гардемаринов.

- Вы еще должны стать подводниками. Перед вами высокая цель.

Не могу сказать, что мне это сильно понравилось. Треть команды получила отпуск, другие должны были выполнять обычные обязанности, в которых развлечений было не больше, чем во время похода.

Главным удовольствием для нас стал дом отдыха в Лорьяне. В этом прекрасном здании был бассейн, мы могли играть в теннис и бильярд, при случае смотреть фильмы и танцевать. [- 80 -]

Глава 4. «Иди и топи»

Несколько недель перед следующей операцией мы провели в Лорьяне. Война вошла в новую фазу. Восточная кампания была в полном разгаре и вызывала смутную надежду, что именно восточное направление принесет быструю и решительную победу. Однако Англия, должно быть, чувствовала облегчение. Островное королевство вместе со своими друзьями янки, становившимися все менее нейтральными, могло теперь сконцентрировать все свои силы на войсках Роммеля и на нашем флоте, особенно на подводном.

Мы нарисовали огромное V на боевой рубке. Я не знаю, почему наши военные руководители использовали эту букву для пропаганды, но для нас она была символом успеха. Veni, Vidi, Vici. Мы, гардемарины, тем временем так привыкли к жизни на подлодке, что посещали гораздо меньше лекций, хотя, конечно, нам следовало еще многое узнать. Но вы никогда не сумеете овладеть всем, что можно знать о подлодках.

Теперь местом нашего назначения стала середина Атлантики. Мы уже пересекли долготу 15", за которой радио в основном молчало. Этот меридиан был, так сказать, границей, и мы считали воды западнее его нашей «Западной зоной». Когда мы пересекал и эту границу, нам больше платили. Несколько дней [-81 -] подряд продолжалась все та же монотонная рутина. Ничего не случалось, и мы начали понемногу тосковать о чем-нибудь новом. Наконец пришло срочное сообщение, которое радист передал капитану, - новости о конвое.

Он был еще далеко, но шел нашим маршрутом, и если не изменится его курс, то, идя на половинной скорости, мы как раз подойдем к точке встречи. Два дня мы высматривали его, но не видели ни дымка. Вероятно, это был очень важный конвой, потому что высшее командование послало нам разведывательный самолет, хотя мы были в трех тысячах километров от ближайшего аэродрома. Подлодки - очень маленький объект, и мы сомневались, что самолет найдет нас. Радист старался войти с ним в контакт, чтобы дать ему наши точные координаты и, если возможно, наш пеленг, но это было нелегкой задачей, так как передатчики самолетов не очень мощные.

Мы продолжали посылать сигналы через короткие интервалы, и в конце концов это сработало. Появился самолет БВ-138, созданный фирмой «Блом унд Фосс» для специальных заданий. Мы получили возможные координаты конвоя. БВ улетел. Прошло два часа, мы шли вперед, не имея ничего нового. Наш командир

лично не очень доверял радио, хотя при благоприятных условиях европейские передачи могут приниматься в Америке. Передачи же с кораблей обычно принимаются на расстоянии только до 20 миль.

Через некоторое время наш БВ-138 вернулся и передал: «Конвой. Квадрат 10. Около 50 кораблей в сопровождении 1О эсминцев». Мы пошли вперед на полной скорости. Вся вахта наготове, старшина торпедистов проверил свои торпеды, а самолет все еще летал над нами. В 3 часа мы увидели первый, столб [- 82 -] дыма. Затем другой, третий. Мы поспешили вперед. Показались первые мачты, все больше и больше.

- Ну, это целый лес, - сказал кто-то на мостике. - Будет нам работы.

- Прекратите болтовню и займитесь делом, - рявкнул командир, не опуская бинокля. БВ-138 пожелал нам успеха и скрылся. «Этим летчикам не так плохо живется. Каждую ночь домой к маме. Я бы хотел побывать на их месте».

Мы послали сигнал из 20 слов: координаты конвоя, курс, скорость, численность и сопровождение, чтобы командование получило ясную картину. Каждые два часа мы передавали более подробные сведения. Мы были первой лодкой, вошедшей в контакт с конвоем, и наша работа теперь заключалась в том, чтобы вызвать в этот район 'другие подлодки и действовать по принципу волчьей стаи. Я не имею в виду, что мы действовали под единым руководством. Совместные действия в битве за Атлантику означали, что собираются все доступные силы, но потом каждый корабль действует по-своему. Таким образом можно уничтожить конвой из 50 кораблей и более в течение нескольких суток.

Темная как сажа, безлунная ночь давала нам преимущество. Но некоторые подлодки не смогли подойти. Насколько мы могли судить по полученным сообщениям, к рассвету подлодок собрал ось только шесть. Это был важный конвой - 50 кораблей с военным снаряжением, отправляющихся в Англию.

- Пошлите сообщение, - приказал командир. Достаточно нервное занятие посылать сообщения по радио, находясь среди вражеских кораблей. Если длина нашей волны им известна, нам конец. Но избежать этого мы не могли - нам нужны еще лодки.

Радист командиру: [- 83 -]

- Подлодка 10 в контакте с конвоем.

Затем еще одна тоже вошла в контакт.

Теперь нас было трое, и наш командир решил атаковать. Указания пеленга больше не требовались, поскольку взрыв торпеды вы можете видеть на расстоянии многих миль, и, если

один корабль загорится, он будет освещать путь другим подлодкам. Мы хотели торпедировать четыре корабля, выбрали самые большие и приготовились атаковать сначала самый дальний, а потом остальные. На самый большой корабль мы подготовили две торпеды, а на 'меньшие - по одной. По возможности все четыре торпеды должны взорваться одновременно, чтобы не оставить кораблям времени для изменения курса. Мы были уже совсем близко от корабля, может быть метрах в 650.

- Огонь!

Подлодка вздрогнула пять раз - мы использовали торпеду с кормы вместе с остальными. Через 15 секунд торпеды должны взорваться. Мы ждали с нетерпением. Секунды казались слишком длинными. Возможно, наша рыбка поплыла не туда. Что-нибудь случилось? Вспышка пламени, затем два глухих удара. Звук по воде распространяется быстрее, чем по воздуху. Еще один взрыв на борту того же корабля. Он развалился и пошел вниз. Там мало кто мог выжить. Затем последовало еще два взрыва. Одна торпеда, очевидно, пропала. Через мгновение на конвое, мирно шедшем своим курсом, началась бурная деятельность: замигали вспышки красных и синих огоньков, сигналы изменить курс. Англичане знают свою работу. Управлять затемненными кораблями в конвое ночью - нелегкая задача, но столкновений не произошло. Какая жалость! Это очень помогло бы нам. [- 84 -]

Теперь на добычу налетели эсминцы. Зажглись огни прожекторов, пушки открыли огонь, начали взрываться глубинные бомбы. Но нас не нашли. Мы еще находились среди конвоя, а это, вероятно, последнее место, где нас предполагали искать. Вместо того чтобы уйти или погрузиться, мы продолжали идти внутри конвоя. Наш командир угадал, что здесь нас не заметят, и оказался прав. На небольшом расстоянии нелегко отличить субмарину от торгового судна с высоким мостиком. Трудно разобрать темные полосы на воде, отличить их от теней, отброшенных высокими волнами.

Задние дверцы торпедных аппаратов открыты, в них одна за другой скользят торпеды. Команда обливается потом, все работают как сумасшедшие. Это вопрос жизни и смерти, нет ни времени, ни места для раздумываний. Если нас обнаружат сейчас, мы будем совершенно беззащитны, поскольку без заряженных торпедных аппаратов не сможем погрузиться. Девиз войны «Иди и топи». Это продолжается 35 минут. Мы уже готовы к следующей атаке.

Офицер-торпедист командиру:

- Аппараты 1-4 готовы.

Тяжелые взрывы. Корабли разламываются, некоторые теряют пар и останавливаются, третьи дымят до небес. Свет прожекторов играет на темной воде и пятнах масла. Сигнал SOS не прекращается на волне 600 метров. Подходят еще подлодки. Еще больше взрывов.

- Надеюсь, мы не перехватим одну из своих, - говорит второй вахтенный офицер. - Скверно получится, если наши собственные люди пошлют нас в ад.

Это легко может случиться - мы среди кораблей сопровождения. [- 85 -]

Наконец конвой фактически разрушен, корабли удирают во всех направлениях. Это очень плохо для нас, потому что теперь мы можем поймать только одну цель. Кроме того, получив предупреждение, одни идут зигзагом, другие круговым курсом.

- Право на борт! Наша следующая жертва, 8000-тонный корабль в прицеле. - Огонь! Почти одновременно с последней командой следует вспышка. Но мы насчитали только один удар, хотя корабль тяжело накренился на корму.

- Объект впереди!

Мы пытаемся уйти, но объект двигается гораздо быстрее нас. Постепенно он становится больше.

- Поберегись! Он сзади нас.

Мы бросились вниз. Мы были как роботы. Все происходило спонтанно, события оказались сильнее нас.

Наше высшее командование предупреждало нас о скоростных катерах, находящихся на борту конвоя и вводимых во время ночных атак. Их сила заключается в маленьких размерах, удивительной скорости и скорострельных пушках. Вы можете увидеть эти суденышки (если вообще увидите), только когда они прямо над вами.

Вниз до 50 футов. Мы проваливаемся в глубину. Не имел ли наш инженер родственников среди рыб? Он опустил лодку на указанную глубину, поставил ее на ровный киль, открыл отдушины и в конце доложил:

- Все чисто.

- Хорошо сделано! - поздравил его командир.

Наш друг - враг всегда имеет козырную карту в рукаве. Ну что же. Без этого война была бы скучным занятием. Во всяком случае, к следующему разу мы будем знать больше. По моему мнению, вахтенные [- 86 -] на мостике были очень бдительными. Первые глубинные бомбы взрываются, но далеко. Мы еще слишком близко к конвою, и эсминцы не могут поймать нас из-за постороннего шума. Счастливое положение, но вряд ли оно продлится долго. Командир приказывает идти беззвучно.

Электрические двигатели почти бесшумны, а вспомогательные закрыты. Команды подаются шепотом, рядовые перемещаются в войлочных туфлях. Все, кто не был непосредственно занят, легли, потому что так расходуется меньше кислорода. Никто не знал, как долго будем мы существовать на том, что есть, а вы расходуете меньше, когда лежите, а не когда стоите и болтаете.

Конвой уходил, его винты становились еле слышны. Но три эсминца шли за нами; и вскоре звук их асдика, как царапанье ногтей по расческе, стал слишком знакомым. Некоторые из этих асдиков грохочут, как горох в жестянке, другие визжат, как трамвай на повороте. Похоже, мы нескоро забудем это приключение. Я раздумывал о человеке, отправившемся в путь, чтобы узнать, что такое страх. Он должен бы побывать здесь.

Эсминцы окружили нас. Взрывы звучали все ближе и ближе, обычно три сразу. Мой пост размещался на корме у переговорной трубы. Каждый раз, когда взрывалась бомба, я должен был докладывать о повреждениях. Труба шла между корпусом и торпедным аппаратом, и в этом крошечном пространстве я должен был удержаться, опершись на одну руку и испытывая боль во всем теле. Стоял неимоверный гул, подлодка, как камень, падала до 20 метров. Свет погас, автоматически, включилось аварийное освещение. Это не шутка, когда нас отслеживают по показаниям приборов. Шум двигателей стал громче, глубинные бомбы ближе. Электрики передвигались [- 87 -] по лодке, устраняя повреждения. В это время погас свет во второй из двух электрических цепей, которыми снабжена подлодка. Это продолжалось несколько часов. Радисты, сохранившие контакт с эсминцами, сообщали командиру. Когда эсминцы подошли ближе, командир сам пошел в радиорубку отдавать приказы. Каждый раз, как эсминец оказывался над нами, мы меняли курс. Тут надо реагировать инстинктивно. К счастью, наш командир точно знал, что он делает. Он не проявлял никаких чувств. Внешне казалось, что все вполне владеют собой, но это было нелегко, и мне в неменьшей степени. Никогда еще не было хуже, чем сейчас: мы не могли видеть, не могли стрелять. Мы должны были просто держаться, хотя казалось, что это больше, чем человек может выдержать. Мы насчитали 68 глубинных бомб.

Как долго может продолжаться это нечеловеческое напряжение, эта смесь везения, непонятной тактики и инстинктивного выполнения нужных действий в нужное время в этом нереальном сражении не человека с человеком и даже не оружия против оружия? Мы находились в ловушке. Каждый погружен в свою работу в мертвом автоматическом молчании. Было что-то жуткое во всей атмосфере на борту. Рядовые

выглядели как привидения.

Раздался страшный треск, как если бы по лодке ударили гигантским молотком. Электрические лампочки и стекла разлетелись, разбрасывая везде осколки. Моторы остановились. Слава богу, со всех постов докладывали, что никакой течи нет. Просто вырубились главные предохранители. Повреждение оказалось полезным. Теперь мы использовали специальные дыхательные аппараты, предохраняющие от смертельной окиси углерода, которая могла появить- [- 88 -] ся в подлодке. Резиновый мундштук ужасен на вкус... Это и есть война, настоящая война, а не фильм о войне, где машут флагами и звучит музыка.

Однако инстинкт самосохранения живет в каждом из нас. Если бы нас спросили, были ли мы на самом деле испуганы, сомневаюсь, что кто-нибудь смог бы четко ответить на этот вопрос.

Взрывается сотая глубинная бомба. Лбы у всех покрыты капельками пота. Как последнюю надежду мы выпускаем «Болд» - ловушку для асдика, ей так много подлодок обязаны своим спасением. Ее химические компоненты создают пленку, которая повисает в воде наподобие занавеса и создает для асдика эсминца такое же эхо, как и сама подлодка.

Наша тактика заключалась в том, чтобы намеренно подставить подлодку охотникам, увериться, что они получают эхо, а потом резко повернуть и, показав корму, ускользнуть, оставив ловушку для охотничьей стаи, продолжавшей свое дело. Наш «Болд», по-видимому, помог нам. Бомб взрывалось все меньше. Казалось, враг обманулся. После того как мы насчитали 168 бомб за 8 часов, мы наконец снова начали дышать. Эсминцы уходили. Они должны были собрать свой конвой, поскольку в наступающей ночи он нуждался в сопровождении. Если каждая подлодка удерживала по три эсминца, тогда только один из них мог еще оставаться с конвоем, и для других подлодок все получалось проще.

Наш способ ведения войны совсем не похож на тот, о котором думают юристы: просто подкрасться под водой, выстрелить и скрыться, как вор в ночи. Наоборот. Торпедируют корабли в охраняемом конвое в основном подлодки, идущие на поверхности. И хотя размер эсминца не предполагает неограниченного запаса глубинных бомб - я думаю, их не [- 89 -] больше 80, - но и этого количества хватает, чтобы «поддать нам жару».

Мы ждали час, потом мы всплыли.

- Полный вперед!

Мы перезарядили батареи. Это было главным, потому что без батарей мы не можем погружаться под воду и в результате перестаем быть субмариной. Мы перезарядили наши торпедные аппараты и снова приготовились к бою. Только немного измучены. Я запомнил один совет, полученный еще на Данхольме: «Моряк не может быть измучен. А если ты не можешь открыть глаза, вставь в них спички». Вместо спичек мы приняли таблетки кофеина и первитина. Может быть, они и не идеальны для здоровья, но позволяют обходиться без сна несколько дней и для нас просто необходимы.

В эту ночь нам не удалось догнать конвой, но мы доложили о своем успехе в штаб: потоплено четыре корабля, всего 24 тонны.

Адмирал ответил:

- Не 24, а 36. Корабли... - И он перечислил все суда. - Хорошо сделано. Продолжайте и топите остальных.

Наша разведка работала великолепно. На этот раз они расшифровали радиосигналы противника. Хотя было потоплено 100 тысяч тонн, мы надеялись, что кое-что еще осталось и на следующую ночь. Мы уже забыли контратаку с глубинными бомбами и рассчитывали, что эсминцы израсходовали свой запас бомб. Но на самом деле мы так и не смогли догнать конвой, так как топливо у нас почти закончилось, и нужно было вернуться на базу. Позже мы узнали, что конвой почти полностью разрушен, уничтожен.

Мачта на горизонте - другой корабль. Его курс позволяет нам пытаться атаковать, несмотря на не- [- 90 -] достаток топлива. Мы подошли, когда настала ночь, несмотря на то что эсминец направлялся прямо на нас. Как раз тогда мы увидели красный свет и изменили курс. Невозможно было, чтобы эсминец заметил нас. Да и разве начал бы он стрелять? Аварийное погружение! Никаких бомб. Неужели это совпадение? Мы всплыли. Эсминец все еще направлялся на нас. снова мы увидели этот проклятый красный свет. Аварийное погружение! Это случалось три раза, и к концу нас окончательно вымотало.

Позже, однако, мы снова должны были погружаться, когда нас атаковали два «сандерленда». Мы заметили их слишком поздно - они находились уже совсем близко от нас. Так близко мы еще не сталкивались с самолетами, хотя для такого случая в боевой рубке устанавливалась автоматическая пушка. Один магазин был заряжен, другой под рукой. Командир хотел закрыть люк, но его заело. Очевидно, пружина испортилась, когда нас бомбили. Тем временем «сандерленд» летел на нас. Моментально приняв решение, командир бросился в рубку, встал к пушке и выстрелил. Расстояние больше 1 000 метров. Самолет

отклонился. Однако, сделав это, он совершил большую ошибку. Теперь весь фюзеляж был открыт на небольшом расстоянии, а сам он не мог использовать свое вооружение. После следующей вспышки он внезапно нырнул и упал в воду. Другой самолет тоже пошел в атаку, и командир опять открыл огонь. Один из двигателей загорелся, и самолет улетел. Все это время инженер лихорадочно работал в боевой рубке, и мы наконец смогли погрузиться. Все поздравляли командира с меткой стрельбой. Если бы не его присутствие духа и быстрота реакции, мы все погибли бы. Позже по радио сообщили о подвиге командира и о награждении его Золотым крестом. [- 91 -]

Теперь нас направили в Брест, где база была больше, чем в Лорьяне. Нас разместили в морском училище, внушительном здании на высоком холме, видном на много миль вокруг. Ниже здания, в утесах, были построены первые убежища для подлодок: мощные подземные пристани и доки. Воздушные налеты становились все чаще, и мы хотели сохранить подлодки любой ценой, даже задержав их ремонт. Работа шла с невообразимой скоростью, бесконечные потоки грузовиков с песком и цементом текли по улицам. Рабочих разместили в новых жилищах. Во всем сказывалось умение организовывать.

Никто не знал, что будет с гардемаринами. Отправят ли нас в Германию на курсы для офицеров или пошлют куда-нибудь еще? Мы надеялись, что нет. Мы чувствовали, что для нас сейчас самое подходящее время занять какой-нибудь ответственный пост. Одно было ясно: из всей команды только мы не получили никакого отпуска. Честно говоря, после второй операции это было немного слишком. Вместо отпуска нас послали в дом отдыха для подводников. Там все было прекрасно: и белый песчаный пляж, и все, что угодно, для отдыха на любой вкус. Но мы хотели увидеть свои семьи. Нам так много надо было рассказать им, а что можно сказать в письме? Тем временем наш корабль готовили к следующей операции, и похоже, что мы на него вернемся.

После каждой операции все командиры подлодок должны лично являться к командующему. При такой системе все могли высказать свою точку зрения и предложить возможные улучшения. Это помогало командованию непосредственно связываться с боевыми кораблями. Работая по принципу: опыт приобретается в море, а не за столом, покрытым зеленым [- 92 -] сукном, - мы избежали множества ненужной переписки, которая обычно задерживает дело: слишком много посредников занимается писанием протоколов, а затем комментированием их.

На этот раз командир вернулся от адмирала в плохом настроении. Он доложил о красных огнях и надеялся, ЧТО его

выслушают. Но адмирал Дениц, казалось, не придал им значения, а важность доклада командира преуменьшил, отнеся все к его переутомлению. Почему он так сделал, мы не понимали, могли только предполагать, что на другом уровне все выглядит иначе. Однако, как бы мы ни ворчали, мы должны были подчиняться приказу и надеяться только на то, что высшее командование имеет более широкие взгляды.

Трижды ура! Гардемарины возвращаются в Германию для дальнейшего обучения. И что еще важнее, нам дали восемь дней отпуска перед следующим курсом. Я приехал в Берлин, мама, увидев меня, заплакала от радости. Мысль о моем пребывании на подлодке беспокоила ее, но, думаю, в то же время она мной гордилась.

Война на востоке шла в это время достаточно успешно. За немногим исключением все, с кем я встречался дома, были убеждены, что мы идем к победе. Конечно, они и мели самые странные представления о подводной войне. Но как могло быть иначе?

Мы всегда добивались успеха ночью, всплывая тогда, когда нас почти не видно', гораздо быстрее и маневреннее, чем при погружении. Но если бы противник сумел изобрести устройство, делающее нас видимыми в темноте, наши возможности резко сократились. Красный свет был началом судьбоносного процесса для нас. Возможность с помо- [- 93 -] щью инфракрасных лучей видеть, объект в темноте была реализована. Во всяком случае, наши потери значительно возросли по сравнению с прошлым годом.

Большинство из моих одногодков, кто учился на наших шестимесячных. курсах, успели уже погибнуть. Теперь мы изучали все о последних типах торпед и о том, как их использовать. Все теоретические знания мы должны были показывать на практике в стрельбе по мишеням. В то же время нас готовили к экзамену как радистов, и мы практиковались в применении различных кодов и подаче оперативных сигналов. В школе подводников нас учили подводной навигации, методам атаки и всему, что касалось внутреннего устройства субмарины. Несмотря на кое-какой при обретенный военный опыт, многому надо было еще учиться. Каждого, кто впервые видит рубку управления, ошеломляет множество циферблатов и штурвалов. Они сбивают с толку и заставляют бледнеть даже инженеров других кораблей. Мы закончили и курсы артиллерийской стрельбы, упражняясь с пушками разного калибра, которые стояли на носу нашего маленького учебного судна. От этой наиболее популярной части обучения мы получили большое

удовольствие.

По окончании курсов мы сдали все экзамены. Далее нас произвели в лейтенанты и выдали назначение на море. Моя подлодка принадлежала к уже знакомой мне серии VIIC, и я явился к ее командиру в Данциг. На сей раз, зная, что взять с собой, я оставил свой морской рундук дома.

Только что построенная подлодка начала пробное плавание на Балтике. Через четыре недели командир отозвал меня в сторону, чтобы поздравить: «Мой друг просил меня назначить вас вахтенным офице- [- 94 -] ром. Командование санкционировало это назначение. Завтра мы возвращаемся в Данциг и примем нашу новую крошку».

Наша чудо-конструкция поднимается высоко над ватерлинией. Это означает, что в ее оснащении многое упущено. Команда про изводит отличное впечатление. Половина их уже повидала службу, и теперь они собирались парами или тройками. Весь день мы ползали вокруг нашего «эмбриона». «Вы должны знать свою лодку, чтобы управлять таким чудом техники», - предупредил нас командующий флотилией.

Наконец нам поставили тактическую задачу: атаковать конвой, пересекающий Балтийское море, сопровождаемый авиацией и эсминцами. Для этого единственного учения собралось огромное количество офицеров-подводников. Все-таки лучше потратить время на учебу, чем потерять неподготовленную команду в бою.

Ночь темна как сажа. Мы едва видим линию горизонта. Облака и волны сливаются в единую гнетущую темно-серую массу, сквозь которую движется наша лодка, такая же серая, неразличимая в этой серой массе. Главная сила подлодки заключается в этом качестве хамелеона.

- Огонь!

Наша отличная артиллерийская стрельба была почти слишком хорошей для учебной практики. Затем пришел неожиданный сигнал:

- Всем. Немедленно прекратите учения. Включите радиотелефон высокой частоты. Подлодка X протаранена и тонет. Старайтесь установить контакт. Ищите спасшихся. Спустите все спасательные лодки и вытаскивайте всех, кого найдете. Командующий флотилией. [- 95 -]

Ночь осветили вспышки. Лучи прожекторов с более чем 1О подлодок, эсминцев и кораблей конвоя обшаривали воду. На карту поставлена жизнь 50 человек. Командира, одного офицера и трех рядовых удалось найти довольно быстро. Они сказали, что их, находившихся на поверхности, протаранила лодка, шедшая

под водой. Подлодка утонула сразу. Пять человек смогли спастись только потому, что стояли на мостике и прыгнули в воду.

Наш радист сказал командиру, что связался с утонувшей лодкой при помощи стуков. Мы доложили ее пеленг на флагман, сюда сразу пришли все корабли, участвовавшие в учении, и окружили этот район. Подлодка лежала на глубине 50 футов. По стукам определили, что все нашли убежище в двух водонепроницаемых отсеках на корме и что передний отсек закрыт. 50 футов - дьявольская глубина. Мы знали, что спасти команду можно только с меньшей глубины. Я сам знаю случай, когда только троим из 60 удалось спастись с глубины 30 футов. Человеческое тело просто не приспособлено к такому перепаду давления, которое возникает при подъеме на поверхность с такой большой глубины. По меньшей мере день понадобится, чтобы привести лихтер из Киля и послать вниз водолазов с захватывающим механизмом. А это означает потерю ценного времени. Воздуха в этих отсеках на корме при таком количестве людей хватит только на 14 часов. Двигатели на затонувшем судне не работают, как и воздухоочистительная установка. Принимая все это во внимание, флагман решил приказать людям подниматься на поверхность. у каждого был спасательный костюм, а камера давления на базовом судне давала возможность слишком быстро поднявшимся людям приспособиться К постепенному изменению давления. [- 96 -]

Людям под водой послали сигнал,. неправдоподобно высокий, но все-таки различимый человеческим ухом:

- Понимайтесь. Покиньте корабль. Поверхность освещена осветительными снарядами. Удачи. Командующий флотилией.

- Понимайтесь. Покиньте корабль, - быстро повторяет гидрофонист.

Спасение подводников очень отличается от спасения команды люфтваффе. Конечно, не очень весело прыгать с парашютом, но это нельзя сравнить с тем физическим и психологическим напряжением, которое испытывает команда подлодки даже в относительно мелких местах. «Удачи вам, парни», - думали мы. Это могло случиться с каждым из н.ас. При всей безнадежности их положения нам все-таки хотелось надеяться. Младший вахтенный офицер там, внизу, был моим другом. Он женился шесть недель назад.

В наши гидрофоны мы могли слышать звук наливающейся внутрь воды. Наши товарищи должны уравнять давление - без этого не откроется люк. При глубине 5 футов давление воды равно 1 килограмму на каждый квадратный сантиметр. Значит,

при глубине 50 футов оно составит 10 килограммов. И давление на палубу 38 тонн. Люк в диаметре 70 сантиметров.

Свет горел все время, пока сотни глаз осматривали поверхность. У многих из нас на подлодке были друзья, чья жизнь теперь висела на волоске. Глаза всех не отрывались от поверхности моря. Но ничего не появлялось. Ни пузырьков, ни признаков жизни. Мы ждали напрасно четыре часа. Даже не стучали. Может быть, они не смогли открыть люк или первый не сумел выйти и заблокировал выход остальным... [- 97 -]

Через восемь часов учения возобновили. Вы не можете возвратить мертвого человека к жизни - такова безжалостность войны. «Иди и топи». Иногда это враг, иногда ты сам. Пока мы еще отважны и доверчивы. Мы сохраняем волю к жизни, даже если трагедия касается нас. Осмелится ли кто-нибудь вынести приговор? Смерть наших друзей только заставила нас глубже осознать наше собственное трудное положение. [- 98 -]

Глава 5. Рождественский вечер

В течение четырех недель ветер завывал сразу со всех сторон, налетая со скоростью 55-60 миль в час, при этом с сильным дождем. Термометр показывал только несколько градусов выше нуля. Я находился на мостике. Конечно, никакой защиты, только ледяные стальные переборки. Невозможно хоть немного согреться. Я был привязан к поручням, и кожаный спасательный пояс со стальными пряжками глубоко врезался в ребра. Известно, что в бурном море вахтенного на мостике нередко смывает за борт. На одной подлодке смена поднялась, но никого не нашла. Сила моря, ломающая нас, была ужасной, тем не менее подлодка летела как стрела, с небольшой бортовой качкой, а волны шли через нас, как через волнолом. Вахтенный офицер, стоящий впереди с одним рядовым, предупреждает сигнальщиков на корме о большой волне впереди. Окунувшись, мы хватаемся за что-нибудь, чтобы удержаться, и ждем. Это неописуемо. Все становится зеленым, когда тонны морской воды льются на вас. Уши, ноздри и рот забиты, глаза жжет. Непромокаемая одежда, сапоги и куртка бесполезны, потому что, несмотря на все усилия застегнуться и спрятаться, ледяная вода проникает внутрь. Руки не гнутся от холода, но я должен держать бинокль перед глазами, поскольку это дело че- [- 99 -] сти - не про пустить ничего. Надо полностью сосредоточиться, чтобы не пропустить ни корабль, ни самолет.

Минуты перед сменой ползли так медленно, что трудно поверить. Осталось полчаса, четверть часа. Через пять минут первый сменяющий должен подняться наверх. Но он еще не пришел.

Пока первый сменяющийся не спустится вниз, второй сменяющий не должен подниматься наверх. В исключительных случаях только одному человеку, кроме вахтенных, разрешено быть. на палубе, так как присутствие лишнего человека может задержать спуск, когда надо быстро погрузиться в экстренном случае. Кроме того, он может отвлечь внимание обоих вахтенных во время смены. Конечно, мы всегда получали какой-нибудь сюрприз, стоило только мысленно отвлечься хоть на мгновение. При этом следует отметить, что, если мы были бдительны, ничего не случалось.

Промерзнув до костей, я наконец сменился и спрыгнул вниз, в холодную сырую лодку. Сырость сочилась по переборкам. Если бы мы могли включить отопление! Но это противоречило приказу: мы должны беречь электричество. Запас электричества

так же важен, как и топлива, и масла. Как только вы израсходуете запас электроэнергии, радиус действия подлодки сокращается. Приходится примириться и лязгать зубами. Однако мы знали, что следующая. встреча с врагом согреет нас гораздо лучше любой отопительной системы.

Конечно, неплохая идея - капля шнапса, но это тоже запрещено. Эта капля может замедлить рефлексы в тот самый момент, когда на счету каждая секунда. В одну секунду мы можем пройти 10 ярдов под водой, и будет весьма существенно, попадет ли бом- [- 100 -] ба на корму или упадет в 10 ярдах позади. Машинная команда должна реагировать как молния, так же и вахтенный, особенно вахтенный офицер. Быстрое выполнение приказа создает хорошую команду подлодки. У вас не часто появляется время на раздумья. Вы можете автоматически отдать правильный приказ, если у вас воспитана самодисциплина, но любые колебания, проявление нервозности или потеря самообладания фактически подписывают вам смертный приговор.

Пальцы мои одеревенели от холода, пришлось просить помощи, чтобы снять промокшую одежду и переодеться. Не то чтобы вся наша одежда была на борту, наши шкафчики просто не вместили бы столько. Можно надеть еще влажную форму, которую надевали в предыдущую вахту. За восемь часов в этой влажной атмосфере одежда просто не успевала высохнуть. При этом одежду даже нельзя повесить на веревку для просушки, как это делают на берегу. Второй вариант - оставить одежду на себе, пока она не высохнет. Конечно, сапоги тоже холодные и влажные от соленой воды и внутри и снаружи, а кожаное снаряжение высыхало только тогда, когда светило солнце и оно не было нужно. Соленая корка покрывала нашу одежду, как иней.

Мы привыкли работать механически, в сырой одежде, которую мы не снимали, потому что в любой момент нас снова могли вызвать на пост. Однако после вахты можно было получить глоток горячего чая, сосиску и про горклое масло на толстом ломте хлеба. Надо только не забыть срезать сначала плесень и приберечь, что осталось, для хлебного супа когда-нибудь позже. На самом деле мы не так уж бережливы и не должны особенно экономить. Но могут возникнуть обстоятельства, когда мы должны бу- [- 101 -] дем довольствоваться очень малым в течение неопределенно долгого времени. Я знаю случай, когда из-за глубинных бомб все двигатели подлодки вышли из строя, и она вернулась на базу, опоздав на четыре месяца, под парусами. Команда корабля вынуждена была есть даже кожаную обувь.

Итак, мы улеглись спать, полностью одетые, в кожаных куртках и ботинках, загородив огромным зеленым вонючим

меховым пальто ледяные переборки. Никогда раньше я не сталкивался так близко с проблемой ревматизма, даже не думал о нем, пока не окончились еще три операции. Наш общий опыт кое-что значит. Но есть дела несравненно более важные: десант в Эль-Аламейн и Марокко, в Алжире, изменил наши перспективы; а положение под Сталинградом было просто угрожающим. Если вся страна борется за существование, что значат неприятности одного отдельного человека?

- Следующую вахту стоять в плаще. Шторм еще продолжается, ветер с северо-запада с сильным дождем. Надеть всю самую теплую одежду, что есть. - Предупреждение за 20 минут.

Следующая вахта будет тянуться как знакомое четырехчасовое испытание в бесконечной дикости атлантической зимы. Мы часто несли вахту парами в спасательных костюмах, постаравшись закрыть люк так, чтобы только переговорная труба связывала нас с миром внизу. Но не воображайте, что спасательный костюм в самом деле водонепроницаемый. Он, конечно, может быть таким там, где его шьют. На самом деле вода неизменно просачивается сквозь него, но материал настолько плотный, что она не выливается. Она просто поднимается по ногам все выше и выше, иногда до пупка. Мы делаем небольшие отверстия в подошвах, что немного улучшает положение. Тем не [- 102 -] менее на вахте мы становимся основательно раздраженными, проклинаем. войну, весь мир, человека, который изобрел субмарины, и все остальное, включая себя. И еще шторм, который продолжает свирепствовать.

В конце 1940 года у нас, вероятно, была только одна подлодка во всей Атлантике. К 1941 году их стало 20, теперь, к Рождеству 1942-го, их гораздо больше. Однако какой контраст между огромным успехом тех малочисленных субмарин и тем, которого все субмарины, сложенные вместе, могут достичь сейчас. Почему? Ответ, конечно, один. Это радар. Изменения произошли в подводной войне, когда противник изобрел и ввел в эксплуатацию принцип, уже известный немецкой науке. Он оборудовал свои противолодочные силы чрезвычайно эффективными установками обнаружения. Радар - это сокращение от английского «аппарат радиообнаружения и определения дальности». В нескольких словах: устройство состоит из коротковолнового передатчика, чей луч отражается как в зеркале, когда встречает твердый предмет. Когда отраженный луч попадает в приемник, разница во времени позволяет рассчитать расстояние до предмета. Направление может быть определено из положения передающей антенны в момент отражения.

Британские охотники и самолеты больше не зависели от наблюдателей. Теперь они могли заметить нас, как только мы поднимались на поверхность, при любой погоде, в дождь, в туман, даже в полной темноте. Наши шансы на атаку становились все меньше, а потери значительно возрастали. Возможно, командование сначала недооценивало возможности радара, но, к счастью, после первой серии неудач они стали снабжать нас контрустройствами, которые в какой- [- 103 -] то мере предупреждали нас о присутствии врага и его попытках обнаружить нас. Это была антенна в квадратной рамке, на деревянном столбе, прикрепленная к перилам на боевой рубке и связанная с нашим гидрофоном толстым резиновым кабелем. Мы называли его «Fu.M.B.» - приемник поиска радара.

Но этот еще недоработанный имел недостатки, и главный из них заключался в том, что рамка 40x50 сантиметров должна была переноситься при каждой тревоге, иначе мы могли потерять ее или, что еще хуже, она могла запутаться в кабеле, который проходил в люк боевой рубки.

Был рождественский вечер 1942 года. Мы надеялись, что, возможно, проплывем несколько часов под водой, послушаем пластинки. На ужин тоже предполагалось что-то особенное - клубника со взбитыми сливками. Нам особенно нравилось это блюдо, и мы решили, что будем есть его только по особым случаям. В качестве сюрприза наше машинное отделение нарядило рождественскую елку с ветками и иголками из дерева и цветной бумаги. Вата была снегом, а маленькие лампочки от карманных фонарей в белых обертках успешно заменяли свечи. Я был на вахте с 8 до 12 утром и ночью, иными словами, «до полудня» и «на первой». Пока я стоял «на первой», я думал, как будут гореть огоньки на рождественской елке у нас дома, как моя семья соберется вокруг подарков с Дедом Морозом, об изображениях святых, которые ребенком я любил украшать. Но я должен был выбросить все это из головы - мысли слишком отвлекали от дела. Вокруг меня сплошная темнота и огромные волны, разбивающиеся о рубку. Все мы здесь промокли до костей, а впереди еще два часа до смены. Мы оставили бинокли в рубке, там они будут и сухие, и под рукой, если по- [- 104 -] кажется что-то подозрительное. Внезапно впереди вырисовалось что-то неясное. Но тогда всегда «что-то вырисовывалось». Каждая волна была для нас «объектом впереди». На мой тревожный крик вахтенный вгляделся в том же направлении.

- Мои стекла.

- Объект впереди, - подтвердил стоявший рядом. - Становится больше!

Теперь, с биноклем, и я мог видеть достаточно четко. Американский эсминец. Срочное погружение! Сорвав наши стальные спасательные пояса, мы инстинктивно скатились в люк, вниз. В спешке я ударился об антенну Fu.M.B., не заботясь о ее сохранности.

Эсминец, стоявший почти над нами, должен был нас заметить. Благодарение Богу за тяжелые волны, которые делали невозможным прицельный огонь.

- Погружение!

Приказ был отдан, хотя я еще оставался на палубе. Мы привыкли так делать, несмотря на указание, что приказ нельзя отдавать, пока люк не закрыт. Но сейчас каждая секунда на счету. Вода полилась в баки, а эсминец только в тысяче ярдов от нас. Я повис в люке, но, кажется, ничто не могло заставить его закрыться. Морская волна уже начала заливаться внутрь. Соль щипала глаза, пока я пытался выяснить, что случилось.

- Закрыть клапаны! Продуть баки! Люк заело!

Голова кружилась. Неужели нам всем крышка? Почему не действует эта проклятая штука? В любой момент эсминец, оказавшийся здесь, мог протаранить нас. Очевидно, нашу подлодку засек его радар.

Наконец я высвободился из люка и снова был на мостике. Командир со мной. Никто не говорил ни слова, мы бешено старались найти причину, почему [- 105 -] этот проклятый люк заело. И нашли! Кабель антенны попал в люк, хотя сама антенна была внизу.

Эсминец уже лежал как раз поперек нашего носа. Мы были до смешного близки к нему. Настолько близки, что могли видеть, как кто-то курит на мостике, могли слышать звуки рождественского праздника. Люди на эсминце настолько явно не заботились о своей безопасности, что мы решили не погружаться.. Наша судьба была в их руках, но теперь казалось, что роли поменялись. Мы приготовились к надводной атаке.

- Аппарат номер 1 готов - огонь!

Стрелять подобным образом в разъяренном море было рискованной аферой. Вполне могло случиться, что эсминец будет как раз на вершине волны, и торпеда пройдет ниже его. Мы с нетерпением ждали. Возможно, магнитный взрыватель не сработает или торпеда потеряет свою цель. Время взрыва давно прошло. Да. Мы промахнулись.

- Аппарат номер 2 готов - огонь!

Расстояние 400 метров. Мы не можем подойти ближе: 300 метров - опасный предел. Если мы подойдем ближе, то со всей взрывчаткой, какая есть на борту, мы будем в опасности от

взрывной волны собственной торпеды. Много лодок погибли именно так.

Внезапные вспышки красного, синего, желтого, зеленого... Огромный водяной смерч обрушился на нас. Через минуту или две темная тень впереди исчезла. Более того, не было ни спасательной лодки, ни плота, ни малейшего признака жизни. Корабль утонул бесследно, и было бессмысленно искать живых. Имея с ними равные шансы, мы также могли попасть на дно. В этот раз судьба решила послать их. Вот так мы и провели рождественский вечер. [- 106 -]

Мы крейсировали еще некоторое время, патрулируя заданный район, но запасы топлива подходили к концу. Мы уже мечтали о возвращении в гавань и в воображении рисовали базу. Но надежды наши рухнули. Радист принял зашифрованное, сообщение. Существуют три типа радиосообщений: код, шифр и командирский шифр. Проще говоря, кодированные сообщения расшифровываются специальным аппаратом, их докладывают командиру и вносят в вахтенный журнал обычным языком. Вахтенный журнал должен подписывать командир каждые два часа. Если. в приходящем сообщении первое слово при расшифровке «шифр», остальные не могут быть расшифрованы. Для этого нужна специальная установка на аппарате, которая хранится у командира и офицера-связиста. Если же следующее слово текста «командир», то только сам командир может расшифровать его, используя для этого еще одну установку, которая хранится только у него.

Эта радиограмма пришла от командующего подводным флотом. В ней указывался курс, скорость и прочие важные вещи. В конце добавлено: «Важные танкеры. Атакуйте».

Командир обсудил положение с офицерами. У нас оставалось очень мало топлива. На самом деле его хватило бы только на возвращение в гавань и определенно недостаточно для нападения на танкер. Но когда мы послали сообщение командующему, ответ пришел через 20 минут: «Атакуй и топи. Я никогда не предаю свои лодки. Дениц».

Следовательно, надо. Возможно, к нам вышлют заправочное судно, что означает еще восемь недель в море в эту мерзкую погоду, которая и не собирается улучшаться. Наша резиновая одежда превратилась в лохмотья, износившись при постоянных тревогах. [- 107 -] «Мы умрем от ревматизма, - говорили мы друг другу. - На нас не понадобится даже тратить бомб». Мы и на самом деле работали в этом ужасе до кровавого. пота. Адмирал Дениц знал, что некоторые наши замечания иногда непечатны, но выхода все равно не было.

После получения пеленгов с других подлодок, уже бывших в контакте с конвоем, мы увидели его и атаковали. Я держу на прицеле один из самых больших кораблей. Рука на кнопке пуска. Столб пламени поднимается вслед за ужасным взрывом. Нас на мостике бросило друг на друга. Еще два корабля в фокусе.

- Огонь! Огонь!

Все было делом секунд. Нас обстреляли из пушек.

- Странно! - заметил командир.

Но тут мы поняли причину. Внезапно стало светло как днем, в небе вспыхнула осветительная ракета. Два корабля горели. Там, где другие подлодки поражали свои цели, раздавались еще взрывы. Срочное погружение! Нас видно, и в этом нет ничего удивительного . при таком близком расстоянии и таком фантастически ярком свете. Множество пушек нацеливается на нас. Красные, зеленые, желтые и синие линии трассирующих пуль со свистом летят вокруг рубки. Попали и в саму лодку. Нас распластало по палубе и бросило вниз, в люк. Слава богу, стреляли слишком высоко. Мы пришли в себя только на 125 футах. Корабль с боеприпасами взорвался, когда мы, побитые и обожженные, находились только в 500 ярдах от него. Затем пошли глубинные бомбы, но к ним мы привыкли, да и продолжалось это всего шесть часов. Затем последовал приказ подниматься и установить контакт с конвоем. Но при всем нашем желании этого мы не могли, у нас осталось [- 108 -] только четыре тонны топлива. Если заправочный корабль не подойдет, нам придется поставить паруса.

Мы увидели явно большой корабль, но руки наши были связаны. Несколько часов на полной скорости, и баки опустеют. Мы послали сигнал в надежде, что его найдет другая подлодка. [- 109 -]

Глава 6. Заправка под водой

С самого начала пополнение запасов топлива наших подлодок стало проблемой, и чем дольше продолжался поход, тем острее она становилась. Для объяснения этого положения позвольте привести некоторые данные. Подлодка обычного типа может проходить 7000 миль в каждом боевом походе. От любого немецкого порта в Северном море до середины Атлантики 2000 миль. От выхода до возвращения 4000 миль. Остается только 3000 миль на активное проведение операции. Мы должны считаться и с тем, что из-за мин и других преград мы не можем использовать кратчайшие пути. Нужны обходы. Бесполезно пытаться выполнять операции в водах вокруг Британских островов, потому что они тщательно патрулируются и самолетами и охотниками. Кажется, гораздо лучше отправлять наши подлодки через Северную Атлантику в отдаленные воды вроде Карибского моря и Южной Атлантики и тем заставить противника распылять свои силы. Таким образом, командованию надо было решить сопряженную с большими трудностями задачу преодоления расстояния. От Гамбурга до Нового Орлеана 5000 миль и 5500 - до Рио-де-Жанейро. Это значит, что обычная подлодка не может преодолеть это расстояние и выполнить задачу, несмотря на легкость массового [- 11О -] производства подлодок и лучшие качества вооружения. Соответственно, хотя французские базы, такие как Бордо, Лорьян, Сен-Назер и Брест, не делают расстояния намного короче, их значение нельзя переоценить, принимая во внимание, что все немецкие порты, на самом деле все Северное море, легко могут блокироваться минными полями, сетями и другими устройствами. Это стало очевидно еще в Первую мировую войну, потому что и тогда мы несли серьезные потери, стараясь попасть в Атлантику. Действительно, можно сказать, что война не может вестись успешно без баз на Атлантике.

Как только командование пришло к заключению, что надо вести войну в отдаленных водах, встала проблема пополнения запасов топлива. В начале войны, когда мы решили разместить корабли для дозаправки в определенных точках, мы использовали переоборудованные торговые суда, но к 1940 году наши потери были так велики, что эту идею отбросили в пользу другого решения: создать подводный танкер. Эти подлодки имели водоизмещение 2000 тонн и могли снабдить 1О подлодок припасами и топливом. В холодильниках танкера хранились фрукты, овощи, мясо, на борту была даже своя пекарня.

Спроектировали 1О таких кораблей. Они также несли запасные торпеды и на взгляд неспециалиста выглядели как надводные военные корабли. К 1942 году некоторые из них уже работали. Эти заправочные базы увеличили потенциал подлодок; точнее, того типа подлодок, которые мы использовали. От строительства больших подлодок отказались из-за времени, необходимого для запуска их в массовое производство.

Давайте представим себе, что командование посылает десять подлодок к берегам Центральной Америки. Они могут оставаться в море в общей сложности [- 111 -] три месяца, из которых два месяца. теряется на дорогу туда и обратно. Остается всего один месяц для боевых операций. Поэтому если в районе требуется десять подлодок на три месяца, то нужно иметь 30 лодок. И наоборот. Десять лодок, которые снабжаются одним подводным танкером, могут оставаться в этом районе четыре месяца. Из этих расчетов ясно, что обеспечение десяти подлодок одним подводным танкером может втрое увеличить время проведения операции.

Во избежание непонимания следует подчеркнуть, что, когда несколько подлодок находятся вместе в одном районе, они действуют как единый механизм, но термин «тактика стаи», обычно используемый в этой связи, не совсем правильный. Обязанность помогать друг другу в обнаружении конвоя не означает какого бы то ни было подчинения или лидерства в «стае». Все командиры подлодок без исключения получают приказы непосредственно от высшего командования - адмирала Деница. Он ограничивается указанием позиции и принятием общих решений по проведению кампании. Кроме того, командиры могут сами изменить район действий, если сочтут это желательным из-за сильного сопровождения, изменения курса конвоя и т. д. Командование подлодкой - это, без сомнения, одна из самых независимых работ на войне; может быть, даже более независимых, чем у командующих генералов.

Теперь давайте рассмотрим все это с точки зрения противника. Подлодки внезапно появились в отдаленных водах. Он должен оттянуть эсминцы и охотников за подлодками с жизненно важных путей Северной Атлантики и потом собирать конвой, со всеми задержками, происходящими при этом. Гавани могут принимать ограниченное количество кораблей [- 112 -] одновременно. Остальные должны ждать, пока причал, стоянка и краны будут им предоставлены. Нагруженный корабль должен ждать, пока последний из конвоя не будет готов к выходу в море. В море тоже самый быстрый корабль должен снижать свою скорость, чтобы сравняться с самым медленным, а необходимость

зигзагов значительно удлиняет каждое путешествие. Наконец, когда конвой достигнет цели назначения, весь процесс повторяется сначала теперь уже на другом конце маршрута. Таким образом, мы получаем тройную выгоду: ослабление сил противника в Северной Атлантике, общее замедление в системе поставок и, конечно, сокращение доступного для кораблей пространства из-за наших успешных атак.

У нас было много времени подумать обо всем этом, пока мы старались найти подводный танкер. Когда наконец шторм немного стих, мы смогли связаться с ним по радио, и это было самое время, потому что топлива осталась только одна тонна. Много дней небо затягивали облака, а дождь лил непрестанно. Сигналы ракет мы поэтому принимать не могли. Нашим надеждам обнаружить танкер противоречило ощущение, что Атлантика велика, а мы так малы... Однако если мы не найдем их, то погибнем. В конце концов, так как наше топливо заканчивается, мы решили отключить двигатели и посылать самонаводящиеся сигналы. И каждые два часа они шли в эфир.

Наконец наша проблема разрешилась - мы увидели танкер. Частица нашей собственной страны, партнер в нашей судьбе. Что за момент! Правда, мы еще опасались, что тяжелые морские волны нарушат наши планы. Невозможно стоять на палубе без опасения оказаться за бортом. Мы знали, что, если противник настигнет нас в такой критический момент, мы пропадем. Весь день ждали напрасно. С наступле- [- 113 -] нием темноты мы могли только смутно угадывать положение другого корабля, но не осмеливались подойти ближе из-за боязни тарана. Наш темный объект выглядел так же, как всякий другой на море ночью, а эта ночь была черна, а волны вздымались высотой с гору.

Но вот наступил рассвет, ветер, казалось, стал тише, хотя волны еще захлестывали палубу. В ледяной мороз главный инженер и несколько машинистов в плавках и ремнях, которыми они были привязаны, поднялись на палубу, чтобы открыть топливные баки и пропустить шланг для подачи топлива. Временами то одного, то другого смывало в море, и вытаскивать их стоило больших усилий. Не думаю, что им это казалось веселым развлечением.

Мы шли параллельно с танкером на расстоянии, может быть, 90 ярдов. Сначала из специального пистолета выпустили линь, за ним последовал шланг и буксирный конец. Мы почувствовали облегчение, когда жидкость потекла в баки. Мы приняли 20 тонн топлива, не говоря о хлебе, картошке, овощах и других продуктах, переданных нам в водонепроницаемых мешках. Вся процедура

прошла успешно, хотя для нас это был первый опыт.

Подошла другая подлодка, тоже желавшая заправиться. Ограниченные определенным количеством масла, хотя и взяли все, что нужно, мы решили погрузиться вместе как по соображениям безопасности, так и для проверки маневренности под водой. Сначала погружался подводный танкер, за ним мы, за нами лодка, подошедшая позже. Все по-прежнему соединенные и линем, и шлангом, и канатом, оставленными на месте. Так мы шли три часа подряд на глубине 25 футов. Это было фантастическое представление: мы загружались дизельным маслом под водой впер- [- 114 -] вые в истории. Держась в контакте через гидрофоны, мы сохраняли общий курс и скорость, пока наши баки не наполнились и мы не смогли всплыть. Поднявшись, мы приняли на борт лобстеры и другие деликатесы, так как уже по горло были сыты консервами. Теперь наша задача - уйти как можно дальше и как можно быстрее. Ни при каких обстоятельствах нельзя допустить, чтобы наш подводный танкер обнаружили. Его потеря стала бы серьезной неудачей в нашей подводной войне. Конечно, возможность продолжать поход совсем не обрадовала людей, мечтавших о доме после трехмесячного пребывания в море. Трудно примирить эффективную тактику с человеческими чувствами. [- 115 -]

Глава 7. Гибралтар был адом

Впереди появилось облако дыма, и мы на полной скорости пошли к нему. Внезапно оно исчезло, хотя звук винтов еще слышался в том же направлении. В течение по меньшей мере часа мы сохраняли курс, пока был слышен этот звук. Потом мы услышали его прямо с противоположного направления. Это было очень странно, потому что при хорошей видимости ни один корабль не мог бы пройти мимо нас так быстро. Наконец мы снова увидали «облако дыма» - кит выпускает струю. Забыть этот случай мы не позволяли вахтенным долгое время.

Спустился туман, и вместе с ним стал слышен шум винтов. Мы повернули на шум, но ничего не увидели. Поскольку слышимость под водой лучше, мы погрузились до 25 футов. Гидрофонист доложил:

- 80 оборотов. Что-то приближается. Теперь что-то еще. Думаю, дизельные двигатели. - Внезапно. он закричал, сорвав наушники и закрыв руками уши. Мы все услышали взрыв, хотя и не так громко, как несчастный парень у гидрофона. Слушаем снова. - Слышен только дизель, становится тише, - говорит он. Это было неудачей, но так нас уже обманывали. Первым звуком был пароход, вторым - подлодка, третьим - взрыв торпеды. Нам такое уже попадал ось во время похода, но мы не возражали. Все это ничего [- 116 -] не значило по сравнению с приятной перспективой вернуться и снова вытянуть ноги на берегу.

Сен-Назер. В первый раз мы бросаем якорь в убежище для подлодок. Это был триумф техники: 1 2 бункеров, каждый достаточно широк, чтобы принять три подлодки. Они разделены переборками из железобетона в 3 фута толщиной и могут закрываться огромными стальными щитами. Доки и стоянки для ремонта замечательно защищены, крыша более 20 футов толщиной, так что ее не могла пробить не только ни одна бомба, но даже серия бомб. Поэтому работы здесь продолжались без перерыва при самом страшном воздушном налете. Задержек в размещении подлодок больше не было. Цифры впечатляли. Для работ потребовал ось около полумиллиона тонн железобетона на сумму свыше 1 25 миллионов марок. Убежища строились по всему французскому побережью, особенно в Лорьяне.

Когда мы ехали в отпуск, командующий флотилией сел в поезде рядом со мной и рассказывал, как развивался подводный флот.

- В убежищах больше нет места, - сказал он; - Мы просто не знаем, где размещать лодки, когда они приходят. Их количество

уже превысило возможности целой системы бункеров. Понимаете ли вы, что сейчас через день в море выходит новая подлодка, а недавно у нас было всего три сотни во всей Северной Атлантике. Только подумать!

Действительно, я знал, что в последние несколько месяцев выпуск подлодок увеличился намного более, чем за все время войны.

В Берлине я встретился с семьей и застал дома брата. Он служил в Норвегии, и ему всегда удавалось получить отпуск так, чтобы он совпадал с моим. Он был старше меня на шесть лет, родившись в Первую [- 117 -] мировую войну. В те дни отец служил в армии, и мама ждала его. Теперь она выносила еще больше страданий из-за мучительно долгого ожидания новостей от сына, находившегося в море. Больше того, война, кажется , идет не слишком успешно, начались воздушные налеты. Хотя наша пропаганда была искусна в выборе выразительных аргументов, а общественный настрой удивительно высок, в определенных кругах появились попытки заглянуть себе в душу. Лично я не мог не размышлять с беспокойством об американском производстве, так как в 1 938 году я видел заводы Форда, выпускавшие 5000 машин в день. Ключ к победе лежал в нашей способности прекратить поставки США другим странам. Но были ли мы готовы к этому? Мы, те, кто служил на флоте, не знали ответа. Да и откуда? Мы не имели представления ни о промышленном потенциале Германии, ни о том, насколько быстро можно выпустить подлодку. Но одну вещь мы действительно знали, сталкиваясь с ней постоянно. Мы не могли вести подводную войну так, как вели. Последние рапорты о потопленных грузах не позволяли нам закрывать глаза на тот факт, что наша работа с каждым днем становится все труднее, как и на правду о том, что наши потери ужасающе возрастают. Радар, особенно воздушный, стал козырной картой противника. Последний приказ адмирала Деница гласил: «Не позволяйте самолетам беспокоить вас. Просто сбивайте их». На самом деле люфтваффе оказалось так прижато в связи с боями на всех фронтах, что потеряло господство в Бискайском заливе, который мы пересекали каждый раз, ВЫХОДSJ в море или возвращаясь домой. Районы, где еще два года назад мы едва ли видели вражеский самолет, теперь контролировались ими, а мы, боясь их, должны были погружаться каждые два часа. [- 118 -]

Между тем нас снабдили четырехствольной зенитной установкой, которая располагалась на платформе позади боевой рубки. Четыре пулемета последней конструкции завершали наше вооружение. Чтобы проверить, насколько оно действенно против

воздушных атак, специально оборудовались два корабля. На их покрытых броней рубках стояли зенитные пушки и тяжелые пулеметы. Идея состояла в том, чтобы приманить самолеты видом обычной подлодки, а затем поразить их пушечным залпом. Казалось, все были уверены в успехе, и наше командование надеялось, что такая демонстрация в дальнейшем будет удерживать вражеских летчиков от нападения на нас. Но на деле все оказалось совсем иначе. Однажды один из этих кораблей, снабженных зенитками, шел по поверхности в Бискайском заливе. Вскоре появились два самолета, снабженные четырехсантиметровыми пушками, в то время как наши корабли имели только двухсантиметровые пушки. Самолеты держались вне зоны досягаемости выстрелов и с безопасной для себя дистанции уничтожили на палубе всех раньше, чем подлодка успела погрузиться. С самого начала это было безнадежно. В результате 1 4 человек погибли, из них два офицера, а командир тяжело ранен. Выбрав единственно верный способ, они сумели погрузиться, и кораблю, к общему удивлению, посчастливилось вернуться на базу. Для всех нас это был весьма обескураживающий эпизод. Но Дениц не изменил своего решения. Планировались новые типы подлодок, и продолжались неослабные поиски защитных устройств. Я полагаю, он просто не мог изменить свои взгляды так быстро. Единственное, что можно сказать, он никогда не щадил ни себя, ни тех, кто служил под его командованием. Оба его сына, офицеры-подводники, погибли. [-119 -]

Мы снова вышли в Атлантику. Дважды мы погружались для атаки, но оба раза отказывались от нее, так как пароходы были нейтралами. Абсурдно! Долгое время после этого мы ничего не видели, но все время постепенно приближались к Гибралтарскому проливу, через который неизбежно проходило много судов.

Стоял чудный весенний день, на небе ни облачка, и мы ясно могли видеть Рок, британскую крепость, господствующую над Средиземным морем. Именно здесь находились столбы Геракла и Джебел-Тарик, сыгравший такую важную роль в истории. Под его защитой собрали флот вторжения как раз тогда; когда африканская кампания шла к концу и они готовились захватить Италию.

Наконец в завершение нашего монотонного ожидания мы увидели клубы дыма и бесчисленные мачты. Но почти сразу появились самолеты, и нам пришлось погружаться. Как они нас заметили? Если заметили, военные корабли пойдут по нашему следу уже -в течение ближайшего часа. День был прекрасный, даже слишком хороший для нас: море гладкое как стекло, что

очень удобно для асдиков. Акустик доложил:

- Винты не большой скорости. Возможно, эсминцы. Пытаются поймать нас на асдик.

- Погружение до 75 футов. Бесшумная скорость.

Мы приготовились, надев свои войлочные туфли. Но самое важное - выключили свет, чтобы экономить электричество, поскольку никто не знал, как долго будет продолжаться охота. Эсминцы образовали треугольник - мы в его середине. Надо сказать, работали они великолепно. Уже первые бомбы падали с такой неприятной точностью, да еще по шесть сразу. Все стеклянные панели на наших приборах [- 120 -] разбились, и палуба была усеяна осколками. Один за другим слабели клапаны, сквозь них начала сочиться вода. Атака непрерывно продолжалась в течение трех часов, бомбы падали все плотнее и плотнее, плавая, как и мы теперь, на глубине 1 00 футов. Из-за необходимости экономить энергию мы вынуждены работать горизонтальными рулями и рулевым устройством вручную, а тем временем акустик уловил, что подходят еще эсминцы. Правда, об этом знали те, кто занимался прослушиванием. Зачем расстраивать остальных?

Лица у всех бледные, на лбу пот. Каждый знает, о чем думает сосед. Сейчас здесь шесть эсминцев, три из них идут в Гибралтар, но на смену им подходят свежие. Похоже, они никогда не выходят без бомб. Наше положение отчаянное, прекрасная погода решительно против нас. Почему бы не начаться шторму, как это бывало всегда, пока мы шли сюда?

Таким образом мы провели уже 16 часов, перестав считать бомбы. Все это время никто не спал, у всех черные круги под глазами. Большинство лампочек разбилось, но мы не заменяем их. С аварийным освещением мы можем только догадываться о положении различных установок. Темнота все делает еще более пугающим. Мы и раньше попадали в серьезные передряги, но в этот раз был настоящий ад. Временами мы вынуждены снижаться до 125 футов. Стальные переборки покоробились и могут сдать в любой момент. Но мы были относительно спокойны.

- Не каждый сможет достать такой дорогой гроб, - произнес чей-то скрипучий голос. - Он стоит четыре миллиона марок.

Да, когда это случится, все произойдет достаточно быстро. [- 121 -]

Если бы мы могли защищаться, видеть что-то, во что стрелять! Чувство, что ты в ловушке, в бездействии, невыносимо. Напряжение упало до опасного уровня, цилиндры сжатого воздуха почти пусты, сам воздух имеет свинцовый привкус. Кислорода не хватает, содержание окиси углерода постоянно

растет, мы дышим с трудом, как марафонцы на последней миле. При этой норме мы можем продержаться еще 20 часов, а потом все равно придется всплывать. Мы знаем, что случится тогда, мы читали донесения. Как только подлодка всплывает, все корабли открывают огонь, и бомбардировка продолжается, даже если команда начинает прыгать с борта. Надо, чтобы подводники растерялись и забыли затопить подлодку. Одно из самых горячих желаний нашего противника - захватить подлодку, так как это значительно облегчит разработку средств противодействия подводной угрозе.

- Приготовиться к атаке.

Теперь бомбы падают совсем рядом. Грохот и треск в боевой рубке такой, что лопаются, кажется, барабанные перепонки. Вокруг летают куски железа. Клапаны разбиваются на части. Непроизвольно каждый тянет руку к спасательному устройству. Рука старшины на центральном посту на клапане, чтобы пустить сжатый воздух для всплытия, но он еще Ждет приказа комаНДl1ра. И все это время грохот продолжается. Рулевой кричит, что компас вылетел из рамы. Со скоростью 10 тысяч оборотов в минуту колесо крутится по лодке. К счастью, никого из нас не задело.

На военном совете с офицерами командир признал ситуацию безнадежной. Могло даже случиться, что мы всплывем и затопим лодку. Но с другой стороны, луна не поднимется ДО двух часов утра, а до [- 122 -] тех пор будет темно. Если мы всплывем в темноте, появится один шанс из ста, что мы выберемся из этой ловушки. Тем временем все готово, чтобы продуть цистерны для всплытия. Взрыватели уложены против торпедных боеголовок и в других уязвимых местах по всему кораблю так, ЧТQ, если не взорвется один, есть все-таки шанс, что взорвутся другие. Ни при каких обстоятельствах мы не должны отдать подлодку в руки врагу и в результате отвечать за гибель многих других подводников. Потом мы распределили спасательные устройства и лодки - одноместные разборные резиновые шлюпки для каждого. Командир и вахтенный на мостике надели специальные инфракрасные очки, чтобы приучить глаза к темноте и иметь возможность что-то разглядеть в момент, когда мы всплывем. Я не могу не думать, что это совершенно лишнее, потому что внутри лодки так же темно, как в бочке смолы. Потом мы выбросили приманки для асдика. Мы начали заполнять баллоны, скрепленные металлическими полосами. Мы выпустим их, когда поднимемся на поверхность. Они будут плавать внизу под водой и обманут радар.

Поскольку мы приготовились всплывать с глубины 50 футов,

мы услышали звук асдика более отчетливо. Проклятие, если они все еще ловят нас. Когда мы поднялись до 25 футов, мы услышали громкие взрывы. Акустик объявил:

- Эсминцы в близком квадрате. Вращаются шесть разных винтов.

Ругнувшись,. командир приказал всплывать. В этот момент мы не могли идти на полной скорости, так как батареи сели. Мы принесли боеприпасы для зенитки, большие магазины с 50 патронами в каждом. Мы еще могли выпустить одновременно пять торпед, [- 123 -] а еще у нас имелись четыре пулемета. От пулеметных лент мы отказались, они годятся для пулеметов на берегу. Здесь же, протянув их из боевой рубки на центральный пост, мы могли непрерывно пополнять боезапас, используя их как шланги. До 2200 метров мы могли угрожать эсминцу, а уже далее он не мог нас заметить. Однако мы понимали, что, если столкнемся с ним, для нас это будет самое плохое. Мы просто надеялись, что нам не придется открывать огонь и мы сумеем ускользнуть незаметно.

Мы поднимались на поверхность, а глубинные бомбы все еще продолжали рваться вокруг. Очевидно, ловушка для асдика выполнила свою работу. Внезапно люк боевой рубки распахнулся, и мы почти вылетели из него. Давление было огромным. Командир смотрел по левому, а я по правому борту. Спасибо небесам, ночь была темной, облачной: Мы различили три эсминца, один самое большее в 500 метрах от нас. Они продолжали бросать бомбы. Включив оба дизеля, мы сразу дали полную скорость. Не было времени на прогрев дизелей. Генераторы тоже работали, поскольку нам надо было зарядить батареи, кроме того, два компрессора заряжали цилиндры со сжатым воздухом. Вентиляторы начали . подавать свежий воздух по всей лодке. Свежий воздух ворвался в наши легкие. Мы так ослабели, что едва могли стоять. Пушки и пулеметы заряжены и направлены на ближайший эсминец, но мы все-таки надеялись, что он не заметит нас. Наши торпеды нового типа могли идти зигзагом или кругами, но мы не хотели стрелять. Запусти мы торпеды, мы не могли бы уйти без их преследования, а у нас не было двух существенных вещей: тока и сжатого воздуха. Расстояние между нами стало увеличиваться, а 10 баллонов, выпущенных нами, поднялись и дрей- [- 124 -] фовали под ветром. Вот удивился бы вражеский радар, поймав столько подлодок сразу! Он, вероятно, подозревал, что их еще больше там, где работали ловушки асдика. Мы могли хорошо представить себе бурную деятельность на мостике одного из этих эсминцев.

Радист:

- Пеленг корабля 040 градусов, расстояние 6000 метров.

_ Капитан эсминца:

- Обозначить позиции группы охотников и нанести на карту.

Штурман:

- Инструкции выполнены.

Капитан:

- Курс такой-то и такой-то. Постоянно докладывайте пеленги.

Эсминец приближается к своей цели (баллону). Прожектора освещают всю площадь. Эхо радара исчезает, расстояние теперь до тысячи метров, минимальное расстояние для радара этого периода. Пушки поворачиваются в разные стороны. Ничего не видно, потому что проводки С баллонов очень тоненькие.

Оператор радара:

- Эхо прямо позади. Возможно, тот же объект.

Капитан:

- Мы промахнулись. Смотрите лучше! Эти проклятые подлодки слишком маленькие. А может, это просто рыба проскользнула. Право на борт.

Наконец мы потеряли эсминцы из вида. Вражеский радар обманулся нашими эхо, и, даже если эсминец и заметит нас в темноте, они не смогут гнаться за нами, чтобы не протаранить другие вражеские корабли. [- 125 -]

Через час мы набрали достаточно свежего воздуха, чтобы идти под водой 1 6 часов, и через два часа мы, ужасно усталые, снова приготовились к исполнению своих обязанностей. Погрузившись на 50 футов, мы покинули Гибралтар как можно скорее. Я вспомнил пословицу: «Когда осел наступает на тонкий лед, он обычно проваливается». Наш лед определенно был тонким. [- 126 -]

Глава 8. Худший враг

Невозможно рассказать историю подлодок, не касаясь радара, ибо именно он повернул ход битвы на Атлантике против нас в самый критический момент войны. Мощь подводного флота, несмотря на героизм и мужество его команд, сразу оказалась разрушенной. Давайте проясним этот вопрос. Слово «подлодка» дает ложное представление. По-настоящему она должна называться «способная к погружению», потому что до начала 1943 года мы почти всегда плавали на поверхности. По форме судна видно, что оно предназначено для надводного плавания. Вы едва ли сможете различить его невооруженным глазом до тех пор, пока команда сама не сделает его заметным по своей беззаботности. Ночью подлодка невидима, днем с нее всегда можно увидеть корабль или самолет раньше, чем они заметят подлодку, так она мала. Этот фактор позволяет подлодке разрушать более мощные военные корабли. Подлодка всегда может погрузиться раньше, чем ее увидят, больше того, она атакует под водой или, через определенное время снова появившись на поверхности, продолжает свою операцию. Поскольку подлодка может находиться под водой два дня подряд, она пересекает усиленно патрулируемые районы, не поднимаясь на поверхность, или остается в них, поднимаясь толь- [- 127 -] ко ночью, чтобы зарядить батареи и сменить воздух. Обычно эта работа занимает от двух до четырех часов.

Ценность подлодки в сражении на поверхности уменьшается из-за ее чрезвычайной уязвимости. Более быстрые надводные корабли, снабженные пушками и торпедными аппаратами, гораздо сильнее ее. Кроме того, будучи предназначена для погружения под воду, лодка на поверхности имеет очень малый запас плавучести. Например, надводный корабль водоизмещением 500 тонн может принять до 500 тонн воды, чтобы затонуть. Субмарине того же водоизмещения достаточно 1/5 этого количества. Надводный корабль опять-таки может обнаружить и ликвидировать течь, но для подлодки это невозможно. Весь комплекс ее двигателей, батарей, различных устройств должен работать непрерывно.

Когда началась война, противник понял, что ахиллесовой пятой подлодок являются их базы. Подлодка должна войти и покинуть базу дважды за каждую операцию. Наши враги, зная, где находятся эти базы, ставили свои корабли вокруг них. Однако в первые годы войны наше вооружение было сильнее, и попытки блокировать подлодки провалились. Впоследствии провалился и

план разрушения баз и ремонтных мастерских во время воздушных налетов, благодаря своевременно построенным бункерам.

Но радар все изменил. Британские ученые, создавшие и усовершенствовавшие его, конечно, заслужили те высокие почести, которыми их наградили. Немцы тоже знали этот принцип. Наши крупные корабли имели подобные устройства, хотя очень тяжелые и неудобные, весившие около 20 тонн, в то время как прибор Вюрзбурга постоянно использовался зенитчиками. Но где нас действительно опередили, так это [- 128 -] в создании маленьких практичных приборов, особенно того типа, который можно установить на самолете. Это был действительно шаг вперед. Правда, прибор не мог улавливать нас под водой, но на поверхности его успехи были поразительны: он лишил нас главного преимущества - невидимости в ночной атаке.

Теперь я попытаюсь приблизительно описать условия применения радара в конце войны.

Установки, применяемые в условиях войны, размером напоминали обычное радио с передатчиком, приемником и антенной, используемой как для передач, так и для приема. Антенна устанавливалась на самом высоком месте корабля и работала постоянно. На экране, похожем на экран телевизора, объект изображался маленькими световыми точками, направление движения указывалось изменением пеленга, а расстояние определялось по специальной шкале. Таким образом, оператор знал не только о наличии всех кораблей на его территории, но их размер, пеленг и примерный курс. Погодные условия не мешали работе радара, и военные корабли, им оборудованные, и мели возможность открывать огонь по цели на значительном расстоянии, даже в туман и ночью. Нельзя не отметить еще одну важную деталь. Короткие волны перемешаются прямо, как луч света, а не по кривизне земной поверхности. Каждый знает, что обзор гораздо лучше с высокого холма, а не с равнины. Тот же принцип справедлив и для радара: чем выше он расположен, тем эффективнее он работает. Таким образом, самолеты используют его гораздо лучше, чем корабли или береговые установки. С другой стороны, радар не может улавливать объект под водой, что, естественно, крайне важно для нас. Но его действия, когда мы были на поверхности (а мы [- 129 -] вынуждены бывать на поверхности довольно часто), приносили достаточно вреда.

Давайте теперь рассмотрим это общее положение, насколько оно касается нас. Заново построенные лодки из Германии, а также те, которые базировались в Норвегии, должны проходить между

Британией и Исландией, в то время как подлодки, базировавшиеся во Франции, пересекали Бискайский залив. Оба эти пути усиленно патрулировались самолетами и охотниками за подлодками, а наша единственная альтернатива Английский канал был для нас слишком узким и мелким. Радар мог уловить подлодку, когда бы она ни появилась на поверхности, а мы должны были всплывать каждый день минимум на три часа, чтобы зарядить батареи. Вы можете подсчитать, что самолет, оборудованный радаром, может за это время обнаружить подлодку на расстоянии 95 миль. Другими словами, он эффективен в круге диаметром 190 миль, в то время как радар корабля может обнаружить цель на расстоянии до 20 миль. При таких условиях подлодка лишена возможности пройти в Атлантику незамеченной.

Предположим затем, что мы зарядили батареи ночью. Самолет, обнаружив нас, установит свои приборы и последует нашим курсом без всяких затруднений, летая то впереди, то сзади подлодки, улучая момент прямой атаки. С другой стороны, мы никогда не знаем, есть ли самолет. Мы не можем заметить его в темноте, а шум его двигателей заглушается шумом наших собственных. На расстоянии около тысячи ярдов он может включить мощный прожектор, обнаружить корму и сбросить бомбы, четыре или шесть сразу. Поскольку самолеты всегда пикируют до 150 футов, сбрасывая бомбы, они попадают с неумолимой точностью. У подлодки нет времени под- [- 130 -] готовить зенитное орудие, а если даже и есть, орудийная команда будет ослеплена внезапной вспышкой света и захвачена врасплох. В таких случаях редко кому удается спастись.

Самая умная вещь - подниматься на поверхность днем. Когда небо ясное, а наши наблюдатели бдительны, появление самолета не будет для нас сюрпризом. Если же день облачный, условия более или менее те же, что и ночью, но с небольшой разницей. Самолет должен соразмерять свою высоту с высотой облаков и опасаться, что его подстрелят, когда он из-за них появится. Но как бы то ни было, самолеты всегда находят нас. Даже если у нас есть возможность погрузиться, они посылают сведения о нашем месте и пеленге на все корабли, самолеты и береговые установки, и через несколько часов район блокируют. Возможно, подлодка погрузится и, имея достаточно электроэнергии, поплывет под водой. Но сколько времени? Приняв крейсерскую скорость за три узла, получим 3 мили в час самое большее в течение суток. За это время подлодка может пройти расстояние 72 морские мили, другими словами, около 91 обычной мили. После этого подлодка вынуждена всплывать для перезарядки батарей. Круг радиусом 91

миля легко может патрулироваться. В результате в момент всплытия радар уловит подлодку даже быстрее, чем прежде, заставляя ее снова погрузиться. Обычно в этой точке летчики бросают буй, снабженный приводной радиостанцией, которая регулярно посылает сигналы и служит указателем для кораблей и самолетов подкрепления.

Сокращение времени для заправки батарей означает сокращение времени, которое подлодка проводит под водой, двигаясь при помощи электромоторов. Таким образом, она должна подниматься все [- 131 -] чаще и чаще, пока не высохнут батареи, после чего она становилась легкой добычей. В результате мы теряли все больше и больше подлодок, все меньше и меньше возвращал ось на базу, а те, кто выходил в море, редко достигали Атлантики.

На этом этапе Германия противопоставляла радару устройство Fu.M.B., некоторые его неточно называют антирадаром. На самом деле этот прибор не противостоял радару полностью, он только предупреждал, что нас заметили, и давал время уйти под воду раньше, чем за нами смогут проследить. Радар, как мы видели, и передает и получает очень короткие волны. Приемник предназначен, чтобы делать отраженные волны видимыми глазу, пеленг указывает направление антенны, а расстояние определяется временем между передачей и приемом. Волны проходят вокруг земли трижды каждую секунду, поэтому вы можете понять, какими сложными должны быть приборы, чтобы обеспечить нужную точность. Fu.M.B. - это просто приемник радара с той разницей, что он может быть настроен на несколько волн разной длины. Представьте себе человека, кричащего у стены: он одновременно и передатчик, поскольку использует рот, и приемник, так как использует уши. Это точная параллель тому, что мы описываем. Он улавливает отраженные звуковые волны в форме эха. Назовем этого человека А, и пусть он обозначает радар. Теперь поставим другого человека, назовем его В, у стены. В должен быть немым. В услышит крик А более четко, чем А услышит эхо своего собственного голоса. В, конечно, и есть Fu.M.B. Предположим теперь, что стена непрерывно движется от А, который продолжает кричать. Точка будет достигнута, когда А перестанет слышать эхо своего голоса. В этой точке, однако, его крик будет все еще слышен В. [- 132 -]

Таким образом, снабженные Fu.M.B. подлодки всегда могли погружаться раньше, чем их атаковали. Можно подумать, что лодки снова оказались в выгодном положении для выполнения своих задач. Но это не так. То, что мы делали под водой, составляло только небольшую часть наших возможностей.

Основная наша работа всегда выполнялась на поверхности.

Fu.M.B. были дешевле и проще в работе, чем радар, но они допускали только пассивную защиту, что не являлось решением наших проблем. Главная трудность, с которой мы столкнулись, заключалась в невозможности преодолеть радар.

Тем временем борьба между радаром и антирадаром развивалась. Союзники изобрели приемник, который мог улавливать слабые колебания, излучаемые Fu.M.B. Выключив нормальную установку радара, они их прослушивали. Следовательно, чувствуя себя спокойно, мы фактически передавали противнику наши пеленги, используя нашу антирадарную защиту. За один только месяц 1943 года мы потеряли 35 подлодок.

Верховное командование находилось в затруднении. Гросс-адмирал Дениц запретил всем подлодкам выходить из гавани, а тем, кто был в море, использовать этот прибор. Это, естественно, позволяло противнику снова использовать радар. Теперь переход через Бискайский залив граничил с самоубийством. К счастью, моя собственная подлодка прошла. Нас поймали однажды ночью, но наши наблюдатели знали свою работу. Они быстро, хотя и было темно, заметили приближающиеся самолеты и дали нам время или использовать зенитки, или, наоборот, уйти под воду. Мы вернулись на базу. [- 133 -]

Глава 9. Воздушная атака.

После своего гибралтарского приключения я поехал в Берлин в восьмидневный отпуск. В ночь моего приезда завыли сирены. В первый раз я действительно смог использовать свой противогаз, но не от газа, а от удушливого дыма. Зажигательная бомба упала на наш дом, но мы быстро выбросили ее. Все окна и двери были выбиты, и, поскольку не нашлось подходящего мастера, мы делали ремонт сами. Вот так я отдохнул в отпуске!

Я вернулся на базу и узнал, что нам запрещено выходить из гавани. Адмирал Дениц инспектировал флотилию и обратился к нам с речью о функциях нашего оружия в свете последних неудач. «Если мы перестанем посылать наши подлодки, - сказал он, - противник перестанет сопровождать конвой. Сейчас, как мы знаем, наши лодки удерживают около 2 миллионов человек личного состава на военных кораблях и в ремонтных мастерских. Это помимо времени, которое они теряют, организуя систему конвоев. Поэтому мы должны держать наши лодки в море, даже если они никогда не потопят ни один корабль. Только их простое присутствие - уже успех для нас».

Через три дня после выхода из гавани у нас на борту началась дифтерия. Несколько человек заболели, и появилось веское основание вернуться на базу и вре- [- 134 -] менно вздохнуть свободно. Недавно нас заставили написать завещание перед выходом в море. Это так укрепляет боевой дух! Убежища подлодок были пусты, однако три месяца назад планировалось построить новые. Картина определенно изменилась. Как бы то ни было, мы прекрасно провели время на морском курорте в Л а-Боль, недалеко от нашей базы. Находясь на карантине, мы жили в домике у моря, где могли загорать и заниматься спортом. Никто не спешил вернуться в море и даже думать не хотел о возвращении к своим обязанностям. Мы целиком полагались на медицинские отчеты. Нам рекомендовали оставаться в изоляции, пока не пройдет болезнь, удерживавшая нас на берегу. Вместо нас в море ушла другая подлодка, но она не возвращалась. Едва ли вернется. Мы все это знали и с этим примирились. Мы всегда провожали уходившие в море лодки и смотрели им вслед, пока они не скрывались из виду. Больше не устраивалось вечеринок, чтобы отпраздновать начало новой операции. Мы просто в молчании пили шампанское и пожимали друг другу руки, стараясь не смотреть в глаза. Мы были довольно жестоки, но все равно это нас потрясало. Операция самоубийства! Многие мои друзья не вернулись. Имея одинаковое воспитание и одинаковые

вкусы, мы несли одинаковую службу. Каждый из нас внес свою лепту в борьбу за все эти долгие годы, хотя никто не придавал этому большого значения. Героизм - это для тех людей, которые никогда не сталкиваются с реальностью.

Наконец нас признали здоровыми, и наше спокойное время закончилось. Мы получили специальное задание, место назначения - Фритаун в Западной Африке. Нам перестроили боевую рубрику и установили мощное зенитное орудие системы «Верлиг» и две спаренные, полностью автоматизирован- [- 135 -] ные 20-миллиметровые пушки. Наши пулеметы заменили новыми моделями. Боевую рубку укрепили бронированными щитами, чтобы придать людям уверенность при воздушной атаке. Нам гарантировали защиту от пулеметов, но, к сожалению, у самолетов были и пушки. Для обслуживания пушек увеличили личный состав, а кроме того, мы взяли на борт доктора.

Однажды ночью мы, все бородатые и усатые, сидели в зимнем саду нашего отеля. Французский бренди был превосходным, и мы отдавали ему должное, поскольку через четыре дня отплывали. Было далеко за полночь, снаружи бушевал шторм. Тут я должен сказать, что у нас есть поверье: корабль, поменявший личный состав, как правило, не возвращается со следующей операции. Неудивительно поэтому, что опытные подводники в целом возражают против смены личного состава. Во всяком случае, мы больше не брали стажеров-кадетов в боевые походы, чтобы дать им практические знания. Наши потери были слишком высоки, а человеческие резервы ограничены. Одним словом, война продолжалась слишком долго. Так или иначе, пока мы там сидели, к нашему столу подошел доктор. Мы поняли, кто он, по его форме: он носил Крест военных заслуг, которым награждали за особые заслуги в тылу. Мы уважали его, как бык - красный флаг.

- Вы с подлодки UX? Я назначен к вам. - Он представился. В следующий момент он пустился в объяснения, что на самом деле он совсем не хочет служить на подлодках, по причине слабого здоровья. Что-то надо делать с ушами. Кроме того, он не хирург, а гинеколог, а для нас главное - умение обрабатывать раны. Ну, он сделал все, что мог, но так и не сумел избежать оперативной службы. «Велико- [- 136 -] лепный парень, - решили мы. - Определенно подобрали призера».

- Мы выходим через четыре дня, - коротко сказал главный инженер. - Время трудное. Вы уже написали завещание? Надо. Немногие из нас вернутся.

- Да, я понял, - ответил доктор. - Однако, пока нам запрещено выходить из гавани, нечего беспокоиться. Как я сказал, у меня

что-то с ушами, и я хочу, чтобы их тщательно проверили.

- Простите, но вы уже свое получили, старина, сказал второй вахтенный офицер. - Мы выходим через четыре дня, так что лучше пошлите домой часы и обручальное кольцо и не забудьте попрощаться с домашними. Вы знаете, как это бывает. 35 подлодок не вернулись за прошлый месяц.

Наш доктор был так ошеломлен, что действительно отправил домой все ценное в горестном убеждении, что никогда больше не увидит семью.

Для усиления нашей противовоздушной обороны нам установили специальную сирену, помимо сигнального колокола, чтобы предупреждать о воздушной атаке. От выбора правильной кнопки (нажатия сирены или колокола, а кнопки были рядом) зависела жизнь или смерть. При каких обстоятельствах надо было нажать сигнальный колокол и погружаться, а при каких звучит сирена и артиллеристы поднимаются к пушкам? Это полностью зависело от позиции самолета, когда мы его видели. Обычно, если самолет летел дальше 4000 метров, хотя, конечно, многое зависело от типа самолета, - мы должны были избегать риска столкновения и погружаться.. В этом случае надо звонить в сигнальный колокол. Но если самолет летел ближе, не было никакой разницы , погрузимся МЫ или нет. Главная забота - избежать его внимания. Но суть заключалась в том, что [- 137 -] в процессе погружения корма поднимается и становится отличной мишенью. У летчика хватает времени спикировать и сбросить бомбы, не встречая сопротивления. Когда самолет над головой, мы можем чувствовать себя в относительной безопасности только на глубине 25 футов. Поэтому, когда самолет менее чем в 2000 метрах от нас, другими словами, замечен слишком поздно, мы должны включать сирену и защищаться нашими пушками.

Адмирал Дениц считал, что, пока не изобретено средство, защищающее нас от радара, мы можем продержаться двумя способами. Первый - усилить противовоздушную оборону, а второй - посылать подлодки через Бискайский залив группами. Он представлял себе так: если два самолета находят группу, они могут атаковать только одну подлодку. Тогда три подлодки могут быть защищены против шести самолетов. При этом трудно представить, что шесть самолетов одновременно окажутся в одном месте. Следовательно, несколько подлодок вместе могут пересечь залив совершенно безопасно. К сожалению, он просмотрел один немаловажный фактор, за что мы должны были поплатиться.

Когда пробил наш час, мы выпили прощальный бокал шампанского по традиции. Но когда в этот раз мы выскальзывали

в Бискайский залив, оркестр нас · не провожал. Скоро мы встретили две другие подлодки с других баз и образовали экспериментальный отряд из трех подлодок. Командиром одной из них был старший офицер. Он пользовался правом советовать остальным, что делать, и надеялся, что они прислушаются к его советам. Ведь обычно, когда доходит до дела, каждая подлодка действует, как считает нужным ее командир. Мы стреляли из всех наших пушек каждый день, создавая впечатляющий эффект. Авто-
[- 138 -] матические пушки стреляли с удивительной скоростью. Каждая подлодка могла стрелять из восьми стволов и множества пулеметов. Через несколько дней наступил экзамен. Наша лодка первой из трех увидела самолет. Расстояние было около 10 тысяч метров, поэтому мы располагали временем, чтобы уйти. Под воду. Мы договорились давать отмашку желтым флагом на погружение и красным на оборону. Но другие подлодки не увидели сигнала. Самолет приближался, мы дали отмашку красным флагом и открыли огонь, но, поскольку другие лодки занимались ежедневной стрельбой по мишеням, они не поняли, что случилось. К счастью, «сандерленд» решил атаковать нас первыми. С 4000 метров мы открыли огонь. Вокруг самолета начали взрываться маленькие серые облачка: Пилот, мудро изменив решение, стал кругами летать над всеми тремя подлодками, но на расстоянии более 4000 метров, следовательно, вне зоны досягаемости пушек. Но теперь у нас не было времени на погружение , хотя мы точно знали, что произойдет.

Через 10 минут, как и ожидалось, появился другой самолет. На этот раз «либератор». Он постарался атаковать подлодку старшего офицера, но промахнулся. Отдельные самолеты не могут повредить нам, мы слишком сильны для них. Они только продолжали кружить над нами на безопасном расстоянии. Но поскольку мы были недалеко от берегов Англии, вскоре должны были появиться еще самолеты, а возможно, и эсминцы. Эсминцы подойдут на расстоянии 5000 метров и потопят лодки одну за другой своими 150-миллиметровыми пушками. Возможно, несколько самолетов захотят присоединиться для забавы , но они будут совершенно лишними. Со своим превосходным вооружением эсминцы легко справятся и сами. [- 139 -]

Оба самолета кружились над нами. Мы старались повернуться к ним кормой, где стояли пушки, поэтому меняли курс и шли на большой скорости, увеличивая маневренность. В результате мы несколько отделились от остальных подлодок. Но мы были еще достаточно близко, чтобы две подлодки могли уйти под воду, если третья, обреченная на гибель, прикрывает их огнем: Старший офицер теперь подал сигнал: «Погружайтесь при

возможности». Едва мы успели ответить: «Поняли», как корма его лодки стала подниматься из воды. Подлодка начала погружаться. Затем я увидел атаку «сандерленда». Когда он опустился до 30 футов, мы открыли огонь. Но самолет набрал высоту, и наши снаряды не долетели - расстояние было слишком велико. В следующий миг самолет снова спикировал для атаки. Теперь мы ничем не могли достать до него, а корма подлодки старшего офицера торчала из воды. Самолет прошел прямо над ней и сбросил четыре бомбы. Четыре точных удара, четыре столба воды. Когда они осели, море сомкнулось над еще одной потопленной подлодкой - и над каждым человеком из команды. Нам предстояло то же. Надо было решать - теперь или никогда. Прозвучал сигнальный колокол, и мы провалились в люк. Командир бросил последний взгляд. «Либератор» готовится к атаке! Через мгновение мы были на палубе. Пулеметчики бросились к своим постам. «Огонь при 3000 метрах». Самолет отвернул. Чтобы точно нанести удар, мы должны быть не далее 200 метров, но мы не могли ждать. Попав на такое расстояние, самолет может сделать только две вещи: или, идя до конца, расстрелять нашу орудийную команду, или уйти, сбросив бомбы без помех. Заставить самолет развернуться под огнем - это почти так же хорошо, как и сбить его, поскольку это лишает самолет возможно- [- 140 -] сти использовать свои пушки и открывает всю длину его фюзеляжа. Между тем, если удастся сбить его раньше, чем он сбросит бомбы, сохраняется опасность, что он рухнет на нас и раздавит всмятку. Тем самым он победит в момент гибели. На этот риск мы собирались пойти, потому что тактика, которой мы следовали до сих пор, была просто тратой времени. Невозможно успеть погрузиться в тот короткий момент, который проходит между поворотом самолета и его новой атакой. Затем командиру пришла внезапная мысль. Команда боевой рубки исчезла внизу, остался только один, спрятавшийся за щитом пушки. Командир наблюдал из люка, сменив белую фуражку на стальной шлем. Все шло в соответствии с планом. Летчик увидел, что мы бросились вниз, и спикировал, атакуя. Наш лучший стрелок ждал его. Когда самолет был в 2000 метрах, он выстрелил. Удар пришелся в крыло. Самолет отвернул. Теперь он должен сделать круг для новой атаки, а это дает нам время. Мы поймали наш шанс и погрузились. В этот отчаянно напряженный момент я стоял на трапе люка. Как медленно идет время! Даже индикатор глубины, кажется, застрял на месте: 15 футов, 20... Затем резкий взрыв. Кажется, по руке хлестнули кнутом. Отсеки докладывают, что все в порядке. Хвала небесам! Но мы думали о третьей подлодке, которая оставалась на поверхности, и были

уверены, что она утонет.

По возвращении в гавань мы узнали, что третья подлодка действительно опаздывала. Позже, в лагере для военнопленных, я встретил командира и узнал продолжение истории. Через 20 минут после нашего погружения в небе появились уже 16 самолетов. Три эсминца тоже подошли и открыли огонь из пушек, в то время как самолеты атаковали группами по четыре или по три со всех сторон одновременно. Бой ско- [- 141 -] ро закончился. Орудийная команда и все, кто был на палубе, погибли, спаслись только пятеро. Такова была их судьба, как и судьба многих других подлодок.

Ошибка в идее посылать подлодки группами заключалась в предположении, что вражеские самолеты над Бискайским заливом обязаны атаковать, в то время как им совершенно не нужно было этого делать. Все, что от них требовалось, - удерживать подлодки на поверхности, пока не подойдут другие самолеты или военные корабли, располагавшиеся по всей Англии и ожидавшие вызова, чтобы идти в нужном направлении. Позднее мы поняли необходимость установления более тяжелых пушек с дальностью стрельбы до трех миль. С их помощью мы могли отражать атаки самолетов раньше, чем подойдут подкрепления, и таким образом выигрывали время для погружения.

Британское радио, однажды уже объявлявшее о гибели нашей подлодки, снова сообщило о нашем якобы потоплении. Мы только надеялись, что наши семьи не услышат это. Во Францию и Германию транслировались передачи станции «Калас», которые слушали, несмотря на запрет. Тем не менее через несколько дней, то погружаясь, то всплывая, мы вышли из опасной зоны. [- 142 -]

Глава 10. Нептун приходит на борт.

В Южную Атлантику я отправлялся в первый раз, и это гораздо более. приятная перспектива, чем поездка в Северную. Климат приятнее, а вражеская оборона слабее. Корабли, встречавшиеся нам, плыли по одному, так что атаковать. их было легче. Конвои встречались редко. Большинство подлодок пересекают экватор по поверхности, но мы решили плыть под водой. Приближаясь к линии экватора, мы все готовились к большому празднику. Ежедневно проводились репетиции, которым вся команда предавалась душой и телом. Из замка Нептуна по нашей радиосети (внутреннему телефону) шли передачи. Мы развлекались композицией импровизированных «хоров».

Главное развлечение, однако, состояло в испытаниях трех степеней, которым должны были подвергаться те, кто впервые пересекает экватор. В процессе подготовки все непосвященные делились на три группы, но каждый старался удружить другому, чтобы перевести его в группу более низкой категории. Это, естественно, усиливало общий ажиотаж. Мы прочитали все о традиционных обычаях и поняли, что поступили бы слишком жестоко, если бы полностью придерживались их. Например, там было протягивание под килем. Это означало опустить челове- [-143 -] ка в воду с одного конца корабля, протянуть по всей длине судна под килем и вытащить с другого конца. Киль подлодки отнюдь не гладкий, покрыт всякими наростами, и легко можно себе представить, что там произойдет с человеком. Даже бывали случаи, когда люди тонули, застряв под килем. Мы утешали себя тем, что живем не в варварском XIX, а в высокоцивилизованном и гуманном XX веке.

За день или два до того, как мы достигли экватора, по радио пришло сообщение, что Нептун, его дочь Фетида, Шеф полиции, Врач и другие приближенные его двора собрались в замке. · Доклад Шефа полиции звучал примерно так:

- Я только что увидел корабль, приближающийся к нашей священной линии. Он не предупредил о своем прибытии. Я старался узнать его название, но напрасно. Люди на борту производят очень скверное впечатление. Они все бородатые и похожи на разбойников.

Нептун:

- Неслыханная дерзость. Они должны быть сурово наказаны.

Фетида:

- Это просто ужасно. Как же я смогу завтра кататься на своем

морском коньке?

После предварительной инструкции о всеобщем купании некоторые случаи обсуждались отдельно. Например.

Шеф полиции:

- Ваше величество придет в ужас, но я только что видел кошмарное создание на этом несчастном корабле. У него есть прибор, называемый секстантом. Он говорит, что берет им звезды с неба, и называет себя штурманом. Я думаю, ему следует дать купание третьей степени. [- 144 -]

Мы все нетерпеливо слушаем, но принимаем довольно кротко. Никто не знает, когда придет его очередь, но Нептуна не избежит никто.

Шеф полиции:

- Здесь есть еще один особенно неприятный тип. у него рыжая борода. Будь у меня такая, я бы от огорчения просил ваше величество дать мне другую голову. Но эта борода - определенно плод его злодеяний. Нет сомнения, что он запятнан кровью.

Нептун:

- Не может быть!

Шеф полиции:

- Боюсь, что так, ваше величество!

Нептун:

- Опиши его.

Шеф полиции:

- Кажется, даже его собственные товарищи боятся его. Я видел, как они являются к нему каждый день, на вид больные и бледные. Он заставляет их открывать рот, смотрит им в горло, исследует их страшными приборами и заставляет глотать пилюли.

Нептун:

- Испытание номер три.

Когда наступил великий день, Нептун прибыл со всей своей свитой. Шеф полиции нес огромный меч, а рядовой, побритый и накрашенный, в парике из соломы и пакли, изображал Фетиду в расцвете юности. Врач в огромных очках вытаскивал жертву соответственно категории и заставлял принимать предписанное количество страшных на вкус пилюль. Их следовало проглотить, а потом горло опрыскивали жидкостью, состоящей из уксуса, машинного масла и перца. В результате этой процедуры Нептун получил богатые жертвоприношения. Затем Шеф полиции экзаменовал непосвященных и назначал каждо- [- 145 -] му соответствующее купание. Дальше приступ ил к работе Парикмахер. Он размазал мыло по нашим носам, ртам и ушам и прошелся по волосам и бородам деревянными ножницами. После

этого все должны были спуститься в сточную цистерну, наполненную водой и сжатым воздухом, пройти под машинным отделением и выйти черными от грязи. Вся процедура не должна была продолжаться больше определенного времени, хотя путь был усеян болтами и гайками. Кто не укладывался в срок, начинал все сначала. В конце страданий мы попадали головой в бочку из-под селедки. Четыре сильных руки клали нас друг на друга и отпускали только тогда, когда мы почти задыхались. Далее звучал сигнал к окончанию испытания. Быстрый душ, стакан бренди для праздника, и мы пересекли экватор.

Через несколько дней наш корабельный доктор, несчастная жертва испытания номер три, заболел. Он жаловался на боль в желудке. «Я знаю, что никогда не вернусь домой, - говорил он. - Я умираю». Через 16 часов его страхи подтвердились.

Солнце вставало красное как кровь. Зарядили пушки, командир произнес короткую речь. Прогремел тройной залп, и тело доктора, обернутое германским флагом, опустили за борт. Бедный человек, он действительно предчувствовал свою смерть, а мы пакостили ему, чтобы позабавиться. В веселом настроении, пересекая экватор, мы, конечно, обо шлись с ним жестоко. В следующую ночь на мостике мы услышали крик птицы. На старых парусных кораблях это считается предупреждением о смерти на корабле. После этого мы больше никогда не смеялись над приметами.

Наш первоначальный план предполагал операцию у Фритауна с восемью другими подлодками. Но [- 146 -] две утонули, как только началось плавание, три потерялись, возможно, их потопили. Шестая должна была вернуться на базу из-за тяжелых повреждений после бомбежки, а седьмая - из-за отсутствия топлива. Из восьми подлодок, назначенных для выполнения задачи, остались только мы. Мы провели несколько атак, но безуспешно: корабли оказались слишком быстрыми для нас. Улавливая нас своими приборами, они показывали корму и исчезали, а вскоре прилетали самолеты. Так из кошки мы превратились в мышку. Впоследствии маршруты кораблей изменились, и мы покинули этот район. Даже если задача, поставленная перед нами командованием, - удерживать кого-то где-то - была выполнена, сами мы не чувствовали никакого удовлетворения из-за наших постоянных неудач. Это была не война, а просто борьба за существование.

На обратном пути мы шли на поверхности только ночью и держались берегов Испании как раз за трехмильной зоной. Там находилось много рыболовецких шхун, от которых радар не мог нас отличить. Наши нервы были на пределе, раздражал

малейший звук. Мы часто по ошибке принимали за приближающиеся самолеты чаек, потому что в бинокль они кажутся крупнее. Однажды мы увидели яркий свет по правому борту. В одно мгновение старшина, отличный стрелок, направил на него пушку. Командир оттолкнул его:

- С ума сошел?! Это маяк!

К счастью, маяк был далеко, а снаряды упали близко, иначе вражеская пропаганда получила бы достаточно материала: «Немецкие зверства. Бомбардируют нейтралов».

На этот раз, когда мы входили в Сен-Назер, воздушного сопровождения не было: люфтваффе ис- [- 147 -] пользовалось на других фронтах. Нас встретили только два маленьких корабля сопровождения. Участились воздушные налеты на базу. Рои четырехмоторных американских бомбардировщиков среди дня пролетали над головой на высоте 25 тысяч футов. Город горел. Мы видели, как летят немецкие истребители. Потом вспышка, открываются парашюты. Там в воде перчатка, здесь ботинок. Самолеты переворачивались и горели, иногда падали в пламени, некоторые взрывались в воздухе.

- Как в кино! - воскликнул молодой вахтенный офицер. - Вот это способ посмотреть войну. Я всегда хотел видеть настоящее воздушное сражение.

Один из наших летчиков плавал в море, не в состоянии освободиться от парашюта. Когда мы вытащили его, он рассказал, что сегодня его 24-й день рождения, и только что он сбил свой 24-й самолет. Он награжден Рыцарским крестом, четыре раза был сбит, а теперь собирается в отпуск. Было что отметить, и мы отмечали всю ночь. Двумя днями позже я поехал с ним в Париж. Он должен был забрать там старый самолет и лететь на нем в Берлин для обучения. Я полетел вместе с ним, скорчившись за сиденьем пилота. Хорошо, что полет занял всего два часа, так как сидеть мне было очень неудобно.

Когда мы добрались до Берлина, нашли, что, несмотря на все бомбежки, боевой дух не сломлен. Большинство людей были убеждены в конечной победе. Газеты писали о секретном оружии, и каждый разговор возвращался к той же самой обнадеживающей теме. [- 148 -]

Глава 11. В ожидании нового оружия

Когда я вернулся на базу, все начали поздравлять меня. Я, правда, не понял с чем. «Тебя посылают на командные курсы», - объяснил и мне. Командир и главный механик тоже оставляли подлодку, чтобы ехать на специальные курсы в Германию. Тогда произошло неизбежное: моя подлодка ушла в море и не вернулась. Это было мое третье спасение. Командующий флотилией дал прощальный вечер перед нашим отъездом. Мы стояли в Сен-Назере дольше) чем другие лодки. Но как много брешей в наших рядах! Стены нашей кают-компании были увешаны фотографиями тех, кто погиб в море. Мы не делали из этого секрета. Мы ими гордились.

Курсы командиров подлодок находились в Ньюштадте в Голштинии. Мы использовали модель боевой рубки, в которой точно воспроизводились все механизмы настоящей. Потом мы поехали в Данциг для практических занятий и экзамена. День и ночь мы упражнялись с макетами торпед и очень мало спали. Когда мы закончили курсы, нам предложили на выбор три возможности: заменить командира на боевой подлодке, принять под командование учебное судно или принять новую субмарину. Участие в боевых операциях было чистым самоубийством в те дни. На берегу мы МОГЩІ встречаться со старыми друзьями [-149 -] и ждать, пока будут пущены в производство подлодки нового типа. Адмирал Дениц говорил о положении на флоте с некоторыми подробностями, ясно давая понять, что опытных офицеров отозвали с Атлантики для принятия кораблей нового типа. Я хотел получить назначение на новую подлодку фирмы' «Блом унд Фосс» В Гамбурге, но вышло не так, как я ожидал. Высшее командование имело другие планы, и я отправился в Пилау, на флотилию № 21.

36 подлодок использовались здесь исключительно для учебных целей. Моя лодка U-148, серии IId, водоизмещением 300 тонн, была последней моделью этого класса. Ограниченность дальности ее действия и малая скорость делали ее непригодной для боевых операций. В основном она строилась так же, как и большие лодки, но на борту было меньше места, даже вся команда, включая командира, ела в носовом кубрике. Работа усложнялась, поскольку объем ее был таким же, а людей намного меньше. Каждый нес шестичасовую вахту и имел шесть часов свободных, если их можно так назвать. Уединения не было даже для командира. Каждый мог видеть, что я делаю, и замечать все мои недостатки и странности, вроде того, как долго я сплю,

храплю ли я, сколько раз в день умываюсь и когда надеваю чистую рубашку. Как командир, я отвечал за все, что происходило на борту, имея право на административные взыскания и принятие решений. Теперь я понял, что повзрослел , хотя мне было только 23. Шел 1943 год. Я стоял перед выбором: или я докажу, что мне можно доверить одну из обещанных нам подлодок, или пусть меня выгоняют.

Я тщательно обдумывал свои лекции, стараясь читать их дважды в неделю, как предписывало высшее командование. Для проведения часовых бесед [- 150 -] приходилось много читать, и я вынужден был работать по ночам, так как другим временем просто не располагал. Касаясь, например, военного положения, я считал совершенно невозможным скрывать его серьезность, искажая факты или повторяя нашу пропаганду. Однако я не мог и оставлять людей удрученными. Я был не в том положении, чтобы судить, проиграли мы войну или нет, существует ли реальное политическое решение для Германии. Что бы ни говорила вражеская пропаганда, военный не может стать предателем своей страны. Единственное золотое правило для него - стойко держаться и подчиняться приказу. Не наше дело вмешиваться в политику. Пока мы на войне, мы должны продолжать сражаться, подчиняясь нашим командирам, сохраняя дисциплину и подавляя мятеж всеми доступными средствами. Союзники должны делать то же самое. В конце концов, я должен научить моих людей воевать на подлодке, а какая от них будет польза, если их боевой дух упадет? Разве способен человек понять важность происходящих вокруг него событий? И разве история не всегда чтила борцов, от спартанцев до армий Наполеона, даже если они сражались за безнадежное дело или за то, что многие считали неверным?

Мы выпускали новые команды для подлодок в большом количестве. Такая же флотилия находилась в Готенхафене. Планы для расширения наших частей были великолепные. Курс делился на две части: практическую и теоретическую. Теорию мы изучали в лекционном зале на берегу, где моряки, старшины, главные старшины, офицеры вместе слушали лекции о подводной войне. Постоянный личный состав на учебных лодках был насколько возможно уменьшен. Новички выполняли свои обязанности по оче- [- 151 -] реди, поскольку вы не можете понимать такое сложное дело, как подлодка, пока сами не начнете управлять механизмами и не выучите правильные слова команд. Во время своих шестимесячных занятий на Балтике новички учились применять знания, но, чтобы овладеть ими как следует, требовалось несколько боевых операций, если при этом они

оставались живы. Естественно, для инструкторов отнюдь не развлечением было выходить в море с новичками на борту. За год, который я провел на учениях на Балтике, мы потеряли четыре субмарины, хотя нам никогда не разрешали погружаться более чем на два часа в определенном районе, где принимались все мыслимые меры предосторожности.

Я всегда буду гордиться командой моего собственного корабля. Мы били все рекорды по безопасности, не более того, между нами была подлинная душевная связь. Я знал каждого по имени, знал его прошлое. Наше взаимное доверие было таким, что, выслушав однажды старшин, я разрешил употреблять шнапс на борту. Они, как и все мы, предпочитали получать чуть больше выпивки, чем предписано уставом. Зимой температура на Балтике обычно около 20 градусов ниже нуля, а стальной мостик постоянно покрыт льдом. Там без всякой защиты мы, промерзшие.ДО костей, и должны стоять четыре часа подряд. После этого нет ничего лучше, чем добрый стакан горячего грога. Я разрешил, хорошо зная, что, если на меня донесут, последствия будут весьма неприятными.

Дух команды на флоте уникальный, особенно среди одногодков. У нас существовал свой собственный особый кодекс правил, и каждого, кто его нарушал, мы бойкотировали. Мы даже решали, кого рекомендовать к производству в офицеры, и здесь у нас было право вето. Мы имели собственный жур- [- 152 -] нал, в котором рассказывалось о жизни на флоте, особенно об отличиях и наградах. В 1944 году мы решили собраться в Восточной Пруссии и, хотя в то время это было очень трудно, встречу сумели организовать. Приехали все, кто мог. Нелегко было обеспечить всех гостиницами, но нам удалось и это. Все было устроено на высшем уровне. Мы даже нашли женскую компанию - балерин, актрис, школьниц, друзей семьи. Какой же праздник без них! Собрал ось более 200 человек, закончилось празднество посещением оперы и прогулкой по Кенигсбергу. Здесь были парни из морской авиации, с патрульных судов, тральщиков, торпедоносцев, эсминцев, больших кораблей и подлодок, размещенных почти в каждой стране Европы. Как все изменилось! Несколько лет назад мы были мальчиками. Теперь мы - настоящие мужчины с огромным военным опытом.

Командующим моей флотилией был капитан, получивший в начале войны Рыцарский крест за потопление авианосца. Мы все доверяли его откровенности, отвращению к болтовне, высокому моральному духу. Он говорил и о производстве нового секретного оружия, которое должно спасти нас от поражения. Все говорили с уверенностью об этом оружии, будто оно продолжает

производиться по всей стране. Но все это надо было делать с самого начала войны и действовать более предусмотрительно, а не настраиваться так сверхоптимистично, как после кампании на Западе. Подумать только! После падения Франции часть наших заводов практически переключилась на мирное производство. Теперь, когда война достигла решающей фазы, выпуск нового оружия в достаточном количестве стал проблемой. Наша промышленность, как известно, страдала от непрекращавшихся налетов авиации союзников. Из-за них постоянно [- 153 -] происходил спад производства. Конечно, теперь настала очередь значительных улучшений, в чем уверены и штатские и военные. Этому, конечно, способствовал и воинственный немецкий темперамент, и наша пресса, широко распространявшая сведения о новом секретном оружии. Появились публикации материалов, раньше доступных только определенным кругам, связанным с проблемами «Как мы можем победить » и «Какие средства помогут нам победить». Печатались также статьи о новых принципах управления секретным оружием, приводились фото из иностранных газет и технических журналов, делавших выводы, что уже испытываются высокоэффективные устройства, такие, как скоростные радиоуправляемые снаряды, невидимые в полете, или абсолютно новый тип самолета. Иностранная пресса предупреждала собственный народ о возможных сюрпризах с немецкой стороны и тем увеличивала нашу уверенность в наших силах. Когда все эти публикации были засекречены, всем, естественно, хотелось их прочитать. Это основная черта человеческой натуры - чувствовать собственную значительность, ощущая, что вы принадлежите к привилегированным кругам, обладающим информацией. Таким образом, слухи о новом решающем оружии проходили через массы людей. Теперь, если разговор касался мрачных перспектив, кто-нибудь обязательно говорил, что люди, очевидно, не знают ничего и болтают вздор. Разве они не слышали, что... Желание - часто отец мысли. Так или иначе, сомневавшиеся снова собирались с духом. Мы просто Идем к победе в войне с таким новым секретным оружием, и каждый, кто не хочет это признать, очевидно, игнорирует огромные успехи, произошедшие в техническом вооружении. Вот так. [- 154 -]

Регулярно каждые три месяца адмирал Дениц приезжал подбодрить нас. Он обычно произносил горячие речи. Можно было спокойно заключать пари, что он закончит очередную речь словами: «Мы будем вести эту войну, пока не достигнем окончательной победы». После парада он часто оставался еще на день с нашей флотилией и проводил вечер с командирами

учебных кораблей. Мне приходилось сидеть рядом с ним, и он всегда производил на меня впечатление энергичного и надежного человека, совершенно уверенного, что победа будет достигнута. На все критические замечания он отвечал отрывистыми ссылками на ультрасовременные подлодки, способные совершать буквально сказочные действия. С апреля 1944 года ежедневно выпускались по две такие подлодки, что означало 60 в месяц, или 720 в год. Он утверждал, что уж если он не мог правильно оценить ситуацию, то не мог никто. Постоянно встречаясь с Гитлером, он знал, что настроение в штабе было абсолютно спокойным, уверенным. Люфтваффе испытывает новые типы самолетов, и скоро мы увидим перелом в войне в нашу пользу. Надо только продержаться какое-то время. Он также обещал командирам учебных кораблей, что они будут первыми командирами новых подлодок. Мы приобрели так много опыта в наших ежедневных маневрах, помимо того что были немногими оставшимися в живых после начала войны, что он намеренно освободил нас от командования воевавшими сейчас подлодками, чтобы доверить нам новые субмарины. Когда бы он ни ПРl1езжал к нам, он оставлял нас в надежде на лучшее будущее, несмотря на мрачное настоящее. Он командовал подводными силами Германии и успешно руководил подводной войной до конца 1942 года. Он, в отличие от других важных персон, [- 155 -] не придерживал для своих сыновей тепленьких местечек.

Чтобы описать эти так называемые «революционные изменения», я должен объяснить, что подлодка обычно имеет четыре установки пропульсивного оборудования: два дизельных двигателя для движения по поверхности и два электромотора для подводного. Очевидно, это далеко от совершенства, так как корабль может использовать только половину своей мощности одновременно, в то время как вторая половина - балласт. Если бы кто-нибудь сумел изобрести двигатель, одинаково при годный для работы как на поверхности, так и под водой, работающий без батарей, тогда бы наши возможности возросли в огромной степени, и мы смогли бы достигать большей скорости под водой. При плавании под водой мы можем достигать максимум 9 узлов, даже меньше. При такой скорости тока хватает на два часа (обычно мы идем со скоростью 3 узла, чтобы беречь батареи). На поверхности при наших дизелях мы можем сохранять 18 узлов неопределенное время.

Инженер-механик Вальтер нашел идеальное решение, когда изобрел турбину, работавшую на специальном топливе. Существенным достоинством двигателя Вальтера было то, что он не зависел от атмосферного воздуха, а получал кислород из баков

с перекисью водорода. Это была мечта командира подлодки. Печально для немца оглядываться назад и понимать, насколько это изобретение изменило бы ход войны, если бы не появилось слишком поздно.

Все наши специалисты по подлодкам встретились на курорте в горах Гарца, чтобы найти лучшее применение двигателю Вальтера. Один из вариантов заключался в строительстве подлодки в два раза больше обычной 6ОО-тонной. Она могла бы погружаться на [- 156 -] глубину до 150 футов, тогда как обычная модель имела предел 50 футов. (Правда, в конце войны мы погружались до 140 футов, а одна подлодка достигла 180 футов глубины.) Однако было установлено, что существовавший двигатель Вальтера годился только для маленьких подлодок и производство больших сопряжено с трудностями. Нашли промежуточное решение. Несмотря на отброшенную установку двигателя Вальтера, корпуса подлодок новой конструкции могли использоваться с электромоторами значительно большей мощности.

В это время новые субмарины впервые начали оснащать «шноркелями», или «шнорками». Это северонемецкое слово означает «нос». Голландия снабдила свои подлодки воздухозаборниками в конце 1940 года, но они использовали их только для вентиляции. Немецкий же шнорк, поднимаемый и опускаемый под гидравлическим давлением, позволял использовать двигатели внутреннего сгорания под водой и тем разрешил многие серьезные проблемы. Подлодка могла теперь двигаться под водой в течение всего периода, пока подается топливо, и таким образом была своего рода ответом радару.

Новая промежуточная серия, снабженная шноркелем , известна как XXI. Она имеет обтекаемый корпус и создавалась как настоящая подводная лодка, а не просто «способная к погружению». Ее подводная скорость впоследствии выросла до 16 узлов, и корабль мог сохранять эту скорость долгое время. Кроме того, новая серия был оснащена шестью носовыми торпедными аппаратами с 12 торпедами, уложенными позади них. Это устройство позволяло стрелять залпом из шести торпед, перезаряжать, стрелять и перезаряжать снова, выстреливая все 18 торпед в течение 15 минут. Более того, новый тип дальномера по-
[- 157 -] зволял этим подлодкам стрелять торпедами с глубины 50 футов, не используя перископ.

Но самую большую угрозу представляли наши акустические торпеды, отличавшиеся от обычных электрических сложным прослушивающим устройством, соединенным с рулевым механизмом. Мы могли стрелять торпедами этого типа, даже не

видя объекта и не устанавливая расстояния. Такая торпеда, вылетавшая из аппарата, делала круги, пока подлодка не погружалась на большую глубину, чтобы не оказаться на ее пути. Потом она шла в направлении, с которого шли звуки корабельных винтов, и ударяла в корму, где размещались двигатели и аппараты управления. Прослушивающее устройство было таким чувствительным, что могло уловить даже стоящее судно по звуку его вспомогательных двигателей. В течение только одного месяца 1944 года этими фантастическими торпедами потопили 80 эсминцев и корветов. Это привело к тому, что, когда мы начали применять эти торпеды, вражеские охотники за подлодками вынужден ы были почти прекратить атаки, так как для них это стало просто самоубийством. Позже на кораблях противника устанавливали различные, однако не слишком эффективные контрустройства. [- 158 -]

Глава 12. Моя последняя команда

На Рождество 1944 года я принял команду над новой подлодкой обычного класса, но снабженной шнорком. Новых тяжелых субмарин, на которые возлагались такие большие надежды, еще не было. Из-за множества сложностей в немецкой промышленности строительство новых подлодок откладывалось. Наземные атаки с запада и востока одновременно оказались слишком большим испытанием для немецкой армии, даже до крупного поражения на Восточном фронте в январе 1945 года. Когда оно произошло, мы вынуждены были эвакуировать нашу базу в Пилау и перевести ее в Везермюнд. Горько было расставаться с Восточной Пруссией, которую мы полюбили. Но одно выяснилось: мы побеждены, и наша единственная надежда теперь заключалась в объединении с Западом против коммунизма. Наши лидеры хватались за эту надежду, как утопающий за соломинку, но не появлялось ни малейшего намека, что англо-американцы готовы поддержать эту идею.

В душе я возражал против бессмысленного продолжения войны, меня приводила в ярость мысль О некомпетентности трусливых руководителей, посылавших воевать мальчишек и стариков, в то время как сами они нарушали все обещания, которые когда- либо давали. Но я был офицером и не собирался [-159 -] подрывать чьего-либо доверия. Я считал; что не должен покидать моих товарищей, соотечественников в беде, но должен поддерживать их до самого конца. Командующий флотилией назначил меня командовать сопровождением конвоя, состоящим из четырех подлодок, которое мы собирали в Везермюнде. Мы продолжали готовить людей к подводной службе. Это казалось мне явным помешательством: так много подготовленных подводников, чьи лодки затонули под бомбами в гаванях, воевали сейчас в сухопутных войсках.

В апреле 1945 года U-977 была объявлена «пригодной к мореплаванию». Во всяком случае, так считали люди, которым не надо было на ней идти. На мой же взгляд, она ни в каком отношении не годилась для боевых действий. Я предложил заменить батареи, так как существующие давали только 70 процентов мощности, обновить некоторые детали, броню для рубки, поставить новое радиооборудование и дать хотя бы минимальное время для подготовки команды, потому что некоторые рядовые не имели вообще никакого опыта. Однако мои требования отвергли из-за недостатка материалов, и мне приказали отправляться в Киль грузить припасы. Выбирать мне не

приходилось. Но ради моих людей я обязан был убедить руководство в справедливости моих требований. Я надеялся, что адмирал Дениц поймет наше положение.

Через несколько часов после прибытия в Киль я отправился на плавучую базу, где в это время продолжалась горячая политическая дискуссия. Докладчик без всяких логических аргументов сообщил, что наша окончательная победа гарантирована. Казалось, он произвел впечатление на адмирала. Когда дискуссия закончилась, я попросил его уделить мне время для беседы. Он пригласил меня в кабинет, и я [- 160 -] откровенно высказал ему свою точку зрения. «Мой дорогой Шаффер, - ответил он мне, - вы очень хорошо знаете, что мы будем сражаться до победы. Мы победим любой ценой. По вашим наградам я вижу, что вы ветеран. Если вы не можете выйти в море, то кто сможет?»

В заключение он сказал, что не важно, мореходна моя лодка или нет, но я обязан выйти в море. Мне нечего было сказать.

Вскоре после этого я на несколько дней поехал в Берлин попрощаться с мамой. Война быстро двигалась к концу, строились планы защиты Гамбурга, но ни один из тех, кто строил эти планы, казалось, не задумывался ; что же будет с немецким народом. Именно к этому вело безрассудное требование безоговорочной сдачи.

Чтобы добраться до Берлина, мне понадобилось 24 часа. Сигналы воздушной тревоги повторялись через регулярные интервалы, и мы все прятались под поездом, пока он снова не начинал двигаться. Рядом со м ной сидел офицер СС, который, несмотря на мое явное нежелание с ним разговаривать, никак не мог прекратить болтовню о новом секретном оружии. Я был сыт по горло этим секретным оружием, потому что теперь по собственному опыту знал, что, если бы проекты осуществлялись, не было бы налетов на наши заводы. «Конечно, вы не в том положении, чтобы судить», - сказал он. Уж он-то, конечно, все знал, потому что служил в каком-то штабе СС и выезжал проверять испытания каждый день. Если бы я пришел к нему, добавил он, то мог бы увидеть кое-что интересное.

Когда я приехал в Берлин, я и в самом деле нашел его штаб, и, после того как прождал около получаса у входа, мой новый знакомый появился и повел меня [- 161 -] смотреть. Все в этом штабе говорили о нашей победе с убежденностью, которой я не видел даже после падения Франции. Среди всяких фантастических приспособлений, фото которых они мне показывали, было одно, называемое лучом смерти. Мой знакомый хотел, чтобы я пришел еще и завтра и -посмотрел его в действии.

Но я больше не- мог тратить времени. Я хотел увидеться с мамой, так как было очевидно, что русские наступают на Берлин и последняя битва произойдет именно здесь. Город превращался в крепость, везде строились баррикады, трамвайные вагоны переворачивались ... Я хотел забрать маму отсюда, но она решила остаться в Берлине любой ценой. Она прекрасно справится с русским и, сказала она. Так она и сделала.

Я вернулся в Киль. Град бомб обрушивался на город каждый день, и несколько раз в день я должен был отводить свою подлодку в какой-нибудь узкий залив на берегу, в убежище. Жужжание самолетов не прекращалось, но мы никогда не видели немецких истребителей. За два дня до того, как мы собирались выйти в море на нашей «мореходной» лодке, очередной сигнал воздушной тревоги прозвучал- в полдень. Как обычно, мы бросились в убежище. За мной шла подлодка под командованием моего сверстника. Следуя друг за другом (а мы практически были в гавани Киля), мы шли прямо среди бомб. Американские самолеты гудели над головой один за другим. Они знали, что у нас больше нет зениток, и не обращали на нас внимания. Всего в сотне ярдов от нас две бомбы попали в пассажирский пароход «Нью-Йорк>, на котором не так давно я плавал в Америку, и он вспыхнул как факел. Вокруг взрывались боеприпасы. Это был какой-то дьявольский фейерверк. В следующий [- 162 -] момент позади раздался взрыв, я приказал полный -вперед, хотя не было абсолютно никакой разницы, с какой скоростью плыть. Однако приказы такого типа успокаивали нервы. Подлодка моего сверстника получила прямое попадание и затонула через несколько секунд. Спастись удалось немногим.

Наконец несколько дней спустя мы смогли отплыть в Норвегию, где по нашим инструкциям должны были заправиться топливом, в течение двух дней проверить наш шнорк и выйти В море. Для выполнения задачи были назначены три подлодки, одна из них серии XXI, первая, получившая боевое задание. По пути я зашел в датский порт. Это не совсем соответствовало программе, но пока не возникала необходимость особой точности. В Дании все еще оставалось много еды, и мы могли пополнить запасы немецкого флота здесь. Чем больше еды мы возьмем на борт, тем лучше. Инспектор - добросердечный старый служака и определенно не скупой. Он очень отличался от ограниченного главного снабженца в Пилау, который выполнял свои обязанности буквально, вместо того чтобы руководствоваться здравым смыслом. В результате огромное количество припасов попало в руки врагов. Здесь же от нас требовалось только указать, что мы хотим получить. Мои люди

тащили бочонки с маслом и ветчиной, яйца и все съедобное, что можно вообразить. Инженер уже забеспокоился о перегрузке, которая может затруднить всплытие. Но мы посчитали, что места хватит, и отправили за припасами еще один грузовик. Всегда приятно быть уверенным, что не придется голодать в ближайшем будущем.

Командир подлодки серии XXI продолжал болтать о ее чудесах, но, если бы он даже этого не делал, я все равно завидовал бы ему, потому что она дей- [- 163 -] ствительно была чудом техники. Из-за понятного раздражения я поспорил с ним на бочку шампанского, что приду к берегам Норвегии раньше его. Это было последнее пари, которое я заключил на флоте. Нам приказали идти из Дании в Норвегию под водой, при этом его лодка имела крейсерскую скорость 8 узлов, а моя только 3 узла. Он мог развивать скорость до 18 узлов, а мы только что-то между 8 и 9 узлами и то на час, на два самое большее. Норвежский пролив считался чрезвычайно опасным. Англичане держали своих наблюдателей в этих водах, хорошо зная, что каждый военный корабль, покидавший Германию, должен пройти этим путем, поскольку все наши базы во Франции мы практически потеряли. Больше половины наших подлодок погибли на этом пути, главным образом потому, что невозможно погрузиться при воздушной атаке из-за минных полей, которыми заполнен весь район. Почти сразу, как мы разделились, наш радар уловил вражеский самолет. Мы насчитали их 12 или около того. Они неслись на нас со скоростью, от которой волосы вставали дыбом. Как раз тогда мы были в узком месте, усеянном минами. По звукам, доносившимся с разных сторон, трудно было понять, хотят ли они атаковать сразу или еще только собираются вместе, готовясь к налету. К этому времени противник использовал новые ракеты. Мы не сомневались, что взрывная волна от этих ракет нас обязательно достигнет, так как они взрывались не на поверхности воды, а на определенной глубине и были особенно опасны для подлодки в момент погружения. Ракеты эти могли пробить отверстие от трех дюймов в поперечнике, а этого не выдержит ни одна субмарина. Кроме того, они попадали гораздо точнее, чем обычные бомбы. Я перенес достаточно ночных воздушных атак, когда пулеметчики, ос- [- 164 -] лепленные парашютными вспышками, не могут различить атакующий самолет, который всегда старается держаться выше вспышек. Мы можем только слышать знакомый беспокойный шум двигателя и видеть трассирующие пули, летящие вокруг нас, и бомбы, взрывающиеся в темноте. Все это порождает неприятное чувство неспособности нанести ответный удар. Я знал, что, если мы еще будем на

поверхности, когда они атакуют, нам придет конец. Следовательно, надо положиться на удачу и постараться погрузиться. К счастью, мы не наткнулись на мину. Каждый раз, как мы поднимали наш поисковый приемник над поверхностью, он указывал, что воздушный радар очень близко. Казалось, что они узнали наш курс и ожесточенно преследуют нас. Мы должны Ждать до рассвета, прежде чем сможем испытать наш шнорк, который был почти неизвестен и инженеру, и большинству команды. Это и было причиной, по которой я продолжал свой краткий курс обучения на Балтике под руководством старших офицеров. Боевой дух на лодке был не так уж плох. Мы избежали общего хаоса, попав на море. Если бы нашей лодке случилось затонуть в гавани , нас всех направили бы в армию, а этого нам очень не хотелось. Что до меня, то я был сам себе хозяин, имел свою лодку, и команда стояла за меня.

После того как прошли самое скверное минное поле, мы могли идти на глубине 25 футов без особых тревог. Очевидно, пришло время перезарядить батареи , а заодно и проверить наш шнорк. Не было необходимости подниматься на поверхность. Благодаря шнорку мы могли теперь использовать дизель и под водой, а уловить верхушку шнорка радаром очень трудно. Мы двигались на глубине 10 футов, и я хотел удостовериться, что близко нет ни кораблей, ни самолетов. Поскольку иногда вместо радара использу- [- 165 -] ют наблюдателей, я приказал подняться до 7 футов, то есть до глубины шнорка. Ничего не было видно, и мы запустили оба двигателя, один для зарядки батарей , другой для погружения. Сейчас мы делали 7 узлов. Поток воздуха шел через шнорк, но давление внутри подлодки значительно упало. Всасывание двигателей было слишком велико, а инженер не выполнял своей работы. На один момент шнорк поднялся слишком высоко, в следующий он окунулся ниже поверхности воды. Это было очень неудачно, потому что, когда вода захлестывает шнорк, автоматически закрывается воздуховод, и воздух для двигателя всасывается из машинного отделения. Наконец мы заставили шнорк работать лучше, но внутреннее давление продолжало изменяться, видимо, клапан шнорка заело, и он открывался только на короткие интервалы. Болели уши: шум шнорка был ужасный. Я потерял терпение и начал ругаться, несправедливо обвиняя инженера, хотя тот впервые сталкивался с этим шнорком. Но это не слишком помогло. Если бы здесь случайно оказался самолет, вряд ли летчик перестал бы бомбить и дал нам возможность потренироваться со шнорком.

Так мы и шли, как огромный морской змей: то поднимаясь, то снова опускаясь. Мы были на 15 футах, и дизели уже

всасывали воздух из машинного отделения в течение минуты. К этому моменту глаза выкатывались из орбит, а барабанные перепонки почти лопнули. Все вместе просто невыносимо. На этой глубине выхлопные газы не могут выходить из-за слишком большого давления воды, поэтому газы скапливались в машинном отделении: черные, удушливые. Машинисты выскакивали из машинного отделения ослепленные, слезы так и лились у них из глаз. Некоторые надели спасательные аппараты, [- 166 -] но скоро от них отказались. Вся лодка почернела от дыма, невозможно было ничего различить. Все двигались ощупью, как в тумане.

- Всплытие!

Отдав приказ, я поднялся к люку, серьезно беспокоясь, как бы кто-нибудь из команды не потерял сознания раньше, чем мы сможем открыть продувочные клапаны. Наконец сжатый воздух зашипел, прошел в баки, и лодка быстро поднялась на поверхность. По всем правилам, давление должно изменяться очень медленно, но у людей была одна-единственная мысль - добраться до свежего воздуха. Я и сам чувствовал то же самое. Через мгновение мы выскочили из люка на палубу. Все задыхались. У многих болели уши, потому что мы поднялись слишком быстро. Тем временем я и вахтенный офицер осматривали горизонт. Нигде ничего не было видно. Мы снова могли вздохнуть свободно. И впервые за все время, поднявшись на мостик, я не закурил сигарету. Это о многом говорило.

Приказ гласил: идти в Норвегию под водой. Использовать шнорк. Это чрезвычайно опасные воды. Но нелегко выполнить такой приказ с людьми, которые никогда не имели дела со шнорком. По-настоящему тренировать их было негде, так как Балтика больше не была безопасным местом для морских тренировок. Однако нам позволили потратить два дня на тренировки в Норвегии.

После того как мы про ветрил и подлодку, я решил не погружаться снова, во всяком случае со шнорком. Я не хотел задохнуться, как крыса в западне. Надо будет попытаться разобраться с ним, когда мы придем в Норвегию.

Вид с мостика открывался великолепный. Солнце сияло, на небе ни облачка. Не похоже, что нас смо- [- 167 -] гут захватить врасплох в такую погоду. Поэтому, независимо от приказа, я решил, что лучший и скорейший способ добраться до Норвегии - плыть на поверхности. Кстати, это и самый надежный способ выиграть пари и бочку шампанского, потому что я на поверхности шел со скоростью 1 8 узлов, а субмарина типа XXI под водой могла развить только девять. На сей раз ничего плохого не случилось. Мы увидели два самолета, находившиеся далеко от

нас. По нашему прослушивающему устройству мы знали, что они не· используют радар. Я не мог понять причины этого. Я был совершенно уверен, что они выполняют обычный патрульный полет, но не ищут специально подлодки. Давно уже ни одна подлодка не проходила здесь на поверхности, а шнорк мы использовали только ночью. Летчики, конечно, знали это, так ради чего стоило им напрягаться? Если мы увидим, что они приближаются, мы всегда успеем по грузиться раньше, чем они смогут нас атаковать хоть с каким-нибудь шансом на успех. Но они прошли мимо в 6000 метрах от нас.

26 апреля 1945 года мы вошли на базу в Южном Христианзунде. Я выиграл шампанское, потому что до 27 апреля ни одна лодка не пришла.

Теперь мы готовились к операции. В одну из теплых ночей северной весны мы с командой устроили пикник на склоне горы. Мы расположились вокруг костра. Звезды мерцали и искрились над нами, а отблески пламени окрашивали небо в красный цвет. В моей памяти навсегда останется это место, своими массивными скалами напоминающее о битве с циклопами. Здесь были все 48 человек, единая команда. Мы разговаривали о трудных днях нашей страны, о судьбе наших близких и друзей. У нас не было недостатка в вине, однако мы не смеялись и не пели. [- 168 -] Ничто не нарушало молчания этой северной ночи. Слишком горькими были наши мысли. Несколько дней назад мой инженер узнал о смерти своего отца. Он потерял руку в Первой мировой войне, а погиб, воюя в Фольксштурме, во Вторую. Германия, еще три года назад могущественнейшая держава, побеждена и разрушена. Вражеские войска катятся по ее просторам. Огонь погас. Наш последний вечер на берегу закончился. Завтра мы выходим в море.

Пока мы были в Христианзунде, адмирал Дениц обратился по радио с заявлением, что, хотя и нет вопроса о сдаче, полное поражение неизбежно. Гитлер якобы убит в битве за Берлин, и он, Дениц, стал главнокомандующим вооруженными силами, а также главой государства. Все говорили, что он продолжит войну из Норвегии. Тем временем наступило 2 мая - день нашего отплытия, и командующий флотилией сделал последнее усилие взбодрить нас. Его прощальная речь заканчивалась словами : «Сражайтесь до конца. Германия никогда, никогда не сдастся».

Итак, используя шнорк по ночам, мы покинули берега Норвегии. Нам приказано отправиться в Саутгемптон, постараться проникнуть в гавань и нанести как можно больше вреда.

Через несколько дней после отплытия сломался наш главный

перископ. Это оказалось серьезной поломкой, потому что теперь у нас не было выбора. Мы вынуждены использовать шнорк и плыть вслепую. На нас могли налетать самолеты, нас могли подстерегать охотники, а мы не могли видеть ничего, что происходило на поверхности. Правда, у нас имелся резервный перископ, но он мало чем мог помочь, потому что предназначался для атак ночью или в сумерки. Через его особые стекла мы могли видеть только то, что лежало непосредственно над нами. [- 169 -] Будь что будет! Я решил не возвращаться в гавань. Мы неуклонно двигались на юг под водой.

Нервы наши были напряжены до предела, когда мы плыли таким образом. Нет ничего хуже, чем двигаться вслепую, в полном неведении о том, что происходит на поверхности. Еще хуже, что в это время года в Северной Европе дни становятся длиннее, а ночи более светлыми. Конечно, мы использовали самые темные часы, чтобы подняться на поверхность и зарядить батареи, но всю долгую ночь шнорк волочил за собой шлейф белого дыма, тогда мы становились прекрасной мишенью для противника.

Конечно, на шнорке была антенна поиска радара, она, правда, устарела и не могла улавливать волны разной длины. В течение последних месяцев войны наша промышленность сильно пострадала от воздушных налетов и ее развитие замедлилось. В это время союзники могли успеть что-то изобрести и применять теперь новые устройства. Но в любом случае перископ был необходим, поскольку никакое техническое усовершенствование не может заменить человеческий глаз.

К несчастью для нас, в этих северных водах никогда не бывает по-настоящему темно. Нас могли заметить по шлейфу дыма от шнорка, а мы не знали, насколько надо этот дым регулировать, и, не имея перископа, не могли видеть его. Когда темно, это не особенно важно, потому что дым не так легко заметен, но, когда светло, он выдает вас за мили. В свое время именно дым выдал нам немало кораблей, и мы их потопили. Если какой-нибудь корабль или самолет приблизится к нам, не используя радар, чтобы наш поисковый приемник мог уловить его, мы ничего не будем знать об этом. Проходящий мимо военный корабль может даже поймать нас, накинув на [- 170 -] шнорк лассо. Мы были как слепой в лесу, полном диких зверей. Он ищет дорогу, надеясь только на помощь слуха и на звериное рычание.

Кроме того, шум дизелей под водой не давал возможности использовать гидрофон, и мы потеряли последнее средство узнавать, не пытаются ли вражеские корабли обнаружить нас с

помощью радара. Практически каждый корабль, появившийся в этих водах, был военным, и мы знали, насколько внимателен противник к тем подступам, через которые подлодка должна пройти, чтобы попасть в Атлантику. Они и мели шанс поймать нас в самых узких местах раньше, чем мы выйдем в открытое море.

Казалось, мы в центре вражеской блокады. Когда. бы мы ни включали наш поисковый передатчик, со шнорком или без него, мы сразу слышали тупое гудение передатчика радара, сначала нараставшее, потом замиравшее вдали. Наши сигнальные лампочки мигали зеленым светом, сначала резким, потом более слабым. Противник старался уловить немецкое судно, установив антенну на непрерывное круговое вращение, и, когда волны от передатчика радара сталкивались с отражением от нашей антенны, поднятой на шнорке, мы ясно видели реакцию. Опытный радист иногда может даже сказать, пойман ли его корабль радаром или нет. Самое умное для нас - убрать шнорк и погрузиться поглубже, что мы сначала и делали. Но в результате нам всегда не хватало времени, чтобы зарядить батареи. И не только это. Пока мы шли под водой, то все время использовали ток, а значит, на перезарядку нам теперь требовалось не три часа, а шесть. К тому времени уже начинался рассвет. С этим и заботами и с постоянным ожиданием бомб мы чувствовали себя как на вулкане. Так проходили день за днем, всегда в темноте, посколь- [- 171 -] ку мы не тратили тока на освещение внизу и никогда не видели солнечного света, не осмеливаясь подняться на поверхность. В свободные минуты мы всегда думали о том, когда мы снова сможем использовать шнорк, и всегда боялись, что он вдруг да и не заработает. Мы слишком хорошо осознавали, что подлодки старого типа, как наша, почти никогда не возвращалась, даже если они снабжались шнорком и имели исправные перископы.

Эта агония неизвестности продолжалась целых пять дней. Британская пресса недавно определила срок жизни для подлодок всего в 40 дней, и мы знали, что это справедливо. 40 дней было щедростью. Мы уже плавали восемь дней, оставалось еще 32. Конечно, вовсе не обязательно, что их будет 32. Это может случиться сегодня или завтра, хотя мы надеялись на лучшее. Пока мы ощупью ползли со шнорком, младший вахтенный принес сообщение из штаба, в котором говорил ось примерно следующее: «Всем подводникам. В течение пяти лет вы храбро сражались на всех семи морях. Вы можете гордиться вашими достижениями. Вы совершили такие подвиги, равных которым никогда не было раньше и не будет в будущем. Вы создавали историю. Однако,

несмотря на все, что вы вынесли, худшее еще впереди. Завтра мы сдадимся, и с завтрашнего дня вы будете получать приказы от союзного командования».

Мы не услышали имени говорящего, потому что антенна, установленная на шнорке, отказала как раз перед этим. Кто был этот человек? Определенно не Дениц, после всех его прекрасных слов. Нет, это, вероятно, ловушка противника. Они могли расшифровать наш код и выяснить длину волны. Я обсудил это событие с моими офицерами. Казалось, не могло быть и речи, чтобы Дениц, став главой государства, [- 172 -] мог согласиться на безоговорочную капитуляцию. Что он сказал, когда мы видели его в последний раз? «Мы будем сражаться до последнего человека. Мы никогда, никогда не сдадимся». Я допускал, что союзники могли сломить наше сопротивление; поскольку они имели подавляющее количественное превосходство в последние несколько дней. Но я не мог даже подумать, что наши собственные руководители пали настолько низко, чтобы послать официальный приказ о сдаче. Я пошел в свою каюту подумать обо всем в одиночестве. Я знал, что должен принять решение, но находился в полном смятении.

На следующий день мы приняли еще одно сообщение, и я снова подумал, что это хитрости противника, Оно было абсолютно несовместимо со взглядами и настроениями наших руководителей и полностью расходилось с последним полученным нами приказом. Наконец пришла третья радиограмма: всем подлодкам в море подняться на поверхность, сложить оружие и поднять синий или белый флаг. Это сообщение исходило от союзной комиссии по разоружению. Я отдал приказ выключить радио, так · как оно больше не передавало указаний нашего командования, а служило целям безжалостного врага.

Теперь я решил посоветоваться с командой. Их слишком долго держали в темноте, и я хотел поговорить с ними более или менее откровенно. Я сказал:

- Камараден. Мне кажется, пробил самый страшный час и для нас, и для Германии. Мы проиграли Вторую мировую войну. Мы все знаем, что теперь ожидает немецкий народ. Вражеская пропаганда не делает из этого секрета. Я думаю о плане превратить Германию в пастбище и стерилизовать немецких мужчин. Заложен фундамент политики, основанной на ненависти. Немецкие девушки и женщины ока- [- 173 -] жутся беспомощными и подвергнутся похоти оккупантов, а мужчины будут депортированы. Напрасно наши правители, последним из которых был адмирал Дениц, умоляли пожалеть наш народ ради будущего Европы. Но их ненависть слишком велика. Ненависть не

к нацизму, как они притворяются, - нацизм закончился со смертью Гитлера, но к самому немецкому народу. Мы должны решить, какой выбрать курс. Мы можем вывесить белый флаг, можем потопить подлодку или прийти в гавань какой-нибудь страны, которая честно относилась к нам все военные годы. Один из наших инженеров знает Аргентину и поддерживает связь с друзьями, живущими там. Он хорошо информирован об этой республике. у меня самого тоже есть друзья и знакомые там. у этой страны большое будущее. Из всего, что я знаю о ней, я верю в то, что она станет наиболее прогрессивным государством в Южной Америке с ее огромными природными ресурсами и неосвоенными территориями. Там у каждого есть возможность сделать карьеру.

Камараден, враг требует, чтобы мы сдались, утверждает, что наш и руководители капитулировали. В свете всего, что происходило, совсем не похоже, что адмирал Дениц когда-нибудь формально сдастся. Может быть, наше сопротивление сломлено ' и при пере весе противника сто к одному они сражаются на нашей земле. Но не может быть и речи о том, чтобы согласиться с этим приказом, пока мы не выясним всех обстоятельств. Поэтому я предлагаю продолжить наш путь. Мы не будем нападать на какие бы то ни было корабли, чтобы, даже поддавшись чувству мести, не стать причиной гибели невинных людей. Бесполезно продолжать войну в одиночку. Как бы то ни было, у нас есть все необходимое, что- [- 174 -] бы добраться до Аргентины. И это лучше, чем горький хлеб плена.

Когда я закончил говорить, все зашумели и разделились на группы. Я не торопил их. Решили голосовать: 31 человек из 48 проголосовали за Аргентину, двое хотели отправиться в Испанию, надеясь на более быстрое и надежное возвращение на родину, а 1 6 выразили желание вернуться к своим семьям. Это были женатые мужчины, почти все старшины и по возрасту старшие на борту. Демократия требовала, чтобы все подчинились воле большинства, но я понимал желание этих людей вернуться домой и предложил им высадиться в Норвегии, откуда они, вероятно, смогут добраться до своих семей. Мы могли бы войти в какую-нибудь гавань и высадить их там, но мысль сразу оказаться пленниками нас не привлекала. Соответственно мы решили найти пустынное место на скалистом берегу недалеко от Бергена и высадить их ночью на резиновых шлюпках.

Ночь на 10 мая была черной как чернила. Так как мы не поднимались на поверхность, то не знали точно, где находимся. Плавание в незнакомых водах достаточно трудно и в лучшие времена, а в норвежских водах особенно - из-за бесчисленных

прибрежных скал. Нужны были подробные карты, поэтому приходилось рисковать. Старшины приготовились. Упаковав свои вещи в вещевые мешки, они выработали дальнейший план с помощью крупномасштабных карт, имевшихся у нас. Для этих людей, возможно, это последний раз, когда они поднимаются на поверхность на субмарине. Мы находились в нескольких милях от берега. Темная туманная ночь затрудняла возможность взять пеленг, но мы надули две разборные резиновые шлюпки. У каждого на спине имелась также одноместная шлюпка. Все их пожит- [- 175 -] ки лежали на палубе, включая еду, которой им должно хватить на месяц.

Наступила полночь, но рассвет был уже недалеко. Счастье для нас, что стояла не середина лета, иначе бы уже светало. Даже теперь мы располагали очень малым временем, хотя должны были идти медленно, поскольку берег был предательским. Пока все хорошо. Прибор показывал глубину 50 футов, расстояние от берега равнялось пяти милям. Мы прошли дальше. 3 мили... 2 мили... Берег становится ближе, а вода спокойнее. Мы не могли высадить наших друзей так далеко от берега, потому что дул встречный ветер, и они едва ли прошли все расстояние в неспокойных водах и против течения. Вероятнее всего, их просто вынесет в море, и, если это случится, они не спасутся, во всяком случае, не смогут пройти свой путь незаметно. Становилось все мельче. 7 футов, 5 футов... 4 фута... Цифры продолжали меняться. Мы осторожно идем к берегу, используя электромоторы Один работает на средней скорости вперед, другой готов к полной назад. Удастся ли нам успешно завершить высадку? Несмотря на все страхи, наверное, сможем. Совсем не похоже, что кто-нибудь здесь будет искать немецкую подлодку.

В следующий момент лодка начала цепляться за что-то так легко, как будто кто-то царапал киль. Но мы продолжали двигаться. Мы даже подумать не могли, чтобы высадить людей здесь, когда оставалось еще больше мили, возможно миля с четвертью. Мы шли со скоростью один узел, самая меньшая, какая может быть, и то только благодаря электромоторам, потому что дизели не допускают скорости меньше шести узлов. И тут...

Нос выскочил из воды без всякого шума. Мы даже не почувствовали удара. Прибор еще показывал [- 176 -] 2 1/2 фута под рубкой управления. Аварийный полный назад, но было уже слишком поздно. Наша лодка поднялась выше ватерлинии до горизонтальных рулей под острым углом. около 30 градусов.

Пять минут моторы работал и, развивая полную скорость назад, но лодка не шевелилась. Тогда мы пошли одним вперед, другим назад, но и это не помогло. Наше положение казалось

безнадежным.

Я предложил тем людям, которые собирались на берег, высадиться сразу, раньше, чем нас найдут. Нас заметят при первых лучах света, и тогда мы должны решить, взрывать ли нашу лодку или отдать ее целой. Время подумать об этом еще было.

С глубоким чувством мы в последний раз пожали друг другу руки. Пришло время расставаться и для тех, кто оставался на борту, и для тех, кто уходил на берег. Да, подошло время, когда каждый сам и все мы вместе должны сражаться за жизнь, и мы знали, что борьба эта не будет легкой.

Мы спустили резиновые шлюпки. Одна из них, к сожалению, опрокинулась, так как мы спускали ее под слишком острым углом, и два человека упали в море. Их сразу вытащили, но времени на переодевание не оставалось, мы уже отчетливо видели первые проблески зари. В следующий момент шлюпки отплыли. Мы смотрели им вслед. Может быть, им повезет больше, чем нам, сидящим тут на скале. Так или иначе, инженер пробовал то одно, то другое, чтобы как-то освободиться. Мы выкачали воду из уровневых баков, установили дифферент сначала на правый, потом на левый борт, работали двигателями на полной скорости, пока струя от винта не перелетала прямо на корму, но все напрасно. Лодка не сдвинулась ни на дюйм. Каждая минута приближала опасность. Оставалось еще полчаса до рассвета, но тогда [- 177 -] с нами определенно будет покончено. Подойдет военный корабль, и мы отправимся маршем в клетки для пленных, и это будет концом мечты о свободе. Оставалась последняя надежда. Цилиндры сжатого воздуха были еще полны. Манометры показывали 205 килограммов. Лодка может подняться над скалой, если мы внезапно откроем продувочные клапаны и пустим сжатый воздух через баки погружения и под килем. Итак, мы открыли клапаны на дне, закрыли наверху, лихорадочно надеясь снова оказаться на плаву. Сжатый воздух зашипел во всех баках. Двигатели заревели на самой пронзительной ноте. Полный назад! Никто не заметил опасных красных стрелок на циферблатах приборов. Те, кто стоял на мостике, понимали, насколько велико напряжение. Вся лодка тряслась. Полный на правый борт! Полный на левый! Наконец она шевельнулась, начала двигаться назад, и, слава богу, нос опустился.

Мы легли на киль. Штурман проложил курс. Он вел прямо назад. Сначала медленно, потом постепенно увеличивая скорость, мы двинулись прочь - как раз в тот момент, когда береговая линия стала выступать из тумана. Мы смогли еще разглядеть, что наши товарищи посылают нам прощальный привет:

- Счастливого пути. Если нас схватят, мы скажем, что подлодка подорвалась на мине и только мы остались в живых.

Затем, к нашему удивлению, раздался короткий залп, как будто стреляла береговая батарея. Аварийное погружение! Мы, преисполненные благодарности, погрузились до самого дна. [-178 -]

Глава 13. Шестьдесят дней п одводой.

Моральный дух команды был достаточно высок. Среди нас царило полное единство, и наше решение своевременно внесено в вахтенный журнал. Каждое предложение о движении корабля обсуждалось демократическим способом. «Вы все-таки командир», - говорили мне офицеры, да и рядовые были убеждены, что это справедливо. Мы все работали эффективно, даже несмотря на недостаток рабочих рук. Младшие в машинном отделении хорошо знали свою работу и выполняли ее и без руководства старшин. Как бы случайно они переместились в их кубрик, и теперь у нас хватало места, чтобы даже вытянуть ноги.

Поскольку мы решили идти вокруг Британии, нужно бьmи принять меры предосторожности, потому что все проходы наверняка патрулировались. Союзники не хотели позволить ведущим деятелям рейха ускользнуть из страны и хорошо знали дерзость своих врагов. Оказалось, что мы правы. Море вокруг Британии беспрерывно патрулировалось долгое время после окончания войны.

Неделя прошла в том же напряжении и с чувством неуверенности, но была и существенная разница: нами больше никто не командовал, каждый из нас боролся за собственную свободу. Много дней подряд [- 179 -] мы плыли на глубине 25 футов днем и на глубине шнорка ночью, чтобы зарядить батареи. Эта процедура без перископа выматывала нервы. Было еще одно, чего мы никогда не делали раньше: мы все ходили в спасательных костюмах. Пока мы шли со шнорком, Я даже разрешил курить в машинном отделении, так как это был единственный способ отвлечься в эти дни непрерывного напряжения. В конце концов, когда подлодка идет со шнорком, она хорошо вентилируется, и дым не страшен. Дизели сами выпускали длинные языки пламени, когда мы открывали боковые клапаны, чтобы проверить давление или скорость сгорания. Так почему мы должны лишаться одного из немногих удовольствий, еще доступных нам?

После 18 дней без отдыха команда дошла до предела: у всех под глазами черные круги, лица бледные и даже зеленоватые от отсутствия дневного света и свежего воздуха. Даже переборки позеленели от влаги. Постоянно плывя под водой, мы не могли избавляться от отбросов, и они скапливались в отвратительном беспорядке, не говоря о запахах, мухах, червях и других гадостях.

Хотя наша команда уменьшилась на 16 человек, пространство

все же было сильно ограничено. Кубрик старшин был длиной 12 футов, шириной около 7, высотой 6 футов 3 дюйма, и в нем помещались 12 человек. Мыло закончилось, стирать одежду приходилось соленой водой, она не успевала высыхать, а то, что не стирали, валялось где попало из-за нехватки места в шкафчиках. Время от времени вахтенный спускался вниз и говорил, что он должен немного вздремнуть. Другие играли в карты. И так продолжалось круглые сутки. Для нас, живущих при искусственном свете, разницы между днем и ночью не существовало. Мы не могли двигаться по лодке [- 180 -] без разрешения, чтобы не нарушить дифферент корабля, а взгляду было не на чем остановиться, кроме его унылых пределов.

Наши тела и души как бы находились в заключении. Нечем было заняться, да и не находилось стимула чем-нибудь заниматься, ничто не приносило радости. Мы оказались отрезанными и от природы, и от цивилизации. Однако, как ни страстно желали мы выпустить пар, заорать, поссориться, ударить кого-нибудь, ни один не осмеливался на это, боясь того, что может произойти. Самоконтроль - самое важное для заключенного. Но как долго сохранится он? Мы были только людьми, а жизнь, которую мы вели, казалось, превышала человеческие возможности. Сначала офицеры играли в карты. Время от времени то один, то другой выходил в машинное отделение покурить, чтобы снять напряжение. Постепенно они стали выходить курить все чаще и чаше.

Однажды, когда шнорк был опущен, остановился дизель. Сначала инженер не мог понять причину, но потом обнаружил, что главные соединения истерлись и перегрелись. Честно говоря, это была последняя капля. У нас не было ни перископа, ни знающих специалистов, мы крались под покровом темноты в водах, патрулируемых противником. С единственным двигателем нам понадобится пять часов на перезарядку. «Нет выхода, - подумал я. - В конце концов нас схватят».

Однако наша молодая команда за два дня устранила повреждение. Но казалось, мы попали в полосу неудач. Остановился второй двигатель, и снова пришлось заниматься тем же ремонтом. Но что бы ни было, мы старались держаться жизнерадостно и привыкать к неприятностям такого рода. Действительно, с этого времени ни одни сутки не проходили без ка- [- 181 -] ких-нибудь повреждений и неприятных неожиданностей. Мы расплачивались за не сделанный вовремя ремонт.

По временам казалось, что противник преследует нас. Когда бы мы ни подняли шнорк, мы ловили радар приближающихся

кораблей или самолетов. На этом отрезке пути оставался только один способ предохранить себя от сюрпризов. Мы останавливали двигатели на короткий gромежуток времени, обычно на полчаса, и погружались на «глубину прослушивания». Смысл этого погружения заключался в том, что противник, знавший о нашем приемнике радара, не должен рассчитывать на захват нас врасплох, если будет использовать только радар. По этой причине группы охотников за подлодками оборудовались гидрофонами, улавливавшими звук дизеля на значительном расстоянии. Если на пеленге, указанном гидрофоном , ничего не видно, можно быть уверенным, что слышали подлодку. А если впоследствии подлодка останавливала двигатель, корабль мог предположить, что та тоже использует гидрофоны, и сразу останавливал свои двигатели. Поэтому мы должны были выполнять этот маневр так быстро, чтобы противник на поверхности не успел скрыть свое присутствие, остановив двигатель. Мы каждый миг ожидали услышать взрывы бомб. Однако как бессмысленно было бы утонуть после окончания войны! Каждый день положение становилось все более критическим. Часто мы использовали шнорк по восемь дней подряд, потому что наши батареи не заряжались полностью уже. целую вечность. Хотя команда заботилась о них, как если бы они были из самого тонкого фарфора, то одна, то другая выходили из строя, и мы гадали, сколько же времени это будет продолжаTi?СЯ. Мы часто слышали взрывы мин или глубинных бомб на [- 182 -] расстоянии. Возможно, они гнались за другими подлодками?

В результате того что семь недель мы видели только одни и те же известные нам лица, многие из нас дошли почти до нервного срыва. Кучи грязи и мусора везде заставляли думать об уборке. Оставался только один выход: разгрузить торпеду, впихнуть на ее место всю грязь и выстрелить сжатым воздухом. Именно тогда начались ссоры, к которым мы рано или поздно должны были прийти. Старший офицер сказал, что можно сберечь много сил и избавиться от грязи, если просто выстрелить торпеду, а не разгружать ее. И вообще, лучше выстрелить все торпеды, поскольку они бесполезны и только занимают место на борту. Все это не лишено смысла, но я понял, насколько важно суметь доказать, что мы не стреляли торпедами после капитуляции и все они находятся на борту. Едва ли прозвучит убедительно, если мы скажем , что просто выстрелили их в море. После резких слов с обеих сторон офицер все еще отказывался понимать меня. Тогда я просто приказал ему выполнять мои указания. Первый раз с тех пор, как наша команда согласилась на определенную манеру поведения, я сыграл роль сторонника

строгой дисциплины.

Лето тянулось медленно, а мы двигались на юг. Постепенно становилось все жарче. Плесень широко распространилась, и, хотя мы мыли переборки каждый день, они становились совсем зелеными. Одежда прилипала к телу. - Из-за мытья только соленой водой все начали чесаться. Некоторые покрылись сыпью, у других появились нарывы, но ничем нельзя было помочь. Мы провели под водой 50 дней, и нам оставалось продержаться, пока не пройдем Гибралтар. Тогда мы сможем всплыть на поверхность ночью. Как мы ждали этого! В любом случае -мы снова [- 183 -] увидим небо и звезды, а ведь мы почти забыли, как они выглядят.

Однажды один из машинистов пришел ко мне и показал распухший палец на руке. Через несколько дней вся рука опухла и стала мягкой до самого плеча. Я не видел другого выхода, кроме операции, хотя врач на лодке отсутствовал. На подлодках со шноркелем врач не нужен, поскольку они не сталкиваются с самолетами. Пациент сидел в кают-компании с бледными изжелта-зелеными щеками и темными кругами под глазами. При своей длинной бороде он производил впечатление призрака. (На подлодках не принято бриться, так как это может лишить защиты от холода, влаги и масла.) Мы шли на глубине 40 футов. Наверху сияло солнце, или мы так воображали. Передо мной лежали инструменты. Я достал бутылку шнапса, считая его лучшей анестезией. Мы заморозили руку и вскрыли ее. Из раны полилось огромное количество гноя и крови. Операция прошла успешно. Мы меняли повязки каждый час, и через несколько дней кризис миновал. С моей души спала страшная тяжесть. Из-за этой болезни я уже планировал зайти в порт или передать больного на проходящий мимо пассажирский пароход. Но это означало бы крах надежд на Аргентину.

Однако, оставаясь в своей каюте в одиночестве, я все больше начинал беспокоиться. Правильно ли я поступил? Я отвечал за жизнь 31 человека. Даже если они согласились на это предприятие добровольно, фактом оставалось, что большинство из них несовершеннолетние. Как будто для подтверждения моих сомнений я начал ощущать атмосферу недовольства в команде. До меня доходили жалобы, что лучше бы повернуть и отправиться домой, что те, кого мы высадили, вероятно, уже дома, в то время как оставши- [- 184 -] еся влачат жалкое существование и могут никогда больше не увидеть дневного света. Я признавал справедливость этих жалоб, потому что казалось, наше подводное плавание будет продолжаться вечно. Один из людей пришел ко мне с предложением идти в испанский порт. Но теперь мы уже полностью связали себя обязательствами, и я решил стойко

защищать свое решение.

- Мы идем в Аргентину, - сказал я ему.

Что-то предстояло сделать, поскольку дисциплина разваливалась. Я подходил к группе ворчавших людей, но при моем приближении они внезапно замолкали. Нервы были напряжены до крайности. День за днем все шло не так, и казалось, ничто никогда не сгладится. Подлодка часто наполнялась паром, который вредил легким и заставлял глаза слезиться и саднить. Это происходило потому, что каждая волна автоматически закрывала клапан шнорка и временно снижала давление, пока клапан не откроется и не впустит свежий воздух. Постоянное изменение давления просто изматывало нас. Отбросы накапливались бесконечно, и мы снова разгружали торпеду, набивали аппарат мусором, выстреливали и снова ставили торпеду на место. Возможно, лучше было бы выстрелить эту проклятую торпеду и разделаться со всем.

В машинном отделении люди просто купались в поту и масле и больше других страдали от отвратительных условий. У нас едва ли остался хоть кусок мыла.

Однажды мне доложили, что один из рядовых украл немного шоколада. Это очень серьезный проступок на подлодке. Все запасы всегда открыты, так как запирать их нет возможности. Если кто-нибудь, проходя мимо, возьмет то, что ему захочется, человек, [- 185 -] отвечающий за снабжение, никогда не узнает, чего и сколько осталось. Здесь таится опасность для всех. Кроме того, просто недопустимо воровать у своих товарищей. Команды подлодок считают, что такого не должно случаться, и действительно, это случалось очень редко.

Я решил действовать сурово. Команда хорошо знала мои взгляды. Хотя я никогда не был сторонником сверхстрогости, но определенно не желал терпеть ничего подобного. Без дальнейшего обсуждения дела я созвал специальное собрание в носовом кубрике перед ужином. Когда первый помощник доложил, что все собрались, я надел белую фуражку, синюю форму со всеми орденами и пошел разговаривать с командой. Когда я прибыл, команда встала «смирно».

- Камараден, - начал я, - вы знаете, почему мы собрались вместе. Я не хочу ничего проповедовать или читать мораль. Вы все достаточно взрослые, чтобы отличать правильное от неправильного. Помните, что вы служили в самых лучших войсках. В самые мрачные наши часы вы вели себя так, что история не забудет этого. Нас недаром называют морскими волками. Так неужели вы позволите себе дойти до такого? Вы выглядите, как побитые дворняжки. Вы потеряли всякий интерес

к нашей борьбе за свободу, не так ли? И только потому, что сейчас жизнь кажется вам слишком суровой? Потому, что вы не видите солнца и должны про водить все время в этой дыре и не знать, что ждет нас в будущем? Как часто я слышал: «Ох, надо было сделать так, а не так», «Нам не хватит топлива до Южной Америки», «Наши припасы кончаются », «Мы гробим свое здоровье». Вы принимаете меня за дурака? Вы думаете, я не знаю, что делаю, и не предвидел этого? Разве не вы сами по собственной воле доверились мне? Ладно, теперь слишком [- 186 -] поздно возвращаться. Я требую, чтобы вы беспрекословно подчинялись моим приказам. Со своей стороны, я не отступлю от задуманного, что бы ни случилось. Вы знаете, что я хочу привести вас к свободе. Удастся ли это, я знаю не лучше вас. Но уверен, что не удастся, если вы будете вести себя так, как ведете последнее время. Когда дело доходит до кражи на борту, это значит, что мы на наклонной плоскости, а путь по ней или к убийству, или к бунту. Этот путь может сделать нас пищей для крыс, и не более. Мы выполняем за врагов их работу. Это чудесный, нечего сказать, конец для гордых подводников.

Теперь послушайте все. Я не случайно говорю о краже у товарищей. Именно это случилось у нас сегодня утром. Нет ничего более презренного, чем красть у своих товарищей. После этого нам остается только при крутить замки к шкафчикам и никогда не доверять ни соседу по койке, -ни товарищу по работу. Мы должны будем ходить крадучись и оглядываться через плечо, чтобы не получить удар в спину. Но мы до этого не дойдем. Я знаю, что вы порядочные люди, всегда вам доверял. Просто нам слишком много пришлось испытать. Теперь, ради бога, соберитесь с силами и поступите с тем, кто унизил нас, так, как найдете нужным.

Я повернулся, чтобы уйти. Команде снова скомандовали «смирно». Люди ответили на команду с былой сноровкой. Вор получил жестокую трепку, и несколько дней с ним никто не разговаривал. Это совсем не легкое наказание на маленькой подлодке, где все кажется лучше, чем остаться в одиночестве.

Неделей позже мы устроили праздник, чтобы отметить вновь обретенное товарищество. В последние несколько дней я постарался держаться отстраненно , но уже через короткое время мы вернулись к от- [- 187 -] ношениям в духе наших важнейших решений. Люди приняли новый договор, и теперь никто не говорил, что мы что-то сделали не так или надо пойти в Испанию. «Виновник» сам пришел ко мне с признанием и стал с этого момента полезным членом нашего общества.

Но хотя настроение улучшилось, оно не компенсировало наш

неестественный образ жизни. Мы плыли уже 60 дней и сами стали обрастать плесенью. Последние следы краски исчезли с наших похудевших, заросших бородами лиц. У всех пропал аппетит. Часто в молчаливой полутьме раздавался кашель. Мы работали как автоматы. Не видя дневного света и не получая свежего воздуха в течение двух месяцев, мы фактически стали живыми трупами. Деревянные части лодки начали гнить, конденсат постоянно сочился по переборкам, койки и белье оставались влажными. Когда люди не были на вахте, они просто лежали в своих койках в полном оцепенении. Часто, когда становилось слишком тяжело, мы открывали кислородные цилиндры, но теперь они были почти пусты. Наши помещения почернели от неизбежных выхлопных газов, потому что давление воды становилось слишком большим для выхлопных клапанов, и почти каждый день клубы дыма заполняли подлодку. Сами двигатели были не новыми, и мы не могли позволить им отдыхать, так что постоянное движение с полной скоростью начинало сказываться и на них. То тут, то там выходили из строя важные электрические приборы и механизмы, что было неудивительно в условиях нашей влажности. К счастью, старший электрик оставался с нами, а он был крупным специалистом.

Наконец наступил великий день, когда я решил, что безопаснее подняться на поверхность, и отдал приказ на всплытие. Мы подошли к району, где, как [- 188 -] мне казалось, ничем не рискуя, смогли бы идти на поверхности. Все лица засияли радостью, все мысли были полны этим великим событием. Это был наш 66-й день пребывания под водой, и мы долго готовились К этому событию. Сама перспектива освобождения из этого ада, казалось, наэлектризовала нас. Все начали подсчитывать те радости, которые нас ожидают: наконец сможем надышаться свежим воздухом, увидим море и, возможно, звезды в небе. Нужно только одно движение, чтобы врата ада открылись.

Все мы были готовы, весь расчет теперь строился на темноте. Каждый мечтал попасть на мостик. Но мы не могли этого позволить: Гибралтар был слишком близко.

Подлодка медленно поднималась. Я стоял на трапе у люка, положив руку на штурвал. Очень ржавый штурвал. С гидрофона сообщили:

- Все чисто.

Мы поднялись до 1О футов. Я отдал приказ:

- Подъем!

В ушах каждого это прозвучало как волшебное заклинание. · Меня охватил восторг. Я чувствовал, что жизнь для всех нас снова

начинается. Сжатый воздух зашипел в баках, манометр в рубке пришел в движение - пошел скачками. Это было как подъем в лифте.

- Люк свободен! - закричал инженер. - Давление выровнено.

Я поднял люк и вышел на мостик. Старший офицер вышел за мной, и мы осмотрелись. Вокруг не было ни одного корабля. [-189 -]

Глава 14. Южный Крест

Над головой простирался свод усыпанного звездами неба, позади лунная дорожка искрил ась бриллиантовой россыпью, и везде вокруг волновалось безбрежное море. Я смотрел на мир, окружавший меня, с чувством благоговейного восторга. Вдыхать полной грудью чистый свежий воздух - это эликсир для души. Я снова и снова наполнял легкие, потому что после удушливой, пропитанной маслом атмосферы нашей подводной темницы этот морской воздух казался самым ценным из всех даров. Вахтенные поднялись на мостик. Все свободные от вахты столпились в рубке управления, но только немногие могли видеть через люк отблески звезд. «Разрешите одному подняться на палубу?» - обычная формула на борту подлодки, когда кто-то просит разрешения подняться на мостик. Правила предписывают, что, кроме вахтенных, только двое могут одновременно быть на палубе. Но не сейчас. Скоро на палубе оказались все. Только команде машинного отделения пришлось остаться внизу и одному радисту, поскольку мы еще должны были наблюдать за радаром. Нас еще могли преследовать, хотя последние несколько дней прошли без каких-либо нарушений покоя, по крайней мере с этой стороны.

Всех нас охватило волнение. Это были необыкновенные минуты. Мы стояли, не отрывая глаз от [- 190 -] звезд - так давно их не видели, а впереди нас ждали и другие радости. Мы уже могли различать звезды Южного полушария, и я показывал их тем, кто никогда не плавал в этих широтах. Наш провинившийся товарищ тоже был здесь, но неприятный эпизод уже забылся, мы снова чувствовали, что мы вместе. Мы смеялись и шутили. Да, мы были счастливы.

- Жизнь стоит того, чтобы жить снова! - заявил Мозес. - Вы не загоните меня в этот старый гроб. Он хуже темницы.

- Прекрасно. Можешь взять шлюпку. Она твоя.

Ночь прошла быстро, но никто не хотел спать. Мы чувствовали себя слишком возбужденными. Казалось, нам даровали полное освобождение от всех обязательств. Волны впереди, волны позади, и морские свиньи вокруг. Не могу выразить словами нашу радость от всего этого. Все прошлые лишения и неприятности забылись - так хорошо было оказаться в живых этой ночью.

Сначала мы решили снова погружаться на рассвете, но потом отложили до восхода солнца. Не хотелось упускать такого зрелища. Солнце вставало, кроваво- красный шар огня над

бескрайним простором воды, а мы все стояли и восхищались этим спектаклем. Все молчали, только смотрели и смотрели, не отрывая глаз. Пока мы стояли в молчании, я как будто впервые увидел эти изможденные морщинистые лица, обросшие лохматой бородой, запавшие глаза, серую кожу с желтовато-зеленым оттенком, бледные губы. Эти лица, когда-то свежие и здоровые, за время нашего похода превратились в маски смерти, как будто эти 66 дней оказались труднее, чем вся огромная работа во время войны. Волосы моего старшего помощника стали совсем седыми. [- 191 -]

Когда окончательно рассвело, мы лениво погрузились на глубину. Мы придумали, как разделить сутки, поменяв ночь и день: спать днем, а ночью подниматься на поверхность и работать. Конечно, это не касалось вахты. Не то чтобы в этом была большая разница, свет в подлодке был всегда одинаковый: и полдень и полночь ничем не отличались на наших часах. Во всяком случае, именно в полночь мы получали нашу основную еду, после чего отправлялись работать до рассвета, а потом уже шли спать. Таким способом мы получили возможность наслаждаться природой, когда приходило время подниматься на поверхность. Во время этих ночных переходов мы еще принимали меры предосторожности, расчехлили пушки, разобрали и почистили их. Было странно видеть, как хорошо они сохранились даже после проведенного под водой времени. Мы перезарядили их, оставив запасной магазин у каждой пушки. Мы также восстановили палубную вахту в прежней силе и установили поисковый приемник в полном порядке. Если корабли или самолеты атакуют нас, мы будем защищаться, мы не собирались дешево отдавать свои жизни. Если нас заставят сражаться, мы будем сражаться.

За время нашего великого перехода мы узнали, что энергия и сила воли одного человека могут изменить судьбу каждого на борту. Как командир, я обязан был следить, чтобы на лодке царило общее согласие во имя спасения каждого человека. Я носил свою белую фуражку как знак, что несу ответственность за ведение нашего предприятия до самого конца, что бы ни случилось. Я благодарил судьбу за то, что она научила меня руководить людьми, когда я командовал учебной подлодкой на Балтике. Два года назад я бы не справился с той огромной ответственностью, ко- [- 192 -] торая легла на мои плечи, но я твердо решил добиваться, чтобы мои приказы выполнялись до последней буквы, и жестко пресекать всякие попытки внести разлад в наши ряды или подорвать дисциплину, пока мы в море.

Казалось, что все самое плохое наконец осталось позади. Все,

что мы должны были делать, - это не раскрывать своего предприятия, пока не приведем его к благополучному завершению. Меня беспокоила только одна мысль. Пока мы шли под водой, запасы топлива сократились до 40 тонн. Естественно, некоторые начали рассчитывать и пришли к заключению, что мы никогда не достигнем Аргентины, учитывая, сколько топлива мы уже израсходовали и как далеко нам еще оставалось идти. Это было совершенно правильно, и, на первый взгляд, перспективы выглядели довольно мрачно. Мы прошли 1 800 миль с тех пор, как покинули Христианзунд, и израсходовали 40 тонн топлива. Теперь, имея те же 40 тонн, мы должны были пройти еще 5500 миль. Совершенно верно, что наши баки вмещали 120 тонн, когда их устанавливали. Однако в дни, непосредственно предшествовавшие падению Германии, 80 тонн оказались тем количеством, которое мы сумели взять. Все немецкие резервы были израсходованы, а все планы создать синтетическое топливо или изобрести устройства, позволяющие дольше использовать топливо, разлетелись в пух и прах. То очень небольшое количество, ' которое наш инженер умудрился сэкономить благодаря своему восхитительному ноу-хау, израсходовалось очень быстро.

После тщательной проработки и обсуждения всех деталей я пришел к выводу, что мы можем позволить себе погружаться только в особых случаях, ведь погружение - очень расточительный процесс. И мы не [- 193 -] должны использовать шнорк. Поэтому я приказал идти 10 часов на поверхности на малой скорости с одним двигателем, а остальные 14 часов идти на электромоторах. Мы решили не принимать в расчет любые неудачи, которые могли бы произойти из-за такого медленного движения. Я посчитал, что мы достигнем цели где-то в середине августа. Я надеялся, что к этому времени у нас еще останется около 5 тонн в запасе. Если топливо все же закончится, мы поставим парус и пройдем оставшееся расстояние, полностью использовав все течения и ветры, которые будут нам благоприятствовать. Если же произойдет худшее, мы всегда сможем отправиться в Бразилию.

Настроение команды значительно улучшилось. Мы часто встречали пассажирские пароходы с о всеми навигационными огнями, ведь война закончилась. Однажды ночью нас обогнал пассажирский пароход, и мы услышали отдаленные звуки танцевальной музыки. Люди ходили взад и вперед по прогулочной палубе, а мы смотрели на них и испытывали страстное желание участвовать в этом празднике жизни. В течение целого часа это гигантское судно, настоящее море света, беззаботно проходило мимо нас своим путем. Морской волк,

когда-то гроза и ужас океана, превратился в ручного щенка.

Мы снова установили наше устройство для поиска радара. Курить на мостике строго запрещалось. Может быть, это и было чересчур, но я не хотел рисковать. Когда ночью мы шли на поверхности, тем, кто хотел, разрешалось курить, сидя у перископа в боевой рубке. Теперь мы могли настроить приемник и наслаждаться музыкой и, что гораздо важнее, снова слушать новости. После полнейшей изоляции от мира целых два месяца мы могли получить более яс- [- 194 -] ную картину того, что происходит в мире. Из услышанного стало очевидно, что дома все обстоит достаточно скверно. Мы наконец узнали, что случилось после капитуляции. Ничего, что могло бы помочь нам, никакого развала коалиции победителей. Германия шаталась под гнетом поражения. Все это давало пищу для размышлений. Снова и снова я анализировал все события, проведя немало времени в горьких и противоречивых раздумьях. Казалось, я не мог трезво взвесить факты.

Команда не могла говорить ни о чем, кроме положения тех, кто остался на родине. Каждое сердце сжималось от беспокойства и страха за них. Что стало с теми, кого они любили, после оккупации, особенно с беженцами, вероятно вынужденными в самом жалком состоянии вести борьбу за существование? У них нет ни кровати, чтобы спать, ни одеяла, чтобы укрыться. Они ничего не знают о своих отцах и братьях, а если удается что-то узнать, то новости плохие: он или убит, или остался калекой. И неоткуда ждать помощи, потому что у каждого свои проблемы и нет ни времени, ни сил помочь кому-то еще. Возможно, люди дерутся за кусок хлеба, за картофельные очистки. Старики и дети голодные, а мертворожденные дети стали частью повседневности. Моя мать оставалась в Берлине во время последней битвы, и я всегда чувствовал себя несчастным, когда думал о том, что могло с ней произойти. В таком же положении были и многие другие.

Состояние подлодки было ужасающим. Вся обшивка проржавела. Я отдал приказ старшему помощнику произвести тщательный ремонт. Лодку надо по красить везде, где потребуется. Надо очистить ржавую плесень с боеприпасов и покрыть их смазкой. Эти 66 дней под водой сказались на лодке так же, как [- 195 -] и на нас самих. К сожалению, старший помощник не симпатизировал мне. Он настаивал, что подлодку надо утопить у берегов Аргентины, а потому ремонт - только даровая трата времени и сил. Я порекомендовал ему выполнять приказ и не спорить. Все рядовые до последнего человека оказались на моей стороне, и состояние лодки значительно улучшилось. Большие магазины для скорострельных пулеметов

были разобраны, тщательно смазаны и собраны снова. Когда один матрос беззаботно оставил патроны лежать на палубе, чтобы облегчить себе работу, я указал ему на опасность взрыва и посоветовал выполнять свои обязанности точно так, как его учили в школе пулеметчиков. Старший помощник, однако, думал, что знает дело лучше меня, и сделал несколько умаляющих меня замечаний, позаботившись, чтобы я нечаянно услышал их. Я вызвал его в свою каюту и побил, однако он открыто выступил против меня, говоря, что я не имею права ему приказывать и больше ему не начальник, какая бы ни была власть.

Кажется, наступил предел. Я никому не мешал выражать беспокойство или даже критиковать меня, правда в приличной форме. Но тут было совсем другое. Я решил не спорить с ним, однако с горечью сознавал, что его агрессивное поведение угрожает нам раздором среди команды. Я не имел официальной власти или начальников, которые могли бы поддержать меня, я должен был справиться с ситуацией сам. А ведь именно по вине этого офицера вышел из строя перископ, что могло иметь самые неприятные последствия, когда мы шли со шнорком. Он забыл закрепить перископ во время аварийного погружения. В результате под давлением воды на глубине 50 футов оборвались провода, а перископ упал, и все призмы разбились. [- 196 -]

Я решил, что его поведение сейчас и те неудачи, за которые он был в ответе, оправдают особые меры. Построив команду, я объявил им, что старший помощник освобождается от всех его обязанностей. Я запретил всем выполнять его приказы или обсуждать с ним что-либо, касавшееся нашего похода. Второй помощник занял его пост.

К этому времени мы приближались к островам Зеленого Мыса, ожидая увидеть их острые пики в любой момент. Мы так давно не видели земли, что глаза в нетерпении буравили темноту. Когда наступил рассвет, стали смутно появляться сначала одна тень, потом другая. Мы не потрудились спуститься под воду. Мы были совершенно уверены, что наблюдателей на острове нет.

Солнце встало, и массивные утесы отвесно поднялись из моря. Это было впечатляющее зрелище. Мы начали различать поля и зеленые лужайки на склонах и в море рыбацкие суда с разноцветными парусами. Чтобы чувствовать себя в безопасности, мы шли на перископной глубине. Правда, наш перископ был слабым, но в этих местах никто не собирался высматривать следы винтов, остававшиеся, когда подлодка шла близко к поверхности. Скоро мы прошли мимо острова, который лежал не больше чем в тысяче метров от нас. Каждый имел возможность посмотреть в

перископ J1 полюбоваться видом людей, работавших на открытом воздухе. Мы все почувствовали, что должны провести здесь хотя бы несколько дней, чтобы восстановить силы. Союзники, конечно, не будут охотиться за нами на островах Зеленого Мыса.

В своей лоции я увидел, что некоторые острова группы необитаемые, и команда буквально запрыгала от радости при мысли высадиться на одном из них. Мы выбрали остров Бланка и, всплыв около него, по- [- 197 -] чувствовали себя в полной безопасности. Все поднялись на палубу полюбоваться спокойным морем, скалами, отражающимися в его голубом просторе, и белыми берегами вдали. Дельфины играли вокруг нас.. Казалось, они стараются прыгнуть на нос лодки. Мы были благодарны им за их беспечную игру. В бинокль не просматривалось никаких следов человеческого присутствия, кроме нескольких хижин рыбаков, очевидно убежища на случай непогоды. В это время года все должны быть на более крупных островах. Мы осторожно приближались к берегу, используя электромоторы. В чистой, прозрачной воде проглядывалась каждая скала и отмель, но буруны бушевали так яростно, что мы решили стать на якорь. Позже мы хотели перебраться на берег на шлюпках.

Острова Зеленого Мыса лежат в водах, кишащих акулами. Однако мы быстро преодолели первые колебания насчет купания. Присутствие дельфинов показывало, что опасности нет, а в такой чистейшей воде в любом случае всегда можно увидеть приближение хищника. Не все знают, что дельфины, которые намного быстрее и проворнее акул, собираясь большими «стаями», могут прогнать или даже убить чудовище, многократно превышающее их по размеру. Были даже случаи, когда дельфины спасали людей от акул, образуя защитное кольцо вокруг пловца и подталкивая его к земле своим телом.

Наши усилия добраться до берега провалились из-за бурунов, и нам пришлось ограничиться его видом и радостью, что мы еще живы и находимся в таким прекрасном месте. Мы развлекались греблей на маленьких желтых шлюпках, и время от времени кто-нибудь пытался состязаться с дельфинами или нырять вместе с ними. Но животные никогда не подплывали слишком близко к нам. Не думаю, что мы [- 198 -] их беспокоили, они были очень проворны. Ночь была теплой и ясной, и мы устроили на борту праздник, чтобы уничтожить всякое упоминание о ссорах, происходивших в нашем подводном плавании, о нервотрепках тех страшных дней. В первый раз с незапамятных времен мы вместе пели и снова были счастливы. И когда думали о наших соотечественниках, влачивших жалкое существование за колючей проволокой, ясно осознавали, что на свете нет ничего более

ценного, чем свобода.

После всеобщего купания утром мы подняли якорь, и наш единственный дизель снова начал монотонное гудение. Держа курс на юг, мы определили место по последнему острову в группе Зеленого Мыса и скоро оставили его далеко позади. Вокруг простиралось гладкое спокойное море, высоко в небе сияло солнце. Целыми днями все лежали на палубе, и вскоре бледные тела начали покрываться загаром. Конечно, это было хорошо. Сыпь и нарывы исчезли за несколько дней, изможденные худые лица снова округлялись. Люди перестали огрызаться и ссориться, а те, кто не разговаривал друг с другом раньше, снова стали друзьями и шутили И смеялись вместе. Мы держали на палубе шланг и постоянно обливались из него. Но конечно, в такую жару все хотели искупаться в море.

Идеально было бы устроить серфинг. Дерева у нас хватало, веревок тоже, и за день доску для серфинга приготовили. Но ее нельзя тащить сзади, так как она может попасть под винты подлодки. Тогда линь прикрепили к носу лодки, и наиболее предприимчивый из нас вскарабкался на качающуюся доску. К ней привязали еще одну веревку для надежности, и тогда серфингист мог кататься стоя, на коленях или даже лежа на доске. Он крутился на волнах, то мягко под- [- 199 -] нимаясь, то опускаясь на волнах. Это был великолепный спорт. Из предосторожности мы привязывали крепкий ремень вокруг серфинги ста, и несколько человек держали его. Когда он падал в море, мы вытаскивали его. Так он держался подальше от винтов и не было необходимости останавливать двигатель. Кроме того, таким способом лодка сохраняла маневренность.

Как только наступал день, первый был уже на доске, остальные ждали очереди. Конечно, мы наглотались соленой воды, потому что ни один из нас не был специалистом в серфинге, а большинство видели его только в кино. Однако даже когда погода стала портиться, команда не могла удержаться от любимого развлечения. Признаюсь, многие сильно поцарапали ноги, карабкаясь на доску или соскальзывая с нее, но это никого не пугало. Никто не простудился, наоборот, все как будто получили новую жизнь. Едва ли кто-нибудь спал внизу, воздух там был слишком зловонным и влажным. Кроме того, там стояла жара. Люди укладывались на одеялах и подушках прямо на палубе. Здесь же мы и ели. Я радовался, что нас никто не видит. Только представьте себе: военный корабль с койками и навесами от солнца, подвешенными между пушек. Мы тренировались в точности попадания по мишеням пустыми бутылками, ловили рыбу гарпуном или с помощью гранат, чтобы разнообразить наш

рацион. Летающие рыбы очень вкусны. Особенно восхищались мы маленькими медузами с их радужными перепонками, лениво скользившими по ветру. По сравнению с другими кораблям и подлодка обладает огромным преимуществом : она позволяет соприкасаться с удивительны м подводным миром. Большинство людей, выходящих сегодня в море, ничего не знают о возможностях, таящихся в [- 200 -] глубине. Но мы в подлодке долго учились размышлять о бесконечном богатстве подводного мира и живых существ, обитающих в нем. Однако никогда еще мы не находились под таким впечатлением от изобилия и разнообразия цветов и оттенков.

Когда поблизости оказывались корабли, мы обычно меняли курс, чтобы не попасть им на глаза. Потом мы задумались, нужна ли эта суета, если можно просто замаскироваться. Мы разрезали простыни и паруси ну на полосы и распределили их так, чтобы издали выглядеть как безвредное грузовое судно. Мы даже оснастили лодку дымовой трубой, разрезав лист жести и приладив его в открытом ящике с промасленной ветошью внутри. Мы соединили его с трубой сжатого воздуха, чтобы ветошь горела поярче. Когда возникала необходимость, клубы дыма, пыхтя, поднимались в небо, разбрасывая искры. При таком убедительном эффекте мы никогда больше не уклонялись от встречи с пароходами.

Однажды человек на серфинге вдруг душераздирающе закричал. Рядом плыла огромная рыба. Мы испугались, не акула ли это. В жизни не видел я таких огромных монстров. К счастью, это оказался кит. Если человек сильно испугался, то на кита встреча не произвела впечатления. Он трижды проплыл вокруг лодки, а потом плыл рядом в течение нескольких часов, пока мы бросали ему сардины. Со временем он стал нашим талисманом. Наш Мозес даже предположил, что он мог бы стать отличным буксиром, если бы почувствовал к тому склонность.

Теперь мы приближались к экватору. Солнце пылало на безоблачном небе. Н и малейшего ветерка, ни даже слабой ряби на волнах. Мы находились в экваториальной штилевой полосе, спокойных вод которой так боялись старые парусные корабли. Чтобы за- [- 201 -] щитить голову И шею от палящего солнца, мы придумывали разные головные уборы. Мой собственный шлем от солнца имел чуть ли не ярд в поперечнике. На следующий день мы пересекали линию экватора. Организовав праздник, провели ритуал в тех же масштабах, что и по пути во Фритаун. Только теперь он проходил на палубе. Я играл Нептуна. Шеф полиции бил несчастную жертву широким мечом, нанося один или два, удара от души. Но как раз когда праздник был в разгаре, мы

услышали шум самолетов и спешно установили наш прибор приема радара. Шли ли они, чтобы наконец найти нас? Наблюдатели даже отказались смотреть, как окунают наших непосвященных, переключив все внимание на самолеты. Хотя мы ничего не могли видеть, шум двигателей не прекращался. Надо ли нам погружаться или нет? Так или иначе, мы встали к пушкам, зарядив их. Фет ида заняла свой пост у пушки, а Врач и Парикмахер встали к пулеметам. Весь двор занял свои посты на случай, если придется погружаться. Может быть, со стороны это вы: глядело забавно, но нам было не до шуток. Последняя из команд подлодок, наводящих ужас на всех морях, наряжена в смешные одежды и полна решимости сражаться за свою жизнь. Но до этого не дошло. Гудение двигателей, возможно просто пассажирских самолетов, постепенно растаяло вдали, и мы смогли закончить наш ритуал, правда уже с какими-то смутными чувствами.

Однажды произошел довольно-таки серьезный инцидент: наш бывший старший помощник потерял свой автомат. Когда дело доходит до кражи оружия, события приобретают неприятный оборот. Подозрения пали на одного из наших радистов. Его не любили в команде за явное отвращение ко всякой дополнительной работе. Все помещения перевернули в [- 202 -] поисках автомата, но ничего не нашли. Я поговорил с теми, кому больше доверял, и сказал, что необходимо найти виновника. Некоторое время мы больше не говорили об этом, но через четыре дня я получил сообщение, что автомат найден в радиорубке и что вор - радист. Я вызвал его к себе в каюту, и он сознался. Затем собравшаяся в носовом кубрике команда устроила ему выволочку: побрили голову, запретили выходить на палубу в течение двух недель и отправили под арест в помещение на корме, поближе к торпедным аппаратам, где он должен был сидеть на хлебе и воде. Естественно, никто с ним не разговаривал. Человек, укравший оружие, лишается доверия, и мы держали его под строгим контролем до конца похода.

Шли дни, мы следовали нашим бесконечным курсом, журчание воды под килем не прекращалось ни на минуту. Мы почернели от загара. Мы сидели на палубе, болтая ногами в воде, когда не ели и не пили. Работы было мало. Что до стирки, эта проблема решилась очень просто. Мы привязали белье на веревке позади лодки на час, после чего выяснилось, что ни одна прачечная не может сравниться с морской водой в кильватерной струе. Наши помещения блестели как новые, ржавчину отскребли, и тропическое солнце высушило все деревянные части.

Однажды по радио мы услышали, что U-530 вошла в Ривар-

Плате. Что будет с командой подлодки? Передадут ли ее или позволят остаться в Аргентине, стране, о которой мы так мечтали? К сожалению, мы не знали испанского. Было бы гораздо лучше получать сведения непосредственно из Аргентины, а не зависеть от подвергнутых цензуре передач из других стран.

Время пошло быстрее. Один раз мы увидели отблеск огней в небе, что предвещало Рио-де-Жанейро. Теперь мы шли все дальше и дальше на юг, становилось холоднее. Тропики остались позади. Нас готовили к операциям в Северной Атлантике, поэтому, не имея под руками карт Южного полушария, мы вычисляли курс и сами делали для себя карты. К счастью, бортовые книги сообщали долготу й широту всех важнейших городов на побережье. Мы постарались избегать берегов Бразилии, где, как известно, было много опасных рифов и скал. Не стоило идти на риск ради нескольких часов.

Потом мы услышали, что подлодку U-530 со всем личным составом передали США в качестве военнопленных. Эта угнетающая новость тяжело ударила по всем нашим надеждам на свободу. Теперь следовало все обдумать заново. Столкнувшись с реальностью, я больше не мог питать иллюзий. Что мы должны делать теперь? Возможно, лучше пойти в Бразилию или Уругвай или просто затопить лодку у берегов Аргентины и попытать счастья? Это была неплохая мысль, и теперь, когда наши соотечественники переданы врагу, это - лучший способ избежать клетки военнопленного. По моим предположениям, многие готовы, сшив вещевые мешки и собрав вещи, отправиться в путь. Некоторые упаковали и инструменты, надеясь найти работу на берегу. Другие, начитавшись приключенческих историй и насмотревшись фильмов о Диком Западе, вообразили себе странные картины Южной Америки и пришли в сильное возбуждение.

До сих пор я всегда собирал доверенных людей. Я никогда не хотел злоупотреблять положением командира, стать диктатором и потерять доверие команды. Поэтому я не участвовал в спорах ни за, ни против, поскольку сам еще ничего не решил. Я должен принять важное решение, и оно требует серьезного обдумывания. Я знаю, что ложный шаг навле- [- 204 -] чет опасность на будущее каждого из нас. Вы не можете легко относиться к международному трибуналу над военными преступниками. Подавляющее большинство высказалось за затопление подлодки. Проект звучал довольно привлекательно. Мой вновь назначенный старший помощник был старше всех по возрасту и, по моему мнению, лучше других подходил для того, чтобы обсудить все подробно. Каждый день мы разговаривали с ним, а ночью стояли

на вахте. Мы должны были что-то решить, люди хотели знать, чего им ждать в ближайшем будущем. Я старался выиграть время. Н и в коем случае нельзя делиться на соперничающие фракции, но оставалось всего несколько дней, пора прийти к какому-то заключению. Мои беседы со старшим помощником прояснили мои мысли, И я начал понимать, что последствия затопления корабля могут быть очень серьезными. Фактически они просто обязаны быть серьезными. Поэтому я заключил, что мы не должны рассматривать подобный способ действия. Мое решение стало непоколебимым.

Речь не могла идти о Буэнос-Айресе. У нас нет карт, а если бы и были, слишком опасно подниматься вверх по реке с ее отмелями 1 00 миль до аргентинской столицы без лоцмана. Поэтому я решил идти в Мар-дель-Плата. Маяк этой гавани, по нашим расчетам, должен был показаться через два дня. Именно это решение я и обрушил на команду, зная, что если я хочу довести дело до конца, то должен объяснить все предельно ясно и просто. Все полагались на мои слова. Они хорошо знали, что принято окончательное решение, но многие еще надеялись затопить подлодку и собирали вещи, чтобы идти на берег.

- Подводники, - начал я, собрав всех. - Я горжусь вами. Мы сделали, похоже, невозможное. Про- [- 205 -] шло три с половиной месяца, как мы приняли решение, и теперь его выполнили. Мы знаем, что это было нелегко. Мы уходили без необходимого ремонта, потеряли в самом начале всех наших специалистов, кроме двух, а они считаются незаменимыми. И, несмотря на все это, мы прошли весь путь. Наши двигатели в рабочем состоянии, на борту все, кроме перископа, содержится в полном порядке. Команда машинного отделения особо заслуживает нашей благодарности. Все без исключения выполняли свои обязанности отлично и под палящим солнцем тропиков, и под водой. Все остальные, как вы видите, · вычистили и выкрасили подлодку, пока она не стала такой, какой должна быть - образцовой. Я очень хорошо знаю, какую работу вы выполнили. Если бы мы шли сейчас домой, как бы мы гордились и радовались! Наше путешествие закончил ось. Когда я смотрю на ваши загорелые здоровые лица, я чувствую себя удовлетворенным. Вы показали характер, показали, что вам можно доверять.

Но теперь мы должны принять окончательное решение. Я не хочу решать что-то, не посоветовавшись с вами. У нас выбор: или затопить подлодку и высадиться в неизвестность, или отправиться в Мардель- Плата. Я хочу объяснить, как это представляется мне.

Совсем не трудно затопить подлодку. Но что случится потом? Сразу, как только мы высадимся на берег, перед нами встанут вопросы, на которые нет ответа. Мы должны уничтожить шлюпки или нас будут преследовать с момента высадки. Но шлюпки не горят легко и быстро, они из резины. Что еще важнее, пламя можно увидеть издали. Да и будет ли у нас время жечь эти шлюпки? Ладно, предположим, все прошло хорошо. Мы прощаемся друг с другом и ухо- [- 206 -] дим в 32 разных направлениях, потому что едва ли правильно маршировать всем вместе. Лично я в более выгодном положении, чем вы: у меня есть друзья в столице. Н о давайте подумаем о вас. Вы должны идти в немецкой форме, не зная языка и без гроша в кармане. У мкня опять-таки преимущество: я знаю английский и французский. Рано или поздно кто-то из вас попадет в полицию, и тогда весь район оцепят и тщательно прочешут. Союзники предложат награду за нас, газеты и радио расскажут нашу историю. Сможете ли вы в таких условиях долго скрываться? Если даже кому-то удастся, его имя и приметы разошлют на все полицейские посты, и он не сможет вести нормальную жизнь или начать новую под вымышленным именем. Если кого-то схватят, кто знает, в чем нас будут подозревать? Но одно совершенно точно: нас всех обвинят в затоплении подлодки после окончания войны и припишут нам злой умысел. Только подумайте, какие обвинения выдвинут против нас, если подлодка затонет, и к каким последствиям это приведет. И это будет самое горькое окончание нашего замечательного приключения, потому что, если нас схватят, надежда на освобождение в ближайшем будущем рухнет. С другой сторон ы, предположим, мы входим в гавань, где с нами ничего не может случиться. Мы начинаем с чистого листа. Если нам не повезет и нас все-таки схватят, мы, во всяком случае, сможем оглянуться на тот факт, что три месяца мы жили свободно. Хотел бы кто-нибудь из вас отказаться от этого похода, несмотря на все трудности? Для большинства это станет самым важным воспоминанием всей жизни. Время не пропало для нас даром, ведь мы могли провести его как военнопленные в совершенно других условиях. [- 207 -]

По моему мнению, у нас один выход. Мы должны войти в аргентинский порт. Подумайте над этим. Не воображайте, что я хочу давить на вас. Если вы отвергнете мое решение, я, очевидно, ничего не смогу сделать против 31 человека. Тогда пусть один из вас, кому доверит большинство, поместит меня под арест, а сам примет на себя ответственность как командир этой подлодки.

Через час я жду старшего помощника с сообщением о вашем решении.

Когда я закончил, большая часть команды перешла на мою сторону без особого шума. Я отдал специальный приказ, чтобы на борту ничего не повреждать и не разрушать.

17 августа 1945 года, в яркий солнечный день, мы впервые разглядели береговую линию Аргентины и маяк. Когда он стал хорошо виден, вся команда выстроилась на палубе. Никто не потерялся. Мы находились слишком далеко от берега, чтобы кто-нибудь мог тайком ускользнуть ночью. Если кто-нибудь смог бы уйти, это поломало бы весь наш план, и трудно было бы объяснить появление беглецов вместе с членами нашей команды. Между тем мой старший помощник, стоя на вахте в последний раз, следил за указателем оборотов, чтобы быть уверенным, что двигатели сохраняют нужную скорость. Над нами появился альбатрос. Сначала он летал над лодкой, потом сел на воду и позволил нам пройти мимо, может быть, в четырех футах от него. Он посмотрел на нас крошечными глазками, как если бы говорил: «С вашими бородами вы выглядите очень странно. Откуда вы взялись?)} Мы открыли коробку сардин, и каждый раз, как птица пролетала над ЛОД"" кой, бросали ей рыбку. Так она держалась поблизости довольно долго. Но когда мы попробовали дать хлебные крошки, альбатрос улетел. [- 208 -]

Находясь еще вне трехмильной зоны, мы подали по-английски сигнал «Немецкая подлодка» и заглушили двигатели. Несколько рыбацких лодочек подошли посмотреть на нас с любопытством, и, кажется, наши бороды произвели на них большое впечатление. Скоро приблизились аргентинский тральщик и две подлодки. С них информировали, что прибудет группа для встречи. Вскоре подошел моторный катер с офицером, несколькими старшинами и рядовыми. Дальше все пошло без задержек. В своей безупречной белой форме они производили приятное впечатление, а их отношение не оставляло желать ничего лучшего. Я принял аргентинского офицера на палубе и проводил в боевую рубку, в то время как его подчиненные разошлись по лодке. Он сказал, что ему приказано проводить нас в гавань, и его обязанность предупредить затопление подлодки или ее повреждение тем или иным способом. Я объяснил, что у нас нет намерения делать что-либо подобное. Я также предложил самому командовать во время входа в гавань, потому что команда понимает только по-немецки, а управлять подлодкой, не будучи знакомым с таким сложным оборудованием, трудно любому. Он согласился со мной, приняв слово чести. Так я отдал последние приказы как командир U-977. [- 209 -]

Глава 15. «Вы спрятали Гитлера»

Серый утренний свет струился через порт моей каюты на борту крейсера «Белграно». Сигнал «Освободить палубу» пробудил меня от мечтаний и вернул к действительности. Я больше не был мальчиком, плававшим под парусами на озерах Бранденбурга, не походил на самонадеянного молодого энтузиаста, прибывшего на флот, чтобы стать «морским волком». И командиром U-977 я больше не был. Нет, я - просто военнопленный, попавший в руки аргентинского военно-морского флота. Я на борту старого крейсера, запертый в офицерской каюте. Снаружи пост. Часовые стерегут каждое мое движение, а где-то на борту ' мои товарищи. Наверное, они, как и я, заперты в каютах и томятся в неизвестности в такой важный день. Мне хотелось знать, хорошо ли они спали и проснулись посвежевшими или, как я, лежали без сна, обдумывая все, что произошло, и желая знать, что ждет их в ближайшем будущем. Моя команда до конца выполнила самую тяжелую работу, стоически перенесла огромное нервное напряжение этих 66 дней под водой. Где они теперь? Что с ними станется?

Рядовой, невысокий парнишка с черными волосами, одетый в белую форму, принес мне превосходный завтрак. Он, сгорая от любопытства, уставился на меня, словно на страшного зверя в зоопарке. Может быть, на него произвела впечатление моя боро-[- 210 -] да, а может быть, он читал и слушал все страшные истории о секретных немецких субмаринах. Маленький кофейник с вкусным кофе, настоящим, с совершенно восхитительны м ароматом, помог мне снять усталость. Это было прекрасно, потому что наступал момент, когда мне понадобятся все силы и души и тела. Туг как раз раздался стук в дверь и вошли два офицера, чтобы отвести меня для дальнейшего допроса к командующему базой. Один из офицеров говорил по-английски, и я спросил его о моих людях. Он ответил, что с ними все в порядке и «за ними хорошо присматривают».

В-кают-компании меня снова приняли очень вежливо, и мы сразу приступили к допросу. Допрашивающий хотел узнать: во-первых, о затоплении бразильского парохода «Бахия» ; во-вторых, о моем прибытии через столько времени после капитуляции Германии; в-третьих, не находились ли в течение какого- то времени на моем борту важные политические фигуры. Н а множество второстепенных вопросов я отвечал достаточно ясно и определенно, постоянно ссылаясь на судовые документы. Скептическое выражение на лицах допрашивающих начало

понемногу исчезать. Командующий сообщил мне, что все документы, которые я отдал ему, когда передавал подлодку, теперь пере водят, чтобы отдать на проверку специалистам. Как только они получит эти документы, выяснить все станет гораздо проще.

Командир U-530, которая пришла раньше нас и раньше гибели «Бахии», вообще не представил никаких документов. Но U-530 была вне подозрений потому, что пришла раньше, чем наступила смерть Гитлера.

Я указал на тот факт, что мы пришли с полным комплектом торпед, и представленные нами навига- [- 211 -] ционные данные тоже освобождают нас от подозрений. Ведь каждый человек на борту U-977 полностью осознавал, что агрессивные действия после победы союзников абсолютно бесцельны и могут повлечь за собой самые серьезные последствия. Командующий флотилией продолжал спрашивать, почему все-таки мы выбрали для сдачи именно Аргентину. Ответить на этот вопрос мне было совсем не трудно. Правила войны предусматривают, что все военное и мущество, при надлежащее побежденной стороне, становится собственностью победителей. По этим правилам, СССР должен теперь владеть всеми нашими техническими достижениями. Чтобы этого не случилось, я, выполняя приказ адмирала Деница о сдаче (как только получил его подтверждение), постарался сделать так, чтобы это было выгодно нации, которая уже проявила рыцарство по отношению к немецкому военно-морскому флоту в деле с линкором «Граф Шпее». Я также думал и о благополучии моей команды. Не было другой страны, от которой мы могли бы ожидать хорошего обращения. Отношения между Германией и Аргентиной всегда оставались нормальными.

- Но я должен признать, герр капитан, - добавил я, - что взвесил и другие факторы. Я надеялся, что в течение долгих 66 дней, когда мы шли к вашим гостеприимным берегам, в области международной политики могут произойти коренные изменения. Но боюсь, что мои надежды напрасны.

Очевидно, мои слова произвели на него впечатление, однако он ничего не ответил.

Излишне давать подробный отчет обо всем, что произошло в последующие дни и недели. Аргентинские власти при знали мои данные правильными. Но к сожалению, пока шло расследование, газета города Монтевидео, «Эль-Диа», опубликовала рассказ о [- 212 -] том, что Гитлер отправился на борту моей подлодки сначала в Патагонию, а затем в Антарктиду. Легко понять, какой эффект это произвело во всем мире, особенно после полного провала попытки найти какой- нибудь след главы Третьего рейха

под руинами рейхсканцелярии в Берлине. Слух, появившийся в Монтевидео, моментально подхватили. Газеты всего мира выходили со все более сенсационными историями. И все это время я, заключенный, вынужден был молчать. По правде сказать, я не знаю, что больше приводил о меня в ярость: безответственные торговцы сенсациями или те сообщения, которые доходили до меня. В них подло описывалось, как когда-то гордые вооруженные силы Германии были рассеяны победителями.

Затем однажды я получил сюрприз - предстал перед англо-американской комиссией, состоявшей из очень упрямых офицеров высокого ранга, специально отправленных в Аргентину расследовать таинственный случай с U-977.

- Вы увезли Гитлера, - твердили они. - Говорите, где он?

Я не мог сказать им больше, чем уже говорил аргентинцам. Они стали очень нетерпеливыми, и неудивительно: ведь сведения о нашей подлодке все еще мелькали в заголовках газет. Ни одна газета не при знавала мастерство и выносливость людей, совершивших первое столь продолжительное плавание под водой в таких ужасных условиях. Нет, каждая статья, каждый очерк и сообщение сворачивали на ту же старую избитую тему о Хайнце Шаффере, увезшем Гитлера. Так вот в разговоре с Хайнцем Шаффером , стоявшим перед ними во плоти, репортеры проявляли и характер и темперамент, чтобы получить информацию о фюрере, которого они стреми- [- 213 -] лись взять В плен живым, несмотря на то что его давно объявили мертвым.

Вскоре меня передали С Ш А и перевели в лагерь для важных военнопленных в Вашингтоне, где я нашел многих немецких офицеров высокого ранга. Мои команда и подлодка следовали за мной. Недели подряд, день за днем, американцы повторяли обвинение: «Вы увезли Гитлера». Недели подряд я пытался заставить их понять бессмысленность всего этого. Это просто заводило всех нас в тупик. Обвинение в затоплении «Бахии» было несколько иным. Здесь давили мягче. Правда, ни все наши навигационные данные, ни даже присутствие на борту всех десяти торпед никого не убеждало. Мы, по их словам, могли нести 14 торпед, все знают, что некоторые подлодки так и делали. Кроме того, нет никакой уверенности, что мы не подделывали записи в вахтенном журнале. Но наконец случилось что-то, что прояснило истину. Бразильское морское министерство получило подробные сведения о погодных условиях в то время и в том месте, где находилась «Бахия». Их сравнили с метеорологическими наблюдениями, сделанными в тот же день на подлодке. Естественно, они не совпали, потому что мы были

совсем в другом районе в это время. Никто не зашел настолько далеко, чтобы предположить, что мы подделали метеоотчет. Обвинение сняли.

Как раз перед тем как это случилось, я познакомился с типичным примером «сценария». Ко мне внезапно привели Отто Вермута, командира U-530, и оставили нас одних. Раньше мы никогда не встречались,. но сразу поняли, что за нашей встречей стоит. Они надеялись, что в первом порыве радости от встречи мы забудемся настолько, что начнем обсуждать внутреннюю историю «призрачного конвоя» [- 214 -] перед их диктофонами. Они, вероятно, были очень раздражены, не узнав из нашей беседы ничего нового, кроме подлинных фактов совершенно независимых путешествий двух подлодок.

Я провел несколько месяцев в плену в Англии, когда друг прислал мне вырезку из английской газеты. Фотография, напечатанная там, буквально разбила мне сердце. На ней изображался взрыв на море. Конечно, я видел много взрывов на море во время войны, когда морские волки показывали свои зубы. Я знал, как эти взрывы беспокоили лидеров Объединенных Наций в те дни, когда немецкое радио выпускало одну специальную передачу за другой, чтобы рассказать миру о замечательных успехах, достигнутых нашими подлодками. Но фотография в газете, лежавшая передо мной в то утро, имела заголовок «Конец подлодки U-977». Из текста выяснялось, что моя прекрасная лодка затонула. Ее расстреляли торпедой по приказу. военного министерства США. Я утешал себя только мыслью о том, что она спасла наши жизни и безопасно пронесла через Атлантику, хотя могла бы стать для нас стальным гробом на дне моря. Мы собирались подарить нашу подлодку аргентинскому военно-морскому флоту, но не учли сложности международных соглашений.

Было очевидно, что все, касающееся U-977, вызывало крайний интерес союзников. Действительно, скоро их эксперты оценили, какое значение могли иметь наши технические усовершенствования. Например, Ванневар Буш, ведущий специалист США в возможностях современного оружия, сказал, что, если бы наши подлодки последнего класса появились вовремя, они бы так уравновесили силы, что ход войны стал бы совершенно другим. [- 215 -]

Когда русские оккупировали Восточную Германию, они получили большинство подлодок, строившихся В Данциге, Штеттине и Кенигсберге. Можно также с уверенностью предположить, что они получили и двигатель Вальтера для новейших подлодок. Западные же державы получили некоторые

запасные части, которые позже отправили в Лондон. Я не буду делать замечаний по поводу новой ситуации, созданной строительством большого советского флота подлодок, базирующегося на немецкой технологии. Говорят, их около тысячи. Я только хочу упомянуть предупреждение Ванневара Буша, что Запад в войне, требующей современных · методов морских сражений, может оказаться в положении, когда все придется начинать сначала, чтобы найти способ -борьбы против угрозы подлодок. Положение это крайне неблагоприятно для Запада.

Парадокс заключается в том, что именно благодаря радару субмарины стали тем грозным оружием, которое они сегодня представляют. До сих пор подлодки остаются единственным оружием, защищенным от всех методов обнаружения. М ожно определить и нанести на карту положение самолетов и ракет, тем самым получив возможность принять необходимые контрмеры. Но подлодки последнего типа могут плавать под водой через целый океан и, возможно, смогут применять атомное оружие, заходя во вражеские порты и промышленные центры. Современный опыт показывает, ЧТО возможности развития подводных асдиков дальнего действия сомнительны. Изменения солености, течений и температуры всегда будут приводить к значительным неточностям и помехам при передаче и отражении электроакустических волн.

Возможно, лучший способ защиты больших подводных субмарин состоит в создании маленьких, снабженных акустическими торпедами, подобными [- 216 -] нашим собственным типа «Заункониг». Но удастся ли это? Угроза, исходящая от подлодок, означает конец больших надводных кораблей. Они перестали окупать стоимость их строительства (корабли типа «Бисмарк» или «Миссури» стоят столько же, сколько строительство города с населением 100 тысяч жителей) и для борьбы с современными подлодками окажутся просто устаревшими.

За эти открытия, которые теперь приносят пользу другим морским державам, Германия заплатила высокую цену. Потери в нашем подводном флоте катастрофичны. Вице-адмирал Ассман пишет в американском «Ревю форин аффэарс», что из 40 тысяч человек, служивших на подлодках, 30 тысяч погибли. Из 720 подлодок, имевшихся на море, 640 утонули. Однако я сомневаюсь, что даже такие цифры потерь удержат другие державы от попыток обеспечить себе господство на морях при помощи подлодок.

В Вашингтоне со мной обращались прилично во всех

отношениях, хотя в других местах, где командование редко показывалось, все было по-другому. Наконец меня оправдали, и я пароходом отправился в Германию. К этому времени мою команду уже репатриировали. Во время путешествия никаких событий не происходило. Однако, поскольку немецкие гавани были переполнены судами союзников, мы высадились в Антверпене. Здесь «по техническим причинам» я снова стал заключенным, теперь уже у британцев. Они немедленно снова начали то же дело о вывозе Гитлера. Меня подвергли новым допросам. Англичане вели себя так, словно их американские «кузены» не сумели достаточно хорошо справиться со своей работой. Конечно, я не мог сказать ничего нового, но они явно находились под сильным влиянием легенды о U-977. Меня даже отправили вместо обычного лагеря для военнопленных в особый лагерь, [- 217 -] где со мной обращались так, как будто я был видным деятелем Третьего рейха.

Однако, будучи способным все объяснить к их очевидному удовлетворению, я все-таки умудрился выжить и наконец нашел себя снова одетым в штатское и свободным - если можно говорить о свободе в оккупированной стране.

Теперь я прокладывал свой курс через целое море развалин, бедности, общей беды в послевоенной Германии. Это было таким же испытанием, как и прокладывать курс через Атлантику в Аргентину. Вот на этом этапе, как я уже объяснил, на улицах Дюссельдорфа я снова столкнулся с той же самой историей. Очевидно, автор книги был гораздо умнее, чем все офицеры союзных разведок, вместе взятые. Откровенные замечания сеньора Ладислава Жабо потрясли меня как совершенно смехотворные. Большинство новых сообщений содержали только разрозненные цитаты, зато в весьма сенсационном стиле. Несмотря на все это, я все-таки хотел прочитать эту книгу, и спустя некоторое время мой друг из Аргентины прислал мне ее. Она называлась «Гитлер жив».

Открыв ее, я был совершенно подавлен подзаголовком , типичным для всей книги в целом : «Новый Берхтесгаден в Антарктике». Затем шло посвящение английскому поэту Честертону. Потом следовало предисловие некоего Клементе Симорра, объявлявшего, что аргументы Жабо производят сильное впечатление и влекут справедливый вывод, что «птица С дурным знаком», Гитлер, теперь раскинула крылья над четырнадцатью миллионами километров антарктических снегов. Далее шло открытое письмо Маршаллу, Молотову, Бевину и Бидо, информировавшее их, что 16 июля 1945 года газета Буэнос-Айреса «Критика » опубликовала подробный расчет перелета Гит-

[- 218 -] лера и точное расположение его укрытия. С тех пор история обрастала новыми подробностями. Наконец, Жабо призвал четыре державы преследовать немецкого диктатора до его логова, захватить его, чтобы предотвратить возрождение нацизма в Германии.

Открытое письмо, написанное в марте 1947 года, было составлено гораздо позже того, как закончились допросы Отто Вермута и меня. Однако первая глава называется «Тайна субмарины» и касается сдачи U-530 в порту Ла-Плата. Автор продолжает делать заключения, от которых, как можно вообразить, Эдгар Валласе позеленел бы от зависти.

Следующая глава связана с моим собственным кораблем, U-977, и, естественно, особенно меня заинтересовала. К сожалению, она много потеряла во впечатлении, производимом ею, потому что автор, очевидно, знает о подлодках столько же, сколько эскимос о Центральной Африке. Несколько выдержек покажут вам, что я имею в виду. Например, автор считает очень подозрительным тот факт, что на обеих подлодках был большой запас сигарет, хотя курение на подлодках строго запрещалось. Те, кто читал книгу, оценят этот факт. Дело в том, что курение запрещалось только при плавании под водой, а не в обычных условиях. Обе эти подлодки прошли под водой не только значительное расстояние, но и гораздо большее, чем кто-либо ожидал, поэтому, естественно, они вошли в гавань с большим запасом нетронутых сигарет. Наш «Шерлок Холмс» просчитался.

О численности команды Жабо пишет, что подлодки этого типа имеют команду максимум 16-18 человек. «Поэтому было также подозрительным, что мы прибыли в Аргентину с командой в 32 человека».

Остальное на том же уровне. Он пишет, что нам запрещалось пользоваться радио, чтобы не выдать [- 219 -] своего расположения, и далее беспечно замечает, что именно по радио мы узнали о прибытии Вермута в Ла-Плату. Если первая часть книги сообщает, что или Вермут, или я везли Гитлера на борту своей подлодки, то уже во второй части звучит совсем другая нота. Теперь мы узнаем, что был, очевидно, «призрачный конвой», предположительно сопровождаемый нами, хотя мы и не осознавали задачу, которую должны выполнять. Жюль Верн просто бы восхищался таким поворотом.

Вся книга щедро иллюстрирована фотографиями Гитлера и Евы Браун, а также девушки, по-видимому дежурившей при двух мальчиках, очень похожих на Гитлера. Были снимки наших подлодок, людей, одетых в арктическую одежду, и руин рейхсканцелярии в Берлине с американскими солдатами,

ищущими убежище фюрера. Имелись там и цитаты из речей Эдды Чиано, и разные другие газетные материалы, все хитро перемешанные вместе с удивительными тезисами о нашем плавании. Кроме того, там упоминалось и об экспедиции в Антарктику в 1938 году. Здесь автор достиг кульминации. «В 1938 году, - пишет он, - по приказу адмирала Деница Швабенланд заложил новый Берхтесгаден... где-то в Антарктике... » Именно туда отправился Гитлер с женой и детьми в 1945 году, а подлодки 530 и 977 должны были его сопровождать, но предпочли повернуть на север, в Аргентину. Наконец, женщина-репортер газеты из Буэнос-Айреса заявила, что брала интервью у Гитлера в Патагонии.

Гораздо серьезнее, чем эта книга, показалось мне мое открытие, что в самой Германии широко распространилось что-то вроде таинственного предчувствия, что однажды Гитлер вернется. Люди отказывались верить, что фюрер мертв, и тайком ждали, когда он вернется со своей неизвестной Эльбы. По-насто- [- 220 -] ящему тревожной стороной всех этих сенсационных историй, появлявшихся из Буэнос-Айреса или Монтевидео, было то, что их авторы, пусть ненамеренно, хотели создать опасный миф, который послужил бы немцам предлогом, чтобы просто сидеть и ждать. Я не мог представить себе чего-либо более вредного для Германии, да и для всей Европы, чем подобные смутные размышления о желаемом. Бог помогает тем, кто сам себе помогает, а не тем, кто ждет, что призрак вернется из могилы, чтобы выполнить их работу.

Это основная причина, побудившая меня опубликовать правду о путешествии моего корабля, U-977. Есть и еще одна причина. Только несколько месяцев назад мы читали в мировой прессе, что субмарина «Пикерел» из США, снабженная немецким шноркелем, поставила абсолютный рекорд, находясь под водой в течение 21 дня. Если в этой связи говорить о рекордах, пусть не будет забыт подводный поход U-977, команде которой принадлежала честь выполнения одного из первых подводных путешествий на дальние расстояния в истории моря.

Что до меня, то с того самого дня, когда впервые встретился с аргентинцами, я решил, что лучше всего обосноваться в Аргентине и бежать от мира, который потерял всякое чувство порядочности. Ничто не ценится побежденным выше, чем уважительное отношение к нему победителя.

Теперь я живу в Аргентине. Под ее флагом я нашел мир и спокойствие, так нужные, чтобы написать книгу. Под южными звездами снова оживают мои воспоминания о службе на подлодках, обо всех тяжелых сражениях и о 66-дневном плавании

под водой. И в Аргентину я взял с собой самое значительное, что оставила мне Вторая мировая война, - непоколебимую веру в немецкий народ. [- 221 -]